

ДЕСЯТЫЕ
САЛТЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Киров
2006

*Департамент культуры и искусства Кировской области
Кировская ордена Почёта государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена
Кировский областной краеведческий музей*

ДЕСЯТЫЕ САЛТЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы научной конференции

(Киров, 23 ноября 2006 года)

**Киров
2006**

Редакционная коллегия: В. А. Поздеев (ответственный редактор)

Н. П. Гурьянова (составитель)

Л. Н. Лузянина

Л. Н. Самохвалова

С 16

Салтыковские чтения (10 ; 2006 ; Киров)

Десятые Салтыковские чтения [Текст] : материалы науч. конф. / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, Киров. обл. краевед. музей ; редкол.: В. А. Поздеев (отв. ред.) [и др.]. – Киров, 2006. – 174 с. : ил.

ISBN 5-93825-348-9

Сборник материалов 10-х Салтыковских чтений включает новые работы исследователей Москвы, Нижнего Новгорода, Риги, Ижевска, Кирова и других городов по проблемам творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина и о вятском периоде его жизни 1848–1855 гг.

В качестве Приложений представлены избранные доклады 8 и 9 Салтыковских чтений (1996, 2001), ранее не публиковавшиеся.

ISBN 5-93825-348-9

ББК 83.3(2=Рус)52-8+63.3(2 Рос-4 Ки)

Общество как адская пирамида: к интерпретации сна Мичулина в «Запутанном деле» М. Е. Салтыкова¹

А. В. Вдовин

Почти все предшествующие интерпретаторы [Саккулин. 1914; Макашин. 1951; Усакина. 1965, 1968; Грицай. 1976; Лучинская. 1976] концентрировались главным образом на отражении идейной атмосферы 1840-х годов в повести М. Е. Салтыкова «Запутанное дело» (далее – *ЗД*)², причём с характерным социологическим креном. Современные единичные исследования пытаются комплексно подойти к анализу и интерпретации *ЗД* [Созина. 2001. С. 181–192], что не всегда удаётся. Задача данной работы – рассмотреть ключевой образ ранней повести Салтыкова и интерпретировать его адекватно тексту, художественной логике и системе мотивов.

Основная коллизия *ЗД* состоит в «случае» (таков подзаголовок) – смерти Мичулина. Отчего умер Мичулин? Герой сам отвечает на этот вопрос в беседе с Наденькой. Мичулин умирает в силу не каких-либо материальных (физических) причин, а от попытки проникнуть в суть «запутанного дела» и вследствие этого от осознания своего места в социальной пирамиде³. Как убедительно показала Е. К. Созина, языковая игра с концептом «место» в повести навеяна широким контекстом темы «места человеческого» в литературе и культурном сознании 1840-х [Созина. 2001. С. 21, 181–182].

Отправной точкой конфликта служит то, что Мичулин не смог устроиться на службу в Петербурге, не нашёл места. Это обстоятельство сразу отличает сюжет *ЗД* от вариаций на тему потери места/вещи и смерти героя (ср. «Шинель» Гоголя, «Двойник», «Господин Прохарчин» Достоевского⁴). Если у Достоевского потеря места влечёт за собой смерть [Топоров. 1995b. С. 163], то у Салтыкова в самом начале повести герой, попадая в Петербург и не найдя своего места, изначально оказывается обречённым на гибель. Пространство Петербурга в *ЗД* отчетливо литературно и находится в зависимости от текстов Гоголя и Достоевского⁵, а потому повесть может быть включена в Петербургский текст. Рассмотрение *ЗД* в его контексте выходит за рамки настоящей статьи.

Кроме Петербургского текста, Салтыков заимствовал у Гоголя и Достоевского сказ, который характеризует повествовательный уровень повести, и приём мотивировки фантастических событий сновидениями и иными пограничными состояниями сознания героя. Мичулин видит три сна: сон о «баловне фортуны», сон о Наденьке-проститутке, сон о пирамиде. Нас интересует в первую очередь последний – ключевой.

Напомним, что внутреннему взору Мичулина предстает пирамида из человеческих тел, одним из которых является сам герой. Этот сон сам по себе стал литературоведческим мифом. Во всех обзорных историях литературы разбор *ЗД* сводится к упоминанию образа пирамиды как аллегории социально-политического устройства самодержавной России. Но никто из интерпретаторов не рискнул обратить внимание на ближайшее текстовое окружение главного образа сна и пойти дальше, нежели увидеть в нём трансформированное заимствование из Сен-Симона [Семевский. 1917. С. 37; Усакина. 1965. С. 428].

Сон о пирамиде носит подчёркнуто интерпретирующий характер⁶, т. к. Мичулину открывается «таинственная действительность». Именно этот сон является ключом к пониманию смысла повести; как будет показано ниже, на него замкнуты многие мотивы и образные ряды. В сюжетном же отношении это кульминация развития действия.

Ёмкий образ, включённый в структуру сна (уже повышено семиотичного), сообщает последнему высокую степень художественного обобщения, с одной стороны, а с другой – позволяет реконструировать как референт, так и отточия в тексте, сделанные по цензурным соображениям. Так, в воспоминаниях В. В. Берви-Флеровского сообщается, что молодёжь восполняла отточия образом Николая-богдыхана, восседающего на вершине пирамиды [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях. 1975. С. 339].

Примечательно, что и во сне, и наяву ситуация описывается автором как «действительность»:

«Ты хочешь знать, что ты такое? Изволь: я подниму завесу⁷, скрывающую от тебя *таинственную действительность*, – смотри и любуйся!» [1. С. 265].

Далее следует сон о пирамиде, т. е. эта самая действительность. Смысл этого слова здесь, очевидно, может быть истолкован как «существующая в России социальная реальность». После пробуждения глазам Мичулина «представилась *действительность – действительность самая нагая и безотрадная*» [1. С. 266]. Таким образом, и во сне, и наяву Мичулин имеет дело с действительностью, но, риторически, в разных её проявлениях – таинственным и реальном.

Художественный эффект образа пирамиды можно более наглядно объяснить с семиотической точки зрения. Как отмечал К. С. Веселовский, крамольная статья которого была в самый последний момент заменена на *ЗД* Салтыкова в «чёрном списке» вредных (подробно о цензурной истории *ЗД* и ссылке см.: [Макашин. 1951. С. 277–298]), в сне о пирамиде «нельзя не видеть дерзкого умысла – изобразить в *аллегорической* форме Россию» [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях. 1975. С. 49]⁸. «Аллегория предполагает вытеснение значений первичного языка смыслами, которые подлежат дешифровке» [Тюпа. 2004. С. 6]. Переосмыслив метафору Сен-Симона [Усакина. 1965. С. 428], которая в его сочинении не более чем

метафора, Салтыков помещает её в контекст художественного целого («не-изоморфное» окружение с вытесненными первичными смыслами), благодаря чему она и приобретает инносказательность.

Следующий важнейший момент, не получивший до сих пор никакой интерпретации, – детали истинной причины смерти героя. Дело в том, что Мичулин видит во сне своего двойника уже мёртвым:

«...*голова* Ивана Самойлыча была так изуродована тяготевшею над нею тяжестью, что лишилась даже признаков своего человеческого характера, а часть называемая *черепом*, даже обратилось в совершенное ничтожество и была окончательно выписана из наличности»⁹ [1. С. 265].

Натуралистические подробности подаются в стиле физиологического дискурса натуральной школы. В качестве органа (части тела), подверженной деформации, избирается голова. Но в нашем случае это обусловлено логикой, мотивированной и идеологически, и художественно. В первом случае мучительная рефлексия и *мыследеятельность* Мичулина как попытка прорваться к ответу на жизненно важные (в буквальном смысле) вопросы определяется как один из главных смысловых уровней *ЗД*. Во втором – это разветвлённая и укоренённая в тексте с другими мотивными комплексами система мотивов *давления на голову* (13 случаев)¹⁰. Данный мотив сочетается в тексте с навязчивым *физиологизированным* описанием процессов мыследеятельности¹¹.

Предсмертные слова Мичулина об исчезновении мозга и в целом образный ряд, связанный с головой, станет значимым гротескным мотивом в сатирической прозе Щедрина 1850–1880-х годов [Бухштаб. 1981].

Не менее важным (и также не интерпретированным) оказывается то, что пирамиду Мичулину демонстрирует некое «бесконечное»:

«И Мичулин думал, думал... пока не пришёл к нему *рыжий* плечистый мужик с *огненной* бородою и не стал требовать удовлетворения; за мужиком кидалась на него, показывая самые *страшные* и *длинные когти*, Наденька – тоже искала удовлетворения. <...> над всем этим хаосом возвышалось *бесконечное* на *бесконечно* маленьких ножках, совершенно подгибавшихся под огромною, подавлявшею их тяжестью. <...> оно не что иное, как воплощение того же самого страшного вопроса, который так мучительно и настойчиво пытал его горькую участь. <...> *бесконечное* так странно и двусмысленно улыбалось, глядя на это *конечное* существо [Мичулина. – А. В.]»

– Погоди же, сыграю я с тобой шутку! – говорило *бесконечное*, подпрыгивая на упругих ножках своих» [1. С. 264–265].

Этот гротескный образ может вызвать недоумение: Мичулин мог и без посредничества «бесконечного» увидеть пирамиду, но именно оно открывает ему истину. Для Мичулина «бесконечное» – воплощение мучившего его вопроса, иначе говоря – порождение его собственного сознания. С другой стороны, «бесконечное» имеет антропоморфные черты

(ножки, улыбка, речь), хотя и монструозные. Ещё раз «бесконечное» упоминает Беобактер в финале повести, отвечая на вопрос о причине смерти Мичулина: «О, это не легко объяснить себе! <...> над этим многие философы немало трудились... Да, это трудно, очень трудно!.. тут бесконечное!» [1. С. 274].

Демоническая, зловещая природа образов этого сна задана в самом начале, где «рыжий мужик с огненной бородой» – демон¹², а Наденька за счёт когтей приобретает черты ведьмы. Исходя из этой логики, монструозное бесконечное, венчающее пирамиду ужасных образов, может рассматриваться как воплощение дьявольской, сатанинской силы. Riskнём предположить, что образ пирамиды, во главе которой сидит нечто монстрообразное, мог быть навеян зеркально отражённой воронкой дантовского Ада, в центре которой в вечной мерзлоте скован Люцифер. Чтобы обосновать этот рискованный тезис, приведем сначала косвенные доказательства актуализации дантовской символики в ЗД.

Салтыков, без сомнения, был знаком с творчеством Данте, о чём свидетельствуют многочисленные упоминания его имени и высказываний в художественных и публицистических текстах, статьях и рецензиях [5. С. 310; 14. С. 222, 338, 518]. Цитату «Lasciate ogni speranza» из Ада [3. С. 9] Салтыков использовал в сатире «В среде умеренности и аккуратности» [12. С. 245]. Кроме того, остросатирический и полемический фельетон «Журнальный ад», по цензурным соображениям не опубликованный при жизни писателя, построен на символике ада, восходящей к «Божественной комедии» (ср., например: «Представьте себе Девушкина, сидящего в сатанах!» [6. С. 497]).

Аргументация иного рода касается принципа, по которому конструируется пирамида у Салтыкова. Он тот же, что и у Данте: «Но чем выше забирался этот взор, тем *оконченное* казались Ивану Самойльчу люди» [1. С. 266]. Это тем существеннее, что образ пирамиды у Сен-Симона совершенно противоположен салтыковскому¹³. Салтыков вводит дантовскую обратную зависимость меры нравственного от положения в иерархии. У Сен-Симона же достоинство социальных элементов прямо пропорционально близости к вершине¹⁴. С другой стороны,

«<...> во всей фигуре этого странного, мифического Мичулина выражался такой *нравственный пауперизм*, такое *нравственное нищенство*...» [1. С. 266].

Как и все обитатели кругов Ада, люди-звенья пирамиды Салтыкова также в разной степени грешны и виновны. Физиологические описания только оттеняют их нравственные качества¹⁵. Пирамида оправдывает свое адское предназначение. Составленная из полуживых людей, «один на другого насаженных», она расчленяет, деформирует тела: «Голова Ивана Самойльча была так *изуродована* тяготевшею над ней тяжестью, что лишилась даже признаков своего человеческого характера, а часть,

называемая *черепом*, даже обратилась в совершенное *ничтожество*» [1. С. 265]. В тексте настойчиво подчеркивается смертность Мичулина («изумление бедного *смертного*» [1. С. 265]; «*конечное* существо, которое под фирмою «Иван Самойлов Мичулин» *пресмыкалось* у ног его» [1. С. 264]).

Адскому зрелищу соответствует и состояние Мичулина, близкое к предсмертному ужасу: «И мысль его *замерзла* на половине пути» [1. С. 265] (ср. дантовского Сатану, вмерзшего в лёд); «Кровь несчастного застыла в жилах, дыхание занялось в груди»; «Какая-то страшная сила приковывала его к одному месту» [1. С. 266]; «Страшная тяжесть давила его голову» [1. С. 266]; «Холодный пот обливал его тело; дыхание замсрло в груди; волосы, один за другим, шевелились и вставали; весь организм трепетал в паническом ожидании чего-то неслыханного» [1. С. 266].

Наконец, важно отметить, что в самом тексте, а точнее, в первых двух снах, рассыпаны намёки, предвещающие адскую символику. Первый сон Мичулина, в котором его социальный статус волшебным образом меняется на «баловня судьбы», открывается апокалиптической картиной, несомненно, заимствованной из Фурье [Созина. 2001. С. 186], но в основе своей имеющей мифологические корни. Герой видит две контрастные панорамы великолепного города и грязной деревни, которые в итоге смешиваются:

«... деревня украсилась дворцами; город обезобразился почерневшими бревенчатыми избами; у храмов привольно разрослись репейник и крапива; на улицах и площадях толпились волки, голодные, кровожадные волки и... пожирали друг друга» [1. С. 220].

Символическая картина задаёт логику будущих превращений Мичулина в «баловня фортуны» и такое же стремительное низвержение в ад. Приказчик магазина, где мгновение назад богатый герой вдруг оказывается не способным оплатить покупки Наденьки, обвиняет Ивана Самойлыча в служении мамоне и чревоугодии, т. е. двух смертных грехах:

«Мамонс-то послужить умеешь! Тельцу-то поклоняешься, чреву угождаешь! А что в Священном писании сказано? Забыл? Грех, брат тебе! Стыдно, лобезный! <...> Ишь с чем подъехал, анафемский сын!» [1. С. 225].

В ответ Мичулин оправдывается, что его «попутал *лукавый*» [1. С. 225]. Сон заканчивается тем, что героя «берут под руки» и «перед ним *открываются двери ада*» [1. С. 226].

Второй сон открывается маркированным упоминанием реки Леты, являющейся атрибутом ада в греческой мифологии:

«А между тем *Лета*, эта услужливая *река*, снова заливают волнами своими воображение господина Мичулина, снова начинает она шуметь в ушах его, снова она *беснуется* и выходит из себя» [1. С. 227].

Ещё одна деталь, дополняющая данный мотивный комплекс, обнаруживается в сцене визита Мичулина к «нужному человеку». Раздражённый начальник открыто посылает просителя к черту:

«Ну, в богадельню, любезный, идите! В услуженье идите... хоть в *черту* идите, только не приставайте ко мне с вашим “есть нечего”!» [1. С. 239].

Семантический ореол ада, навеянный, скорее всего, Данте, как мы пытались показать, играет важную роль в создании аллегорической картины всех снов и в особенности последнего.

Таким образом, сон о пирамиде аккумулирует элементы из разных источников. Текст *ЗД* представляет собой конгломерат идей, актуальных в середине 1840-х годов. Попытки свести их к какой-либо одной философской системе или же её опровержению только сужают смысловое поле интерпретации.

Метафора, заимствованная у Сен-Симона, обогащается дантовским подтекстом. Казалось бы, вопрос исчерпан. Однако вернёмся к исходному тезису, изложенному в начале статьи. Завязка повести состоит в том, что Мичулин не смог найти места, т. е. он не только нигде не служит, но и не занимает никакого положения в социальной иерархии (разумеется, исключая его дворянское происхождение). В то же время это не мешает ему предстать в пирамиде в виде одного из её столбов. Следуя за такой логикой автора, мы вынуждены признать, что пирамида – не только и не столько указывает на социально-политическую реальность, сколько отражает некие культурные конвенции эпохи, а также категорию «места человеческого» [Созина. 2001]. Всё это проблемы, в решении которых ранний Салтыков оказался под влиянием Достоевского, Герцена, Гончарова в конце 1840-х годов.

Примечания

1. В данном случае мы считаем некорректным именовать писателя «Щедриным» или «Салтыковым-Щедриным», т. к. во время написания *ЗД* такого псевдонима ещё не существовало.

2. Все произведения Салтыкова цитируются по изданию: Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. (М., 1965–1977) с указанием в скобках тома и страниц. Курсив везде принадлежит автору статьи.

3. Ср.: «Вот это-то дело, оно-то и сгубило меня, Наденька! В нём-то именно и смерть моя! А совсем не в том, будто бы я простудился...» [1. С. 272].

4. На очевидные заимствования из «Господина Прохарчина» Достоевского только недавно обратила внимание Е. К. Созина [Созина. 2001. С. 183].

5. Этот обширнейший пласт поэтики *ЗД* мы оставляем в стороне, планируя посвятить отдельную работу интертекстуальным связям повести.

6. Это типично романтическая черта, по типологии И. П. Смирнова. В романтизме проникновение в сферу познаваемого объекта осуществляется с помощью янсайта [Смирнов. 2000. С. 30].

7. Поднятие завесы и далее во сне проступание сквозь «непроницаемый туман» [1. С. 265] пирамиды (т.е. действительности) противопоставлено в тексте многочисленному упоминанию *тумана, мглы, пелены* (в будущем излюбленных мотивов призрачного мира произведений Щедрина, особенно в «Господах Головлевых»), выступающих атрибутами

призрачной действительности, в которой существует Мичулин. Ср.: «туман, который, как удушливое бремя, давит город своею свинцовою тяжестью» [1. С. 203]; «во мгле тонет взор его, во мгле, в глубокой, непроницаемой мгле» [1. С. 219]; «И снова все исчезает в безразличном тумане» [1. С. 221] и др. Туман и мгла (конечно, в совокупности с другими мотивами-критериями [Топоров. 1995а. С. 320–343]) – ещё один фактор, позволяющий причислить *ЗД* к Петербургскому тексту.

8. Однако это устное сообщение не подтверждается документально. С. А. Макашин указывает, что в официальных протоколах сон о пирамиде не упоминался как повод к дальнейшим санкциям [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях. 1975. С. 339]. Очевидно, что со временем, с появлением «Забитых людей» Добролюбова, воспоминаний Веселовского, Спасской, образ пирамиды вытеснил все остальные крамольные места повести. Так сложился определённый миф об исключительной революционности сна. Между тем, в протоколе были указаны не менее «вредные» места: волки (читай: богатые), гильотина Бюбахтера и др. [Макашин. 1951. С. 288].

9. Ср. в «Брусине» дословный повтор этой формулы: «...жажда деятельности <...> оказалась выписанною из наличности» [1. С. 283].

10. Ср.: Ох, устал ты, бедный человек! *Разломил* тебе всю голову! [1. С. 221]; Там [в голове], напротив, началась страшная деятельность, начался шум и стукотня [1. С. 222]; Страшная мысль *жжжет* его мозг [1. С. 230]; В голове его было совсем пусто [1. С. 252]; ...если бы в то время не положили меня под пресс [1. С. 271].

11. 8 раз упоминается мозг и связанные с ним изменения. Ср.: [мысли] с быстротою молнии начали перебегать по всем нервам его *мозгового вещества* [1. С. 205]; Тайна эта была глубоко скрыта во мраке его хитрого *мозгового вещества* (о Звонском, который тоже, кстати, «слаб на голову» [1. С. 251]) [1. С. 212]; Мысль, промелькнувшая <...> в *мозговом лабиринте* своего владельца (1. С. 216); *Уж мозговое вещество* Ивана Самойлыча подёрнулось пеленою [1. С. 220]; Мысли бегали по *мозговым его нервам* [1. С. 222]; *Спит мозг* Ивана Самойлыча [1. С. 224]; О, *глупый мозг* [1. С. 224]; Тщетно мучит он *мозг* свой [1. С. 224]; Больной <...> спрашивал у Наденьки, куда *девался его мозг* [1. С. 270].

12. В качестве претекста может быть назван сон Гринева из «Капитанской дочки» Пушкина. Позже тот же «мужик» появится в снах Анны Карениной в романе Л. Н. Толстого.

13. Это отмечено в комментарии Т. И. Усакиной [Усакина. 1965. С. 428], однако истолковано только в социальном ключе.

14. Ср.: «Часто сравнивают общество с пирамидой. Действительно, общество походит на пирамиду, построенную из различных материалов, достоинство которых тем ниже, чем дальше удалён данный слой от основания и чем он ближе к вершине. Основание общественной пирамиды состоит из гранита, затем идёт несколько слоёв также ценного материала, но верхняя её часть, поддерживающая прекрасный бриллиант, есть не что иное, как позолоченный гипс. Основание пирамиды образуют производительные рабочие; первые слои над ними слагаются из предпринимателей, учёных, артистов. Вышние же слои, – позолота которых не может скрыть того, что они простой гипс – это придворные, аристократия разного рода, старая и новая, праздные люди, кто бы они ни были, все участники правительства, начиная от первого министра и кончая последним чиновником. Прекрасный же бриллиант, венчающий пирамиду – это королевская власть» [Сен-Симон. 1948. С. 330–331].

15. Т. И. Усакина трактует это в социальном аспекте, оправдывая «нравственный пауперизм» и выводя его из социального неравенства, согласно концепции друга Салтыкова экономиста В. А. Милотина, повлиявшей на идеологический каркас повести [Усакина. 1968. С. 185]. Иная точка зрения принадлежит известному дореволюционному

критику В. Кранихфельду, который считал Мичулина «ординарным и ничтожным» героем [Кранихфельд. 1904. С. 83].

Литература

Бухштаб. 1981 – Бухштаб, Б. Я. Мотив «испорченной головы» в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина // Наследие революционных демократов в русской литературе. – Саратов, 1981. С. 63–72.

Грицай. 1976 – Грицай, Ю. Ф. Композиция «Запутанного дела» Салтыкова-Щедрина // Вопросы рус. лит. – Львов., 1976. Вып. 2. С. 38–44.

Кранихфельд. 1904 – Кранихфельд, В. М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) : (опыт лит. характеристики) // Мир Божий. 1904. № 6. С. 60–96.

Лучинская. 1976 – Лучинская, Д. Ф. Салтыков-Щедрин и романтизм. Сороковые годы : к истории проблемы // Проблемы романтизма в художественной литературе и критике. – Казань, 1976. С. 144–167.

Макашин. 1951 – Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин : биограф. [Т.] I. – М., 1951.

Саккулин. 1914 – Саккулин, П. Н. Социологическая сатира // Вестник воспитания. 1914. № 4.

Салтыков-Щедрин в воспоминаниях. 1975 – М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников : в 2 т. – М., 1975. Т. 1.

Семевский. 1917 – Семевский, В. И. М. Е. Салтыков-петрашевец // Рус. записки. 1917. № 1. С. 36–40.

Сен-Симон. 1948 – Сен-Симон, А. Избр. произведения : в 2 т. – М., 1948. Т. 2.

Смирнов. 2000 – Смирнов, И. П. Реализм // Смирнов, И. П. Мегаистория : К ист. типологии культуры. – М., 2000.

Созина. 2001 – Созина, Е. К. Апология места в «Запутанном деле» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Созина, Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. – Екатеринбург, 2001.

Топоров. 1995а – Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» : (введение в тему) // Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Образ : исслед. в обл. мифопоэтического : избранное. – М., 1995.

Топоров. 1995б – Топоров, В. Н. «Господин Прохарчин» : попытка истолкования // Там же.

Тюпа. 2004 – Тюпа, В. И. Семiotический статус гротеска // Гротеск в литературе : материалы конф. к 75-летию Ю. В. Манна. – М. : Тверь, 2004. С. 6–7.

Усакина. 1965 – Усакина, Т. И. Комментарий // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. – М., 1965. Т. 1.

Усакина. 1968 – Усакина, Т. И. Беллетристика Салтыкова-петрашевца // Усакина, Т. И. История. Философия. Литература : (середина XIX в.). – Саратов, 1968.

Перспективы развития русского общества в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Н. В. Черных

Через полгода по приезде в Петербург в августовской книжке «Русского вестника» за 1856 г. были напечатаны первые главы книги Щедрина «Губернские очерки», произведения зрелого, глубокого, во многом новаторского.

Одни шедриноведы считают, что «Губернские очерки» могли быть написаны только в Петербурге и что, только вдохнув всей грудью воздух свободы и надежд первых лет царствования Александра II, М. Е. Салтыков смог сделать такой головокружительный скачок в своём идейном и творческом развитии¹. Другие стремительную эволюцию взглядов писателя находят в самих «Губернских очерках»². И только глубокий анализ предваряющей публикацию «Очерков» статьи «Стихотворения Кольцова» и служебных бумаг того периода позволил С. А. Макашину доказать, что творчески переработать вятские впечатления «мог только человек, обладавший уже сложившимся мировоззрением и художественным методом»³.

Сам автор ключом для понимания положительной программы «Очерков» назвал четыре главы: «Скука», «Неумелые» (конец), «Озорники», «Дорога»⁴. Тем не менее исследователи не могут чётко сформулировать главную идею, объединяющую эти очерки. Чернышевский, например, в своей критической статье рассматривал только «Неумелые» и «Озорники» и обходил молчанием очерки «Скука» и «Дорога». Е. И. Покусав в книге «Салтыков-Щедрин в 60-е годы» объяснял смысл трёх очерков «Дорога», «Скука» и «Неумелые», никак их не объединяя. С. А. Макашин считал, что ключ к пониманию «Очерков» следует искать в служебной биографии писателя⁵.

Говоря о службе в Вятке, шедриноведы, как правило, ограничивались упоминанием о трёх поручениях, выполненных Салтыковым: организация вятских сельскохозяйственных выставок, дело о камской оброчной статье и дело о расколе и совершенно при этом не учитывали, что все три поручения были лишь дополнительными нагрузками к основным обязанностям ссыльного чиновника.

Огромные залежи салтыковских служебных документов были выявлены в Кировском архиве в 50–80-е годы XX столетия и обратили на себя внимание местных исследователей – Н. П. Изергиной и Е. Д. Петряева. По их совету мною была предпринята попытка изучения рукописей четырёх годовых отчётов по Вятской губернии, составленных М. Е. Салтыковым в 1848–1851 гг. Простой метод сравнения данных по статьям отчёта за четыре года позволил увидеть основные направления деятельности Салтыкова – чиновника, а, главное, результаты этой деятельности.

В «Губернских очерках» М. Е. Салтыков признавался, что в случайности, бросившей его в далёкий край, он увидел своего рода предопределение: «Мне казалось, что и я должен на деле принести хоть частичку той пользы, которую каждый гражданин обязан положить на алтарь отечества»⁶. Он ехал в Вятку с солидным багажом теоретических знаний. В лице любимыми предметами Миши Салтыкова наряду с историей России, правом Англии были политическая экономия, сравнительная статистика, историческая топография. Да и в послелицейские

годы интерес к экономическим и юридическим вопросам у него не ослабевал. Известно, например, что именно Салтыков настаивал на пополнении библиотеки Петрашевского за счёт экономических трактатов. Возможность применить теоретические знания на практике провинция предоставила почти сразу: задыхаясь от нехватки образованных чиновников, вятский губернатор был вынужден поручить 22-летнему ссыльному Салтыкову дело чрезвычайной важности – составление годового отчёта по губернии за 1848 г.

Этот первый салтыковский отчёт важен и для уяснения взглядов, позиции ссыльного, и как исходная точка его преобразующей деятельности.

Если подойти к годовому отчёту 1848 г. чисто арифметически, то нетрудно заметить, что больше всего внимания Салтыков уделял трём главам отчёта: «Повинности», «Сельское хозяйство» и «Ремёсла и промыслы». Убедившись по представленным материалам, насколько тягостны и «неуравнительны» взимаемые с крестьян Вятской губернии натуральные повинности, Салтыков подробно рассматривал каждую из них. Учитывая прежде всего интересы крестьянина, он находил серьёзные аргументы, убеждающие вышестоящее начальство, насколько удобно и выгодно для всего хозяйства губернии замена натуральных повинностей уравнительным денежным сбором. Эта попытка повлиять на сложившиеся экономические отношения в губернии дала свои ощутимые результаты. Сравнивая тексты годовых отчётов, удалось установить, что уже в 1849 г. подводная натуральная повинность была заменена денежным сбором в пяти уездах губернии, а в 1850 г. во всех уездах губернии. Для облегчения отбывания квартирной повинности, во-первых, было принято решение построить казармы в населённых пунктах губернии, а во-вторых, введён чёткий учёт отбывающих повинность, что в какой-то мере пресекало злоупотребление местных начальств. В 1850 г. в некоторых уездах денежным сбором заменилась и дорожная повинность.

Даже не сведущего в области экономики человека поражал комплексный подход молодого чиновника к решению проблем губернии. Начав активную агитацию начальства за введение в губернии денежных сборов вместо натуральных повинностей, Салтыков ищет ответ на вопрос: где и каким образом вятский мужик сможет заработать большее количество денег. Не случайно важнейшими в салтыковском отчёте 1848 г. были разделы «Сельское хозяйство» и «Промыслы». Не обильные, но постоянные урожаи хлеба в Вятской губернии, большой спрос вятского хлеба в северных губерниях, Поволжье и за границей, позволили Салтыкову с горячностью молодости утверждать: «Всё внимание начальств должно быть единственно устремлено на то, чтобы по возможности содействовать успехам земледельческой промышленности. Стараться об обращении производительных сил губернии на какие-либо другие отрасли промышленности значило бы более или менее содействовать расстройству

благосостояния местных жителей»⁷. Салтыков подробно остановился на изложении тех мер, которые, по его мнению, более всего могли содействовать улучшению хлебопашества. В 1848 г. он выделил только две из них: заведение образцовых ферм, наглядно показывающих крестьянам выгоды правильного ведения хозяйства, и заведение сельских вспомогательных и сберегательных касс, дающих крестьянам возможность посредством займа за умеренные проценты «ближайший способ распространить свою промышленность». В отчёте 1849 г. первой из мер, способствовавших развитию земледелия в крае, М. Е. Салтыков назвал организацию сельскохозяйственных выставок...

Уезды огромной Вятской губернии имели разные климатические и природные условия, и это не могло не сказаться на занятиях вятских крестьян, их промыслах и ремёслах. Выяснив, что в некоторых уездах земля не в состоянии прокормить семью крестьянина, и они вынуждены были уходить на заработки, Салтыков уже в первом своём отчёте смело предлагал губернскому начальству «добровольно переселять крестьян на имеющиеся в губернии многочисленные казённые земли, лежащие впусе»⁸. Особенно взволновала Салтыкова судьба крестьян Слободского и Глазовского уездов, где скопилось наибольшее количество недоимок. Составитель отчёта пришёл к выводу, что поскольку железодельные заводы составляют крестьянам единственное средство к пропитанию и уплате податей, о состоянии заводов обязано побеспокоиться само правительство. Таким образом, уже первый годовой отчёт, составленный М. Е. Салтыковым, свидетельствовал не только о желании ссыльного писателя принести пользу краю, в котором он оказался, но и об умении применить теоретические знания на практике, т. е. умении дать глубокий анализ существующего положения дел и найти, учитывая прежде всего интересы простого народа, наиболее рациональные пути решения экономических и социальных проблем губернии. Любопытно, что материалы годового отчёта 1848 г. были широко использованы в книге «Военно-статистическое обозрение Вятской губернии», изданной в Санкт-Петербурге в 1850 г.

Важность скрупулёзного анализа годовых отчетов состояла в том, что каждый из них словно фиксировал новый этап служебной практики ссыльного писателя.

Отчёт 1849 г. Подготовительные бумаги к нему составили огромное дело в две тысячи с лишним листов. Для своего второго отчёта Салтыков требовал с мест максимум информации. Не жалея времени и сил, он отсылал в каждый уезд и городничему, и в земский суд подробнейший разбор представленных к отчёту материалов. Так, например, анализ, посланный глазовскому городничему, состоял из 10 пунктов, в вятский уездный суд – 23, в уржумский уездный суд – 26. И каждый пункт – это конкретное замечание и конкретное требование, чёткая инструкция к действию. Строгие предписания шли от имени вятского губернатора А. И. Середы. Губернатор,

прочитав проекты отношений, на одном из листов черновика оставил надпись: «Чрезвычайно благодарен Михаилу Евграфовичу за этот труд».

Уроки элементарной статистики, преподаваемые Салтыковым и получившие силу закона, благодаря подписи губернатора, позволили губернскому правлению в будущем иметь достаточно полные и более-менее достоверные сведения из уездов. Ко времени составления отчёта 1850 г. материалы с мест присылались либо в вопросно-ответной форме, либо в виде таблиц.

Столкнувшись с невежеством, халатностью, а, главное, с совершенным равнодушием чиновников к истинным потребностям народа, Салтыков невольно вынужден был обратиться к проблеме подготовки кадров.

Известно, что одной из книг, которые Салтыков изучал в Вятке, был трактат Токвиля «Демократия в Америке». Эта знаменитая книга ставила вопрос о замене бюрократической опеки местным самоуправлением – своеобразной школы политического воспитания народа. В годовом отчёте 1849 г. Михаил Евграфович рисовал довольно печальную картину уровня развития городских дум. Обязанности, налагаемые выборами в органы общественного самоуправления, считались обременительными и отнюдь не почётными. Поэтому и должности в управлении городов занимали люди случайные. Кроме того, незначительность средств городов не позволяла сделать что-либо полезное для общества. В черновом варианте отчёта мы наблюдаем попытку Салтыкова подсказать губернатору выход из создавшегося положения. Он предлагал хотя бы в виде опыта в одном из городов губернии «присвоить общественным должностям известное содержание». Видимо, даже для такого прогрессивного чиновника, каким был тогдашний вятский губернатор А. И. Серeda, предложения Салтыкова показались слишком смелыми, необычными, и он вычеркнул их из отчёта.

Назначение М. Е. Салтыкова на должность советника хозяйственного отделения 5 августа 1850 г. открыло ему более широкие возможности влияния на экономическую и общественную жизнь губернии. Определив круг важнейших проблем и самых насущных потребностей городских обществ, Салтыков потребовал немедленного их решения от общественных комиссий, которые бы представляли интересы не одного городского сословия, а всех без исключения. Именно такая представительная общественная комиссия отныне определяла количество 1 % сбора с каждого жителя в пользу города. В порядок выборов на общественные должности советник хозяйственного управления внёс новые правила. В обязанность всем городским управлениям было вменено составление подробных списков лиц, имеющих по закону право участвовать в общественном собрании с обозначением против каждого лица, «сколько оному лет, не был ли он под судом, за что и что по суду оказалось, исправляет ли общественные должности» и т. д. При этом списки должны быть обязательно составлены

«не от имени некоторых частных лиц, а при полном собрании общества или по крайней мере при 2/3 его». Решительная кадровая политика очень быстро стала давать результаты. Достаточно сказать, в 1852 г. доходы города Сарапула выросли в 5–6 раз⁹. А в годовом отчёте 1853 г. сообщалось: «Своими действиями губернское начальство достигло того результата, что в настоящее время совершенно не встречается случаев злоупотреблений по части городского хозяйства, тогда как в прежнее время случаи эти были нередки»¹⁰.

Если вспомнить, что в недалёком будущем Вятская губерния покажет пример разумной хозяйственной деятельности органов самоуправления, и вятское земство назовут одним из самых передовых в России, то невольно возникает вопрос, не есть ли это всходы, посеянные советником хозяйственного отделения, ссыльным писателем М. Е. Салтыковым?

Отчёт 1851 г., в отличие от предыдущих, остро ставил вопрос о судопроизводстве в провинции: «административная часть в городском управлении, несмотря на всю недостаточность, находится в Вятской губернии всё-таки в несравненно лучшем положении, нежели часть судебная. Члены магистратов почти везде совершенно не знакомы с существом возложенных на них обязанностей и нередко даже неграмотны, поэтому во всех без исключения судебных городских управлениях главное действующее лицо составляет секретарь, а так как жалованье, положенное сей должности до крайности ограничено, то в действиях сих лиц не всегда замечается надлежащая благонамеренность»¹¹.

Интерес к юридическим наукам Михаил Евграфович проявил ещё в лицейские годы. В провинции, столкнувшись с вопиющим беззаконием, с вопиющим надругательством над личностью, Салтыков не мог не задуматься о причинах, способствующих появлению этих явлений. «Кто виноват в этом? Где причина этому явлению?» – задаёт вопрос герой очерка «Скука». «В воздухе», – отвечают ему¹². Салтыков прекрасно понимал, что бороться с целой системой в одиночку бессмысленно, значит, тогда нужно было найти ответ ещё на один очень важный вопрос: способен ли что-либо сделать честный, нравственный человек в условиях, где «действительность представляет собой разнообразные сплетения гнусности и безобразия»? В поисках ответа на этот вопрос Салтыков заинтересовался биографией автора знаменитого трактата «Преступление и наказание» Чезаре Беккариа. 25-летний уроженец г. Милана по занятиям не был ни профессиональным юристом, ни учёным правоведом. Под впечатлением рассказов одного из своих друзей, специально изучавшего многие судьбы узников, он написал небольшую книгу-памфлет, в которой подверг уничтожающей критике жестокость и несправедливость феодального правосудия и вместе с тем сформулировал принципы уголовного права, основанные на идеях Просвещения XVIII в. Эта книга Ч. Беккариа в правовых институтах многих стран вызвала коренные изменения. Вполне вероятно, что под влиянием

изученных материалов по истории создания знаменитого трактата М. Е. Салтыков в 1850 г. изъявил желание вступить в члены Вятского попечительного о тюрьмах комитета. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие рассказы «Губернских очерков» представляли собой своеобразные исповеди лиц, находящихся под следствием.

Таким образом, годовые отчёты, составленные М. Е. Салтыковым, свидетельствовали о серьёзной умственной работе, о формировании своего, основанного на собственном практическом опыте, мировоззрения. В конце 1855 г. из ссылки в Петербург возвратился не сломленный провинцией литератор, а зрелый художник, вся восьмилетняя деятельность которого давала право иметь и отстаивать свой взгляд на окружающую действительность.

В апреле 1856 г., то есть накануне опубликования «Губернских очерков», М. Е. Салтыков написал статью «Стихотворения Кольцова», в которой развивал учение Чернышевского и предъявлял к художнику требования обязательной результативности искусства. «Ни у Белинского, ни у Чернышевского, ни впоследствии у Добролюбова, – утверждал С. А. Макашин, – мы не найдем столь решительных, далеко идущих формулировок, в которые облёк Салтыков характерное для него устремление к действительности искусства, к социально активной эстетике»¹³.

Если в «Губернских очерках» Михаил Евграфович предложил свою концепцию русской жизни, то заострить внимание только на отрицающем пафосе этой книги, значит обеднять её содержание, лишая книгу главного смысла, которого требовал Салтыков от любого произведения искусства – утверждения новых положительных начал.

Положительная программа первого сатирического произведения, как указывал сам автор, сосредоточена в четырёх очерках: «Скука», «Неумелые», «Озорники», «Дорога».

Что же объединило эти, казалось бы, логически не связанные между собой рассказы? На наш взгляд, все четыре очерка дают точную картину общественного сознания и путь его изменения. Внимание художника сосредоточено на определении уровня сознания народа, правящего класса и сознания прогрессивного, нравственного человека.

В очерке «Скука» развёрнута удручающая схема воспитания чиновника – это воспитание рабского сознания, сознания, исключаящего заботу о нуждах страны и направленного лишь на беспрекословное подчинение нижестоящего вышестоящему. В очерке «Озорники» автор вывел продукт административной централизации – тип чиновника высшего эшелона власти. Этот образ словно иллюстрировал служебную «Записку» Салтыкова, составленную осенью 1856 г. Существование массы чиновников, «чуждых населению и по духу и по стремлениям, не связанных с ними никакими общими интересами», бессильно на добро, но в области зла является страшной разъедающей силой. Это зло, считал Щедрин,

заключается «в универсальности опеки» агентов центральной власти над жизнью народа и общества. «Вмешиваясь во все мелочи отправления народной жизни, принимая на себя регламентацию частных интересов, правительство освобождает граждан от всякой самобытной деятельности». А это обрекало народ и общество на политическую бессознательность и пассивность¹⁴. Рабское сознание, пронизывающее правящие классы, ещё в большей степени извратило душу простого человека. «Скажите, однако ж, на милость, отчего мужик, простейший мужик так легко претворяется в чиновника? Оттого ли, что чиновнику веселее жить на свете? Или оттого, что прежде был сотворен чиновник, а потом уже человек, и по этой причине, самый инстинкт или, лучше сказать, естество заставляет человека тяготеть в чиновника?» – вопрошал герой очерка «Дорога»¹⁵. Думается, что М. Е. Салтыков не поддерживал идею необходимости крестьянской революции, потому что рабское сознание народа могло породить только рабскую мечту, и эта мечта пока не возвышалась над стремлением из угнетённого стать угнетателем, из пожираемого – пожирателем.

Где же выход? «Да не может быть, чтоб весь воздух был до такой степени заражён гнилыми миазмами, чтоб не было никаких средств очистить его...», – с затаённой надеждой говорит герой очерка «Скука».

Диалектический метод Гегеля с комментариями Белинского, усвоенный Салтыковым ещё в лицейские годы, подсказывал, что в недрах любой системы есть элементы, отрицающие её, из которых потом может вырасти сила, способная уничтожить старые формы. Таким элементом в условиях царско-бюрократической системы России М. Е. Салтыков считал земство. «Не кричать о правде и честности, а познать жизнь, нужды народа, его потребности; держаться около земли, около земства, суметь вовремя и с толком поправить», – призывал Николай Фёдорович Голенков из очерка «Неумелье».

Таким образом, главная цель, которую должен преследовать честный и думающий человек, «поправляя жизнь», – демократизация общества, постепенное развитие сознания народа.

Сложные вопросы нравственного порядка затрагивал Салтыков в очерке «Скука». Создавая образ удушливой, растлевающей атмосферы, которая окружает передового человека, попавшего в условия бюрократического произвола, Салтыков утверждал, что «чистоту мыслей и верования, энергию и страстность стремлений» он способен сохранить только в том случае, если повернётся душой, умом и сердцем к «нуждам, страданиям, скорбям и волям народным». Единственный путь, достойный человека, – убеждал писатель, прошедший суровую школу вятской ссылки, – долгий, пустынный и тернистый путь «подвигов ума и воли». «Что нужды, – читаем мы в очерке «Скука», – что подготовительные работы к ним были смочены слезами и кровавым потом; что нужды, что не одно, быть может, проклятье сорвалось с уст труженика, что горьки были его искания, горьки

нужды, горьки обманутые надежды: он жил это время, он ощущал себя человеком, хотя и страдал...»¹⁶. Практический опыт давал право Щедрину поделиться с читателем и особой формой самозащиты, которая помогла ему в годы ссылки. Изучение служебных бумаг подтверждало, что, проводя идеи в жизнь, Михаил Евграфович всегда строго соблюдал официальную форму уважения к власти. Впоследствии Щедрин называл свою тактику «теорией вождения влиятельного лица за нос», но в «Губернских очерках» она названа иначе. Внешняя покорность представляла собой очень удобную форму поведения. «Нет, – разяснял Щедрин, – покорность не значит подлость, не значит искательство и низкопоклонничество, не значит слабоумие и апатия; покорность не наушничество, не лукавство исподтишка, не лицемерие... Это особая, своеобразная добродетель, с помощью которой человек многое выигрывает и ровно ничего не проигрывает. Теперь всё это представляется мне ясно, как дважды два; странно даже, как я когда-нибудь мог мыслить иначе»¹⁷.

Н. Г. Чернышевский, очень высоко оценивший «Губернские очерки», фактически всю свою статью посвятил разгрому позиции автора в отношении современных задач, стоящих перед думающей Россией. Непокколебимо убеждённый в том, что лишь революция способна изменить сознание людей, Чернышевский высветил все слабые места теории мнимой покорности. Вот некоторые из аргументов Чернышевского: «Каждое общественное положение, давая человеку известные права, вместе с тем налагает на него известные обязанности. Кто не хочет или не может исполнять обязанности, возлагаемые на него положением, в которое он поставлен, тот должен лишиться и занятого им положения»¹⁸. «Число баярдов, людей без страха и упрёка всегда и везде было так невелико, что сила их личного влияния могла отражаться лишь на незначительной части общества, которому они принадлежали. Пример жизни отдельного героя и его добродетели увлекает лишь нескольких отдельных людей, но не целые общества. Напрасно успокаивать себя мечтою: пусть явятся добродетельные люди и пример их исправит общество»¹⁹. «Человек, сознательно изменяющий своим основным убеждениям, такое же редкое явление, как человек, у которого правая половина лица не похожа на левую». «С изменением положения человека изменяется его точка зрения, изменяется и характер убеждения». И последний, самый жестокий вывод: «Мы придерживаемся той теории, что не дело беллетриста заниматься исцелением этих язв...»²⁰

Нам представляется, что третий том «Губернских очерков», его тематика, его образы стали своеобразной реакцией на критику Чернышевского. Что-то изменилось во взглядах Щедрина. Однако убеждение в том, что любой человек способен и обязан внести свой вклад в эту, ещё не объединённую общим высоким сознанием жизнь, оказать

влияние на сознание окружающих людей, осталось для великого сатирика непоколебимым.

В окончательном варианте «Губернские очерки» заканчиваются главой «Дорога», в которой герой книги, покидая Крутогорск, с чувством выполненного долга восклицал: «Да! Не мог же я жить даром столько лет, не мог не оставить после себя никакого следа! Потому что и бессознательная былинка и та не живет даром и та жизнью хоть незаметно, но непременно воздействует на окружающую природу... Ужели же и я ниже, ничтожнее этой былинки»²¹.

«Губернские очерки», по словам Н. Г. Чернышевского, «взбудоражившие всю Россию», сыграли немалую роль в подготовке общественного сознания к реформам 60-х годов XIX в.

Прогнозы великого сатирика относительно роли земства в пробуждении социальной активности народа оправдались, и журнал «Отечественные записки», редактором которого был М. Е. Салтыков-Щедрин, внимательно следил за успехами вятского земства, назвав его одним из самых передовых в России.

Примечания

1. М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике. – М., 1939. С 273.
2. Бушмин, А. С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. – Л., 1984. С. 24.
3. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 гг. – М., 1972. С. 84.
4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 17. С. 467.
5. Там же. С. 125.
6. Там же. С. 225.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14. Д. 6. Л. 115.
8. Там же.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 176.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 177.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 7.
12. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 222.
13. Макашин, С. А. Указ. соч. С. 100.
14. Там же. С. 51.
15. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 463.
16. Там же. С. 226.
17. Там же. С. 225.
18. М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике. – М., 1939. С. 29.
19. Там же. С. 91.
20. Там же. С. 108.
21. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. Т. 2. С. 466.

Феномен демифологизации в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина
Т. А. Глазкова

Процесс мифологизации в русской культуре явление постоянное и развивающееся, особенно в переломные исторические эпохи. Так, начиная с Петра I в русской (так же как и в мировой) культуре создавались мифы об истории и исторических личностях. Мифологизация органично влилась в культурное пространство и стала активно заменять реальное историческое знание.

В период советской России широкое распространение получали так называемые «писатели-идеологи», в творчестве которых выявлялись мотивы, созвучные политическим идеям того времени. Образ «политического трибуна» получили Н. А. Некрасов и Л. Н. Толстой. М. Е. Салтыков-Щедрин также занимал одно из ведущих мест в советской литературе начала и середины XX в. Так, В. И. Ленин отмечал, что хорошо бы вообще время от времени вспоминать, цитировать и растолковывать Щедрина. В рукописях С. А. Макашина сохранилась запись: «В “Современной идиллии” в начале 80-х гг. есть вставной эпизод “Сказка о ретивом начальнике”. Она известна теперь каждому советскому читателю, миллионам людей во всем мире, после того, как товарищ Сталин в своем историческом докладе на чрезвычайном VIII съезде Советов о проекте Конституции с блестящим остроумием и убийственной иронией сопоставил фашистских политиков с щедринским ретивым начальником, мечтавшим о “закрытии Америки”, и напомнил им его же реплику самому себе: “Но, кажется, сие от меня не зависит”»¹.

Новая власть инстинктивно ощущала необходимость представлять сатирика как идеологического писателя, тем самым она сознательно создавала миф о единстве народа и власти. В результате образовывалось парадоксальное явление: Салтыков – писатель-сатирик, вскрывающий пороки общества и государства, становится одним из самых цитируемых и почитаемых во властной структуре. Советские пролетарии творили миф и создавали мифические образы писателей прошлого, но они не способны были демаскировать реалии, как это умел делать сатирик. Для властной элиты он был своим, но ещё очень далёким и до конца не понятным.

Творчество сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина показало, что в России живёт и творит «действующий литератор». Автор стоит выше своей эпохи, «вне» её, проникнут тем, что кроется за внешними формами современности и стремится найти более совершенные принципы бытия. Он как подлинный мыслитель, находясь в рамках одной действительности, одновременно воочию видит «другую» и живёт в ней как в подлинной. Рефлексирующий автор постоянно вмешивается в жизнь с той, вероятно, целью, чтобы встретить своего читателя, способного также оценить жизнь, вскрыть все её недостатки и возможности. Писатель является критическим

исследователем жизни, его цель – демифологизация устройства общества, которое условно и несовершенно; он срывает маски с властной элиты, с простого обывателя для того, чтобы трезво оценить «сегодняшнее положение» и воспитать критического читателя.

Если «мифологизированный» образ ставит целью объяснение действительности, обращение преимущественно к традиционным (выражающим существенные черты) образам, использование «типологического» принципа художественного обобщения², «демифологизация», наоборот, включает объяснение причин мифологизации и неприятие её как реальности.

«...“Мифологизация” проявлялась на уровне обобщения фактов, типов – как концепция хода исторического развития, объясняющая прошлое и предсказывающая будущее. Не случайно русские писатели стремились не только описать, но и создать собственную концепцию мира; не столько объяснить современное общественное устройство, сколько указать ему на цели и перспективы (Н. Гоголь, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Чернышевский)», – отмечает Б. В. Кондаков³. Подобная же деятельность присуща Салтыкову, однако альтернативой его сатиры можно назвать идею демифологизации реальности, иначе движение не центробежное, а центростремительное, направленное в противоположную сторону, потому П. М. Бицилли называет сатирика «неудобочитаемым». Здесь на первый план выдвигается разоблачение иллюзий правдоподобной реальности. Этот художественный принцип необходим автору для того, чтобы читатель постоянно осмысливал содержание.

Демифологизация – процесс, который может активизироваться в определённые периоды истории и может иметь различное содержание: отказ от традиционных сюжетов и образов, опровержение принимаемых массовым сознанием на веру заключений, пристальный анализ причин исследуемых явлений и т. п. «Демифологизированный» художественный образ, сохраняя некоторое сходство с «мифологизированным» (обращение к традициям, типологический принцип художественного обобщения), в то же время отрицает утверждаемые «мифологическим» образом идеалы и стереотипы читательского мышления. Принципы такого «демифологизирующего» подхода довольно отчётливо просматриваются в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Следует отметить, что сатирик всегда проявлял повышенный интерес к читателю, в котором он хотел видеть требовательного аналитика, имеющего непредвзятый демифологизирующий взгляд на произведение. Потому Салтыкову-Щедрину не безразлична судьба пошехонского писателя Крамольникова – «творца художественного “слова”», для которого наступил «трунный период». Его «слово», чуждое для людей, некогда его почитателей и друзей, потому как «душа его залечатана». Рушатся светлые мечты и надежды, и, в зависимости от этого, звучат горестные интонации;

гармония сменяется нестройностью. Лирический герой «инстинктивно потянулся на улицу», но и здесь «там и сям раздавалось развязное гуденье». Автор от лица своего героя-писателя демифологизирует ситуацию, разрушает созданный некогда его героем культ писателя (так же как и культ читателя). Между героями нет понимания, нет диалога, границы взаимоотношений сужаются. Писателю тяжело терять былое, когда он чувствовал, что кому-то нужен. Разоблачение иллюзий происходит в тот момент, когда герой замечает, что его на самом деле «нет». В «Приключении с Крамольниковым» Щедрин «взламывает» стереотипы читательского сознания, концентрирует внимание на новый уровень восприятия старых форм и образов, заставляя читателя переосмыслить эти образы.

Сатирик замечает, что в обществе происходит подмена понятий: правда превращается в ложь, а совесть в «оподление». Мир перевернулся с ног на голову, здесь идёт игра по ложным правилам. К. Г. Исупов отмечает: «Писатель ощущает себя свидетелем эпохи всеобщей подтасовки: “В такие исторические минуты всякая пошлость именуется мудростью, всякая подтасовка делается позволительно”...»⁴ Сатирик находит свои приёмы для определения современного бытия. «В художественной топике Щедрина основным приёмом стала градация алогизма до абсурдистского устранения смысла и внушение авторской мысли путем “доказательства от противного”». Когда на языке “неизданного интимно-обывательского толкового словаря” определяется: “интеллигенция, или кровопийство... Правый класс, или шайка людей...” [8. С. 125], – мы присутствуем при дискредитации логики как таковой; ею руководствуется “целый замкнутый мир, в котором таким словам, как ...«мысль», «система», – не даётся почти никакой цены” [8. С. 456]»⁵. Здесь также наблюдается принцип демифологизации: в стремлении разрушить логику, норму и дать свою интерпретацию современности с позиции истории и культуры, в которой живёт сам автор.

Демифологизирующее видение мира вводится в структуру произведения «Современной идиллии». Главные герои – Рассказчик и Глумов – являются носителями определённой социальной роли: «Произнося последние слова, Глумов вдруг ожесточился и даже погрозил пальцем в пространство». Очевидно, на него действовал дворянский мундир (та же маска), который был на его плечах. В цепь ритуалов-масок может превратиться вся жизнь героя (ритуал воспитания, ритуал приёма гостей или поездки в гости, ритуал поиска жены и т. п.). Герои живут, в некоем зазеркалье, где можно «погодить». Сам процесс «гожения» – это тоже социальная роль: маска, выбранная героями для сокрытия своего подлинного лица: «...по первоначальному плану, состояние “благонамеренности” было предложено для нас только временно, покуда предстояла надобность “годить”». Героям кажется, что всё происходящее с ними лишь сновидение. Но Стыд в финальной части заставляет понять, что все события произошли на самом деле. Фантастический мир очень удобен

для наших героев, но вскоре он разбивается, демаскируется, в этом и заключается трагедия человека.

Чаще всего представленные образные ряды в текстах сатирика имеют один режим бытия: бытовой, низкий (жизнь – существование), когда мир подчинён бездуховности – механическим, зоологическим и призрачным законам. Изображение персонажей с внешней точки зрения оказывается подчёркнуто, нарочито отстранённым: персонаж вводится как некий эксперимент, момент авторской игры, в результате чего происходит деформация образа, который не удерживается в рамках собственно человеческого, а сближается с элементами предметного или зооморфного мира. Внешняя определённости человека рассыпается, разрушается, он становится невидимым, появляется «образ без лица», «тени», «игрушечного дела лодышки», «пустая посуда»: смысл, а, вернее, «бессмысленность» его существования выносится за его границы и расплывается во внешнем мире.

Одно из произведений Щедрина, в котором, возможно, в наибольшей степени проявляется тенденция мифологизации, – «История одного города». «...Каждое слово, рассечённое на два смысловых плана, устойчиво стремится вызвать мифологические ассоциации»⁶. Обращаясь к фактам русской истории, писатель придает этим фактам внешнюю форму мифа. В «Истории одного города» можно найти переклички (сюжетные и образные) с «Повестью временных лет», «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, «Историей села Горюхина» А. С. Пушкина и с другими произведениями русской литературы. «Опыт» Глупова по сути своей универсален: как свидетельство о беспредельных возможностях деспотических форм государственного устройства, подавления всяческой жизни; о деградации народа. «Глуповство» имеет не только политическое измерение, но и социально-психологическое как форма человеческой бессознательности. Автор ставит под сомнения известные идеи и истины, выработанные историей: о политической власти в стране, о будущем народном восстании как средстве решения всех социальных, экономических проблем, о русском народе как носителе нравственно-эстетических ценностей. Можно сказать, что в «Истории одного города» разоблачается («деифологизируется») миф о стране, Государстве, его правителях и народе, которые в течение нескольких столетий пытались построить социально организованный и преобразовательный мир. Деифологизация мира как доведение жизненного абсурда до «логического конца» ведёт к утрате человеком человечности, развенчивает скрытые жизненные явления, вызывает разочарование и «смех сквозь слезы».

В целом, сатирик показывает нашу действительность и одновременно требует от современного читателя объективности (исследования), идеологии (индивидуальности), свободного мышления одновременно.

У Салтыкова-Щедрина преобладает интерпретация, порой дотошная, неотвязная, но объективная. Потому ему свойственен другой тип

литературного творчества – критическое наблюдение за современной жизнью. Сатирик смело вскрывает всю глубину жизненных и общественных процессов, анализирует, критикует и делает свои выводы, широкие художественные обобщения.

Демифологизация – сознательная установка писателя. Автор переосмысливает сакральные идеи, ту универсальную модель, с которой соотносились параметры художественного «космоса» мифа. В отличие от мифологического в художественный мир произведений Щедрина включено активное субъективно-личностное начало. Оно раскрывает всю мощь авторского познающего и осмысляющего присутствия. В этом проявляется вся «ответственность» автора, пронизывающая произведения разумной энергией преображения.

Примечания

1. Макашин, С. А. Материалы из лекций, телерадиовыступлений, статей, посвящённых М. Е. Салтыкову-Щедрину. 1950–1960 гг. (авторские рукописи).
2. Об особенностях мифологического сознания см.: Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. – М., 1976. С. 163–171.
3. Кондаков, Б. В. «Демифологизация» русской культуры в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина // Типология литературного процесса и творческая индивидуальность писателя. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1993.
4. Исупов, К. Г. Художественная философия истории Салтыкова-Щедрина: от исторической риторики к литературной топике и стилистике: (ст. первая) // Поэтика писателя и литературный процесс. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1988.
5. Там же.
6. Ауэр, А. П. Поэтика символических и музыкальных образов М. Е. Салтыкова-Щедрина / А. П. Ауэр, Ю. Н. Борисов. – Саратов, 1988. С. 56.

Изображение мира природы Вятской губернии в ранних произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Стахеева

О. Л. Данилова

Вятская ссылка М. Е. Салтыкова-Щедрина, продолжавшаяся семь лет, дала писателю возможность познакомиться со среднерусской природой и максимально правдиво изобразить увиденное в «Губернских очерках». Раннее творчество Д. И. Стахеева также связано с Вятской губернией (детство и юность писателя прошли в Елабуге). Не только данное литературно-географическое «совпадение», но и принадлежность ранних произведений писателей к очерковому жанру дают основание для сравнительно-сопоставительного анализа.

В «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина и в сборниках «Глухие места», «На память многим» Д. И. Стахеева изображение природы

играет важную художественно-эстетическую роль. Природа в этих произведениях предстаёт в виде пейзажей и в образах живой природы (животных). Чаще всего встречаются лесные и речные пейзажи, реалистически передающие своеобразие природы Вятской губернии. При этом значительно преобладают унылый и бурный пейзаж. Функции пейзажей могут быть различными:

1. Пейзаж обозначает место действия, представляя собой художественное описание природы или же краткое указание на природный фон.

2. Через пейзаж передаётся психологическое или эмоциональное состояние героев, в этом случае описание природы служит дополнительным средством характеристики художественных образов.

3. Пейзаж является одной из форм присутствия автора, передающей авторские мысли, эмоции, оценки.

4. Описание природы имеет значение для развития сюжета. Эта функция реализуется, когда речь идёт о природных сезонных или погодных изменениях, способных повлиять на течение событий.

Эти функции изображения природы могут встречаться автономно, а также сочетаться друг с другом, углубляя при этом идейный план произведений.

Образы животных появляются и в очерках Салтыкова-Щедрина, и в произведениях Стахеева в связи с разработкой народной темы.

В «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина многообразно представлены «фоновые» пейзажи, которые призваны определить место действия. Чаще всего они находятся в экспозиции произведений. В очерке «Введение», являющемся экспозицией ко всем «Губернским очеркам», рисуется живописная панорама города, в котором в последующих очерках и разворачиваются действие. «Крутогорск расположен очень живописно; когда вы подъезжаете к нему летним вечером, со стороны реки, и глазам вашим издалека откроется брошенный на крутом берегу городской сад... Перед вами река. Но ясна и спокойна её поверхность, ровно её чистое зеркало» [1. С. 27]. Здесь автор использует не только зрительные, но и осязательные образы, как бы вовлекая читателя в сопереживание ощущений от ночного пейзажа («ласкает вас влажный воздух ночи»). Изображённая картина не только красива, она передаёт умиротворение, царящее в природе, а последующее описание утренней людской суеты предстаёт контрастом к этому пейзажу.

Часто в «Губернских очерках» изображаются изменения, происходящие в природе, смена времён года. В следующих отрывках представлен «фоновый» пейзаж: «Дело было весной, а в тот год весна была ранняя. Уже в начале марта полились с гор ручьи и прилетели грачи, чего старожилы в Крутогорской губернии не запомнят»; «Май уж на исходе. В этот год он как-то особенно тёпл и радушен; деревья давно оделись густою

зеленью, которая не успела ещё утратить свою яркость и приобрести летние тусклые тоны». [1. С. 75, 136]. В этих и подобных зарисовках, определяющих место и время действия, рассказчик выступает как внимательный наблюдатель, равнодушный к окружающему миру. Он тонко подмечает изменения в природе, например, в очерке «Дорога». Знакомые берёзовые аллеи летом «роскошно цветут», а зимой «сучья на деревьях поникли и оцепенели; ни ветер, ни стаи тетеревов, с шумом опускающиеся на них, не в состоянии разбудить их» [1. С. 518]. Природа для рассказчика Николая Щедрина представляется лобопытным объектом созерцания.

В других случаях художественная значимость описаний природы связана с проявлением авторской позиции, когда «природа рисуется в тесной связи с внутренней и внешней жизнью человека» [2. С. 38]. При этом возникают устойчивые мотивы, построенные на параллелизме природных явлений и состояний человека: утро, свет, солнце – радость, умиротворение; ночь, тьма – тоска, одиночество. «Уже показалось весёлое солнышко... и прогнало, вместе с тьмою, чёрную заботу из сердца... Солнышко, солнышко! Как не любить тебя!» «Скучно! крупные капли дождя стучат в окна моей квартиры; на улице холодно, темно и грязно...» [1. С. 136, 259]. В этих эпизодах природные явления важны не сами по себе, а как способ постижения внутреннего мира автора.

Чрезвычайно важными кажутся авторские сопоставления природных явлений с определённым периодом в жизни человека и общества. В очерке «Лузгин» сравниваются весна и молодость, они объединены по таящемуся в них стремлению к жизни, активности; различие же заключается в ежегодной повторяемости весны и невозвратности молодости. Это различие и печалит автора, заставляя размышлять о необратимых изменениях во внутреннем мире человека. С весной связана и другая ассоциация: в очерке «Владимир Константинович Буеракин» пробуждение общественной жизни сравнивается с оттепелью. (Точность и ёмкость этой метафоры подтверждены временем: не случайно 50–60-е гг. XX в. получили название «оттепель»).

Для характеристики мироощущений автора показательны пейзажные страницы из очерка «Госпожа Музовкина», ставшие хрестоматийными («Я люблю эту бедную природу...»). Подобные пейзажи, довольно часто встречающиеся в «Губернских очерках», можно отнести к особой разновидности унылого пейзажа, условно называемой «бедный» или «серый» пейзаж. В них не просто передаётся чувство любви к родной природе, но проявляется высокий патриотизм, когда «роскошные пейзажи» Швейцарии, Бразилии, Индии не могут заменить неприметной, лишённой экзотической красоты русской природы.

Живущими в природе согласно её законам изображены исключительно герои из народа, такие, как отставной солдат Пименов, Пахомовна, Аринушка, старец Вассиан. Используя фольклорные мотивы,

автор показывает, как противоборство Пахомовны, старца Вассиана с природой обращается в гармонию: враждебные поначалу «тёмный, дремучий лес» и звери, в нём обитающие, становятся союзниками героев. Здесь, как и в фольклорных произведениях, звери способны к общению с человеком: медведь приносит «медвяный сот» Пахомовне, «змей-скорпий» показывает ей свою сокровищницу; приручённая старцем Вассианом волчица охраняет его покой. Благодаря природным образам акцентируется внимание на таких чертах героев, как богатство духовного мира, открытость и чистота помыслов. В «Губернских очерках» встречается лишь одно одомашненное животное – лошадь. Этот эпизодический образ связан со служебными поездками рассказчика. Как правило, «лошадь», «лошадка» везёт экипаж или «покойный тарангас», то есть изображено домашнее животное в его обыденности.

В «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина картины природы чаще представлены увиденными глазами рассказчика Николая Щедрина или переосмысленными автором. В первом случае рассказчик, являющийся чутким наблюдателем, рисует фон, на котором разворачивается сюжетное действие. Во втором – природные явления, способствующие передаче мыслей и эмоций автора, являются внесюжетным элементом.

В очерках сборников «Глухие места» и «На память многим» Д. И. Стахеева даются зарисовки картин внешнего мира, соседствующего с городом, где происходят действия. «Описываемый уездный город имел только ту особенность, что обладал чрезвычайно красивым, весёлым и привлекательным видом с берега многоводной реки К...» [3. С. 373]. Здесь (очерк «Уездный город») описание природы контрастирует с изображением пространства, освоенного людьми. «Имел уездный город единственное порядочное вблизи себя место – берёзовую рощу. В этой роще, именуемой «Козьей Горкой», часто собираются жители уездного города отдохнуть в жаркий день от городской пыли и вони. Часто подрастающие дети выпрашивались у тятиньки погулять на Козью Горку...» [3. С. 373]. Факт, что в городе, творении рук человеческих, «единственное приличное место» – берёзовая роща, откуда открывается красивый вид, говорит о том, что жители, умея позаботиться о собственном благополучии, не желают задуматься о красоте собственного города (из разговоров стариков читатель узнает, что в городе плохие дороги, испорчены фонтаны, разрушаются исторические памятники).

Очерк «Лесопромышленники», входящий в сборник «Глухие места», представляет уже не противопоставление, а противоборство человека и природы. Автор изображает трагические последствия превращения природы из «храма» в «мастерскую». Природа здесь выступает выразительным художественным образом, в котором всё изначально гармонично: «...Где лес есть, там реки не мелеют, где лес, там влажность почвы поддерживается, вблизи лесов воздух лучше, леса удобрение земле дают...» [3. С. 358].

Человек, «царь природы», рисуется недалёким в своём стремлении к сиюминутной наживе, он безжалостно истребляет леса, не думая о будущем. Психология людей-потребителей отражена в образах купцов Кускова и Корчемина, которые считают, что «Господь для того и лес создал, чтобы его рубили», а на возражение, что лесные богатства могут иссякнуть, отвечают: «Нам об этом думать нечего. На наш век ещё хватит» [З. С. 358–359]. Автор с болью и возмущением описывает последствия этой недальновидной позиции и преступной деятельности людей. «Едем мы дальше и снова видим работу царя природы: рубит он всё, что попадётся ему под руку: молодая ли сосна, только что поднявшаяся на сажень от земли, столетнее ли дерево, оберегающее от бури молодые кусты, всё равно!» [З. С. 359]. Стахеев подходит к этой проблеме как человек, обладающий естественнонаучными знаниями: он выступает за рациональное использование природных богатств.

Природные и сезонные изменения в очерках Стахеева иногда персдают ход времени и косвенно влияют на действия героев или сюжет. Торжественно описание летнего утра: «Совершит свой обычный путь наша планета, именуемая землёй, и снова из-за густого тёмного лета рассыплются яркие лучи солнца». Далее описывается привычная для летнего дня городская картинка: торговки, спешащие на базаре, приказчики, идущие по хозяйским делам, офени, едущие торговать и т. д. Так проходит незаметно лето. «Наступит холодная зима, захрустит снег, закуёт мороз воды, и повезут мужики в город на базар сбывать своё трудовое добро». Изображается процесс торговли купцов и мужиков и полные купеческие амбары. «Наступит весна, разольётся широкая река по всей низменной площади, унесёт она от города накопившуюся грязь и падаль, поплывут вниз по реке нагруженные доверху барки...» [З. С. 387]. Весна для купцов – время продажи купленного зимой хлеба.

В «Благоприобретении» вовремя начавшийся дождь спасает от пожара село Челныково. Если дождь как природное явление влияет на сюжетную линию, то мотив надвигающейся непогоды, который появляется с самого начала произведения, становится формой проявления психологизма. «Летний ветренный день переходил в пасмурные холодные сумерки. Густая тёмная туча медленно надвигалась с западной стороны на богатое торговое село Челныково... Ветер шумел все сильнее...» [З. С. 336]. Здесь представлен бурный пейзаж, основными признаками которого являются сумрак, меняющий цвета окружающего мира (река становится тёмно-серой), пенящиеся волны, порывистый ветер и связанные с ним звуковые образы («свист и визг, переходящий то в злобные, то в тоскливые тоны»). Этот пейзаж готовит к восприятию последующих трагических событий. Далее автор, описывая душевное состояние главного героя, задумавшего преступление, обращается к параллелизму, изображая Белова, погружённого в «тяжёлые думы», и улицу, по которой «вихрем проносились тучи пыли».

Использование метафоры «туча набежала снова на красивое выразительное лицо» передаёт беспокойство, охватившее героя. Ветер, тучи воспринимаются как предвестники несчастья. После совершенного Бсловым преступления туча, казавшаяся грозной, пугающей, проливается «благодатным дождём» и спасает от пожара дома жителей села.

В очерках «Извоз» и «На базаре», где также встречается образ тучи, представлен унылый пейзаж (холод, отсутствие солнца, грязь). «Тёмные тучи густой сплошной массой висели в воздухе. С вечера зарядивший дождь не переставал литься на маленькую бедную деревушку Моркваши. Жалкие, покосившиеся избушки крестьян совершенно исчезали в общей темноте ночи и только кое-где, сквозь тусклые маленькие окна, падал на грязную улицу свет горящей лучины» [3. С. 388]. «Тёмные тучи», «тусклые окна» наводят на мысль о беспросветности крестьянского существования. Рефреном этого очерка являются дождь и грязная дорога. Подобный пейзаж, продолжая литературную традицию, заложенную Н. Огарёвым («Дорога», «Путник»), А. Плещеевым («Скучная дорога»), Н. Некрасовым («Перед дождём», «О погоде»), подчеркивает социально-психологическую основу пейзажа: всё унижает и преследует человека из народа, солнце не греет и не светит, холод пробирает до костей, дождь мочит до нитки.

В очерках Стахеева встречаются изображения животных, в подавляющем большинстве – домашних, поскольку «в антитезе «домашнее – дикое» середина и конец XIX в. решительно склоняются на сторону первого...» [4. С. 97]. Иногда у Стахеева изображение домашних животных используется для описания народного быта: «Из-под крыльца приветствовали его своим хрюканьем свиньи, на крыльчке вертелась, виляя хвостом, белая собака и взвизгивала, обрадованная возвращению хозяина; на дворе где-то отчаянно закричал петух» [3. С. 388]. Самое часто встречающееся на страницах очерков животное – лошадь. «Дело в том, что лошадь – это самое трудовое, социально нагруженное животное, в образе которого общество критикует само себя – сострадает собственным жертвам» [4. С. 97]. И это не пушкинская «лошадка», та, что «плетётся рысью как-нибудь». Образ лошади в очерках Стахеева сродни некрасовским лошадям: Савраске, увязшему в сугробе (поэма «Мороз, Красный нос»), лошади-калке (стихотворение «О погоде»). Лошади берут на себя тяжесть крестьянской жизни, преданно служат хозяевам до смерти. А потому в очерках Стахеева, где хотя бы эпизодически затрагивается народная жизнь, неизменно появляется образ «лошадёнки» («На базаре»), «тощей лошаденки» («Благоприобретение»), «исхудалой лошаденки» («Из рассказов художника»). Эпитеты «тощая», «исхудалая» говорят о бедности хозяев, не имеющих возможности полноценно содержать своих кормилиц, а суффикс субъективной оценки («лошадёнка») передаёт жалость к лошадям. «Савраска-то уж совсем старик», – говорит крестьянин из очерка «Уездный

город», употребляя слово «старик» по отношению к животному, тем самым «очеловечивая» его.

В сборниках очерков «Глухие места» и «На память многим» Д. И. Стахеева, в отличие от «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина, преобладает пейзаж, являющийся формой проявления психологизма: во-первых, обозначая место действия, лесной (речной) пейзаж контрастирует с городским пейзажем и указывает на дисгармоничное существование людей; во-вторых, описание природных явлений предшествует событиям, действиям героев, эмоционально подготавливая читателя к их восприятию; в-третьих, природные образы используются для передачи душевного состояния героя. У Щедрина широко используется пейзаж, указывающий на место действия, а также особая разновидность унылого пейзажа – «серый» пейзаж, описывающий простую неприхотливую среднерусскую природу, такой пейзаж порой является фоном для размышлений автора, в том числе и о любви к «этой бедной природе».

С разработкой народной темы в «Губернских очерках» связано появление в них лесных животных, которые дружелюбны по отношению к героям из народа, гармонично сосуществуют с ними и с описанной в сказочной манере природой. У Стахеева чаще всего из животных встречается лошадь, образ этого животного передаёт особенности нелегкого быта крестьян.

Сходство в изображении природы у этих двух писателей заключается в том, что они реалистически описывают среднерусскую природу, которая является важной составляющей художественного мира произведения, а также служит объединяющим началом, объединяющем отдельные очерки в одно законченное произведение.

Примечания

1. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 10 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Правда, 1988. Т. 1.
2. Гордеева, Н. Б. Изучение мастерства Л. Н. Толстого в школе : (Война и мир) / Н. Б. Гордеева. – М. : Изд-во Акад. пед. наук, 1958.
3. Стахеев, Д. И. Духа не угашайте : избр. произведения / Д. И. Стахеев – Казань : Татар. кн. изд-во, 1992.
4. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» : система пейзажных образов в рус. поэзии / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк., 1990.

Общеизвестно, что с мая 1848 г. М. Е. Салтыков начал свою службу в Вятке чиновником губернского правления. В ноябре 1848 г. он стал старшим чиновником по особым поручениям при губернаторе, а с августа 1850 г. по декабрь 1855 г. служил в должности советника второго отделения.

Объектом нашего исследования является период его вятской жизни (1848–1850 гг.), когда молодой чиновник, выполняя поручения губернатора, ездил по территории Вятской губернии. Практика изучения архивных дел о деятельности губернских администраций свидетельствует, что чиновник для особых поручений фактически являлся «негласным ревизором» или «неофициальным следователем», который был подотчётен напрямую губернатору и имел своей обязанностью проведение негласных расследований. Говоря современным языком, чиновник по особым поручениям был поставщиком объективной оперативной информации. Видимо, губернаторы в случае «щекотливых ситуаций» и получения неоднозначных данных имели возможность принимать решения либо о «реализации» этих сведений в процессуальном порядке, либо о принятии «профилактических мер». Так, например, при поступлении анонимной жалобы, официальное расследование начать нельзя – личность заявителя неизвестна, некому дать и ответ по результатам проверки. Тем не менее, изложенные в анонимке факты (например, о совершенном или готовящемся преступлении, о коррупции и аморальных поступках чиновников и пр.) могут представлять несомненный интерес для администратора. Соответственно, возникает необходимость в предварительной проверке сообщения. Кроме того, представители различных служб могут поставлять своему руководителю противоречивую информацию, а для принятия адекватного управленческого решения требуется привести весь ворох данных к единому знаменателю и отсеять информационный шум. И здесь не обойтись без человека, который не связан корпоративными интересами той или иной губернской структуры и может занять положение «над схваткой». Видимо, исходя из имеющихся задач, выбор губернатора пал на М. Е. Салтыкова – молодого, образованного и сравнительно обеспеченного чиновника, который был человеком для губернии новым, не ориентированным на длительное оседание и поэтому мог сохранять независимость своих оценок деятельности местных функционеров-«помпадуров» и верно служить губернатору исходя из мотивов личной преданности. Кроме того, такие личные качества начинающего писателя, как наблюдательность, критицизм и свежесть восприятия, блестяще реализованные в литературных произведениях Салтыкова, несомненно, помогали ему и в профессиональной деятельности чиновника по особым поручениям.

Итак, наше внимание привлёк архивный документ, представляющий собой материалы к отчёту Вятского губернатора за 1850 г. Здесь сказано: *«Торговля хлебом представляет два резких характера смотря по продавцам. Вотьяки и черемиса, поселённые в уездах хлебородных, ограничиваются одними лишь выгодами местности, главное их богатство составляет хлеб. В торговле хлебом между вотьяками существует **особого рода связь** (все выделения здесь и далее наши. – А. К.), у вотьяков **средние цены на хлеб везде одинаковы**. Ниже условленной между собой преждевременной цены они никогда не продают своих произведений, хотя бы и были вызываемы неблагоприятными обстоятельствами к дешёвой продаже хлеба. Такое редкое единодушие сверх утверждённой цены на хлеб удерживает ещё и купеческий класс в границах, благоприятствующих земледелию. Напротив того, в уездах, населённых русскими крестьянами, где находится самое значительное число ярмарок и базаров – цена на хлеб бывает непостоянна, она переменяется быстро, смотря по обстоятельствам и нуждам продавцов и согласно требований на хлеб»*¹. По мнению сотрудников ГАКО, данный документ вышел из-под руки Салгыкова. Основания этой атрибуции, которые имеются у архивистов, нам неизвестны, а само мнение об авторстве было высказано Р. С. Шилиевой в беседе с моим сотрудником И. С. Поморцевым, который делал выписки из дела. Попытаемся порассуждать, в какой степени содержание рассматриваемой «аналитической записки» могло быть связано со сферой деятельности чиновника по особым поручениям.

М. В. Гришкина показала в своей работе, что уже к середине XVIII в. хлебная торговля в области проживания удмуртов сосредотачивалась в руках не только приезжих купцов, но и местных предпринимателей². Следовательно, приведённый выше документ, появившийся столетием позже, говорит, скорее всего, не о единодушии десятков тысяч хозяйствующих субъектов – членов удмуртских общин (домохозяев)³ в отношениях со скупщиками, а о сговоре скупщиков-посредников и крестьян-торговцев из числа местного населения по отношению к государственным закупкам, либо о сговоре удмуртских общин относительно широкого круга лиц, которые занимались мобилизацией товарного зерна на территории губернии.

Известно, что продажа зерна находилась под пристальным вниманием Вятской администрации с начала учреждения губернии.

Так, в отчётном документе 1784 г. читаем:

«Хлеб за продовольствием вотьяцких живущих по Чепце реке жилищах новокрепённых крестьян остается небольшое количество которой они как то аржаную ячную муку и овес отвозят зимним временем гужем в города Вятку Слободской Глазов и Каи в железозадаемые и винокуренные состоящие в Слободской и Кайской округе заводы а в даль как водою так и

гужем никуда из Каиской округи отпуска не бывает. У старорусского живущаго по Вятке и Каме реках народа нетолько в продажу остается но и для себя ежегодно по малоимению у них пахотной земли и по неурожаю от холодного воздуха покупают у вотяков же»⁴.

Просмотренный нами фонд (ГАКО. Ф. 582. Оп. 140) на протяжении всего XIX в. содержит множество сводок и иных документов, которые отражают динамику хлебных цен и освещают вопросы хлеботорговли. Приведём ещё одну цитату из источников периода службы М. Е. Салтыкова. Хроника того времени сообщала: «Из значительных подрядов обращает на себя внимание заповряд вина с частных заводов для Вятской губернии на 1847... Явившиеся по вызову к торгам заводчики Вятской губернии выпросили цену, не соразмерно высокую со **стоимостью хлеба** и издержками на винокурение, и <так> как заводчики, несмотря на убеждение, не согласились взять предложенной им цены, то министр **финансов**, по **представлению начальника губернии** разрешил произвести новые торги, с допущением к заповряду заводчиков Оренбургской и Казанской губерний... Причиною высоких цен на вино, запрашиваемых заводчиками Вятской губернии, последние поставляли опасения возвышения цен на хлеб, в случае закупок для заграничного отпуска... Причиною сильного развития хлебной торговли в Вятской губернии было чрезвычайное требование за границу и вместе с тем изменение в Англии хлебных законов. Неурожай в Ирландии картофеля имел влияние и на Вятскую губернию...»⁵

Тот же источник сообщал: «С давнего времени для Архангельской и отдалённых городов Вологодской губернии вино доставлялось с Павловского <казённого> винокуренного завода, находящегося в Слободском уезде Вятской губернии». Но завод пришёл в ветхость, и поэтому власти сочли целесообразным не вкладывать средства в его ремонт, а отдать предприятие в аренду. Однако единственный из потенциальных арендаторов предложил условия, которые были признаны невыгодными для казны. Поэтому решением правительства было предписано «поставку вина для вышеупомянутых губерний произвести в виде опыта в течение трёх лет, именно в 1849, 1850 и 1851 гг. не по конкуренции, а хозяйственным способом у благонадёжных только заводчиков тех губерний, в коих, смотря по ценам на хлеб и способам перевозки окажется для казны выгоднее заповрядить это вино; Павловский же завод до истечения означенного трёхлетнего срока оставить не действующим»⁶. Результатом принятых мер явилось то, что Комитет министров в марте 1851 г. отметил низкую себестоимость продукции, полученной от частных подрядчиков из соседних областей и упразднил последний казённый винокуренный завод в Вятской губернии (Павловский)⁷.

Итак, говоря современным языком, в обязанности губернатора входило обеспечение плана по доходам на подведомственной ему территории. Известно, что в рассматриваемый период правительство России

крайне нуждалось в деньгах, которые требовались для железнодорожного строительства и модернизации флота в преддверии Крымской войны. Поэтому руководство страны искало пути повышения доходов от продажи алкоголя.

В 1847–1851 гг. в разных районах страны происходил постепенный переход от системы откулов к акцизно-откупной системе. Напомним, что система откупа, или отдача монополии водочной торговли в аренду частным лицам, была введена в 1826 г. В соответствии с ней, государство устанавливало единую розничную цену на водку, а уровень рентабельности (соответственно, и цена откупа) зависел от оптовой («входной») цены на продукт. Разумеется, «входная» цена зависела от себестоимости производства, которая отличалась на разных заводах. В свою очередь, себестоимость складывалась из цен на сырьё (зерно), производственных, транспортных, управленческих, складских и прочих расходов. В соответствии с акцизно-откупной системой государство монопольно производило водку на казённых винокурнях (или закупало оптом у подрядчиков) и продавало её откупщику (розничному продавцу) в надежде получить с последнего часть прибыли от розничной реализации. Лишь в 1863 г. была введена полностью акцизная система. В соответствии с ней частный производитель вносил налог за каждую единицу произведённой продукции, сам соотносил свои затраты на сырьё, производство, желаемую прибыль от продажи в розницу, сам назначал розничную цену⁸.

Известно, что в 1847 г. объём госзаказа на водку составил в Вятской губернии 400000 вёдер (4920000 л), а число основных потребителей продукта – податных государственных крестьян – составило 593912 чел.⁹ Нетрудно сосчитать, что среднедушевое производство водки за год составило $4920000/593912=8,3$ л. Однако, на наш взгляд, эта цифра никак не отражала ни объём, ни структуру потребления алкоголя в губернии: известно, что удмуртское население не вносило денег в бюджет страны за счёт приобретения казённого вина по установленным ценам, так как потребляло крепкий напиток исключительно домашнего производства – *кумышку*. (В документах тех лет встречались жалобы откупщиков на падение дохода; реализаторы водки указывали на то негативное, по их мнению, обстоятельство, что «половина многолюднейшей губернии была на особом праве»¹⁰). В то же время представители исламизированного населения от употребления алкоголя воздерживались, а значительный объём продукта, произведённого по госзаказу, уходил в Архангельскую и Вологодскую губернии. Таким образом, время службы Салтыкова в Вятке пришлось на период значительных перемен в области бюджетных, производственных и общественных отношений в губернии.

3

Мы видели, что цена на хлеб являлась, пожалуй, главным, базисным экономическим показателем. Именно этот показатель определял

возможность реализации множества обязательных губернских проектов в рамках ценового коридора, задаваемого министерством финансов и иными директивными органами. Поэтому монопольное удержание цены на сельскохозяйственное сырьё в рамках целой губернии представителями одного бесписьменного народа, которые каким-то образом сумели организовать и договориться при отсутствии средств связи, в глазах центральной власти должно было выглядеть явлением экстраординарным. Занимался ли Салтыков исследованием способа, которым удмурты, проживающие на протяжении сотен вёрст, совершили ценовой сговор? Пока неизвестно. Не встречены нами и данные о том, как этот сговор влиял на осуществление экономической политики губернской администрации. Тем не менее, отмеченное явление самоорганизации удмуртского народа, должно стать объектом самого пристального внимания историка.

М. В. Гришкина в своей работе, основанной на широкой источниковой базе документов XVIII в., не указала признаков зарождения ценового сговора в хлеботорговле в областях, заселённых удмуртами этого периода¹¹. Вообще впервые на свидетельство существования ценового сговора обратил внимание Н. Н. Латышев в публикации 1939 г., считая что это был «единодушный сговор хлебных кулаков»¹², но тогда эта тема не получила развития. Б. Г. Плющевский также не обошёл вниманием цитированное указание на ценовой сговор, однако сделал из него вывод, который, на наш взгляд, прямо противоположен логике рыночных процессов, одним из которых является монополизация. По мнению этого автора, «устойчивая цена на хлеб <...> свидетельствует о том, что степень вовлечения в товарно-денежные отношения в удмуртских волостях была ниже, чем в русских»¹³. Как видно, вопрос о самой возможности монополии в хлебной торговле удмуртов не имеет пока однозначной оценки.

Поэтому попытаемся хотя бы схематично наметить некоторые черты объективной стороны функционирования хлебного «синдиката».

В качестве исходных условий обозначим следующие тезисы, заимствованные нами из работ предшественников:

– Хлеб был товаром, в основном определявшим развитие ярмарочной торговли в Вятской губернии и обороты её;

– По свидетельству В. Н. Безобразова, в Вятской губернии в 1850 г. действовало более пятисот скушников-крестьян¹⁴;

– За период с 1804 по конец 1850 гг. «средняя степень товарности хозяйства вятских крестьян» колебалась в пределах от 3,8 % до 5,7 % (Она определялась как отношение товарного хлеба ко всему собранному урожаю);

– Так называемые «хлебные излишки были результатом вынужденного недопотребления крестьянской семьи»¹⁵;

– Основываясь на свидетельствах современников, в первой половине XIX в. Елабужский уезд следовало бы отнести к числу высокоурожайных,

Малмыжский и Сарапульский – к средней категории, а Глазовский к числу низкоурожайных ¹⁶;

– Автор статьи, опубликованной в «Вятских губернских ведомостях» в 1856 г., указывал: «В Глазовском уезде... вотяки занимаются торговлей хлебною...» ¹⁷

Представляется очевидным, что для масштабного сговора производители зерна (представители домохозяйств или соседских общин, скупщики) должны были встретиться и провести прямые переговоры о совместных действиях, причём встретиться и договориться они должны были до уборки урожая, когда прогнозы на урожай уже ясны, но владельцы имеют хлеб на корню, а не в закромах, и у них нет пока соблазна действовать самостоятельно. А, вступив в «синдикат», собственник товарного зерна уже был связан обязательствами до нового урожая. Отсюда важный вывод – встречи для выработки единой ценовой политики должны были проводиться ежегодно, причём до сбора урожая, ибо виды на урожай бывают разные год от года, значит, менялись ежегодно и согласованные цены.

Простая логика подсказывала, что в синдикате должны были одновременно участвовать производители хлеба, проживающие на значительной территории, или оптовые заготовители, активность которых охватывала значительные области, ведь если бы он был ограничен одной деревней, или маленькой административной единицей (волостью, уездом), то крупные оптовики просто обходили бы это место стороной, закупая товар у соседей, и соглашение о ценах потеряло бы и для индивидуального хлебороба, и для заготовителя-монополиста всякий смысл. Ибо целью всякой монополии является влияние на объём предложения и цену товара. А сколько-нибудь значительный объём предложения зерна, способный повлиять на рыночную ситуацию в целой губернии, мог быть получен лишь с больших площадей и с участием тысяч производителей и скупщиков.

Зададимся вопросами:

Где и когда десятки тысяч производителей зерна или сотни крестьян-скупщиков могли встретиться для переговоров о совместной ценовой политике?

Почему о таких встречах не было ничего известно ни властям, ни учёным-этнографам?

Почему ценовое соглашение исполнялось неукоснительно владельцами зерна из хозяйств с разной величиной крестьянского надела, разным уровнем товарности и уездов с разной урожайностью?

Ответ на все эти вопросы появляется, если выдвинуть гипотезу о том, что такие, выражаясь по-современному, «бизнес-митинги», проводились во время массовых праздников. Тот или иной заготовитель зерна, авторитет из местного сообщества, делегированный на совещание, или группа паломников должны были ехать на моление несколько дней.

Останавливаясь по пути кормить лошадей и почевать, каждый путешественник вынужден был отвечать и хозяевам и представителем местной администрации (становым, урядниками и т.п.) на вопросы: «Кто таков, куда едешь, да зачем?» Ответ «Едем на праздник» всех удовлетворял и пресекал дальнейшие расспросы. (Разумсется, паломник не мог отвечать, что он едет на переговоры о создании синдиката для поддержания монопольно высоких цен на зерно!) Далее, на празднике, находясь в массе участников, члены «неформального комитета по ценам» могли лежать под деревом, покуривая трубочки, и обсуждать свои проблемы. А православному священнику, этнографу, да и вообще любому постороннему, который подходил с вопросом «А что вы тут делаете?» они вполне невинно отвечали: «Празднуем, батюшка, вот, кумышку пьём. А разве нельзя?» Такой ответ устраивал и священника, и этнографа, и урядника.

Поэтому, когда этнографы писали о неумеренном пьянстве на удмуртских праздниках, членам неформального хлебного синдиката это было бы только на руку, и они вполне сознательно могли поддерживать эту легенду, которая маскировала истинное содержание общественных собраний. Их вполне устраивало и тиражируемое во множестве публикаций мнение об удмуртах как о деградирующем этносе¹⁸. Венгерский исследователь Б. Мункачи даже называл удмуртов «погибающей нацией»¹⁹. В соответствии с такими установками учёных формировалось мнение об удмуртах, как о народе, от которого нельзя ждать разумных коллективных действий. Однако такая точка зрения была далека от действительности, ведь этнографы досоветского периода описывали только внешнюю сторону народной жизни, не касаясь её скрытых (прежде всего, экономических) пружин.

Почему ценовой сговор выполнялся участниками неукоснительно? Да потому, что он был освящён совместным молением, он был достигнут перед лицом языческих богов (вспомните клятвы христиан на Библии и крестное целование!), и отступника ждала не только людская, но и небесная кара, несмотря на то, что достигнутое соглашение, вероятно, и не объявлялось как с амвона, а распространялось шёпотом и среди своих.

Иными словами, если неформальный синдикат существовал, то существовал на конспиративной основе, что одно только и позволяло ему жить и действовать. Безусловно, обнаружив ценовой сговор, власть, озабоченная недопоставками сырья для казённых винокурен, не сидела бы сложа руки: известно, что кумышковарение несколько раз запрещалось, видимо как для того, чтобы воспрепятствовать отправлению традиционных массовых собраний с ритуальными возлияниями, так и для повышения товарности зернопроизводства в крае. (Известно, что при домашнем самогоноварении выход готового продукта на единицу зернового сырья гораздо меньше, чем при промышленном, заводском изготовлении спирта). Проводилась и масштабная христианизация удмуртов. Однако в качестве

метода индоктринации местного населения было избрано не миссионерство, а полицейские меры: молельни (*куала*) сжигались десятками и сотнями повсеместно (а нет молельни, нет и праздника, нет и сговора о ценах), удмурты насильно приводились к посту и исповеди, в сёлах поселялись официальные соглядатаи – православные священники и полицейские чины²⁰. На наш взгляд, неформальный хлебный синдикат полностью был уничтожен лишь после утверждения колхозного строя и физического уничтожения квалифицированных носителей традиций, прежде всего, жречества. А с утверждением государственной монополии хлебной торговли исчезла и экономическая основа какого-либо неформального лидерства в удмуртской среде.

4

Как представляется, гипотеза об осуществлении ценового сговора во время религиозных праздников не противоречит данным этнографии.

Так, исследователи XIX в., занимавшиеся изучением удмуртов, при описании такого общественного явления, каким являлся религиозный праздник, отмечали, что для молитвенного общения собирались порой весьма значительные коллективы.

Н. Г. Первухин указывал: «...Изредка, между поселениями вотяков находились среди болот, в малодоступных чащах, поляны, называвшиеся “губер-вось”, что значит: места общественного народного моления. Сюда к “бадзым квала” лишь в известный год собиралось к определённом дню, как показывают старики, по несколько десятков тысяч из разных уездов»²¹.

И. Васильев сообщал, что «в Мамадышском уезде Казанской губернии в поле села Нырн число жертвенных животных доходит до восьмидесяти и более коров вместе с быками, почти такого же количества лошадей и такого же количества мелкого скота»²². Если оценочно определить, что каждая голова крупного скота даст по сто килограммов мяса, то общее количество его составит не менее шестнадцати тысяч килограммов. Одноразовая мясная порция для участника моления вряд ли превышала килограмм мяса – скушать больше за один присест просто затруднительно. Следовательно, на молении должно было пребывать порядка шестнадцати тысяч участников.

Участникам таких сборов надо было проделать немалый путь. По данным М. Г. Атаманова, «общественное моление южных удмуртов [булда] проходило ...возле д. Пирогово современного Алнашского района. По рассказам очевидцев, здесь собирались удмурты Елабужского [уезда] и соседних с ним волостей Малмыжского и Сарапульского уездов Вятской губернии. Ритуал продолжался в течении многих дней, в жертву приносились бычки, жеребята, утки... Совместное моление удмуртов-калмезов проходило на территории современного Унинского района Кировской области. Для моления приезжали калмезы из других отдалённых мест»²³.

Удмурты Бирского уезда Уфимской губернии и Осинского уезда Пермской губернии также собирались на совместное моление. Возле д. Нырья (см. выше) собирались удмурты Казанского и Мамадышского уездов Казанской губернии, <а также> Малмыжского, Уржумского, Елабужского уездов Вятской губернии ²⁴.

По мнению Н. И. Шутовой, удмурты родовой группы Вортча собирались на моления в место, расположенное в южной части Игринского района. Причём, приезжали ради этого из Глазова и Алнашей ²⁵. (Заметим в скобках, что в обоих случаях расстояние по прямой составляет не менее ста километров).

Зададим себе познавательные вопросы:

1. Как потенциальные участники обрядовых действий (а это сотни и тысячи человек) узнавали о предстоящем сборе? Допустим, организаторы за свой счёт посылали гонцов, которые приглашали соплеменников (участников из числа всех желающих) прибыть к определённому дню. А, может быть, они договаривались встретиться в заранее обусловленный день, который был установлен раз и навсегда? Но в любом случае и для приглашения к определённой дате, и для самостоятельной явки в обусловленный день и организаторы действия, и его участники должны действовать синхронно, иначе говоря, пользоваться одним и тем же календарём, то есть устройством, которое позволяло увидеть, что обусловленный день уже приближается, и надо собираться на встречу. С принятием христианства о приближении того или иного дня можно стало справиться у сельского священнослужителя, но в более раннее время должно было существовать иное оригинальное устройство счёта времени. Таким образом, несомненно, праздник должен был выполнять роль синхронизатора действий и эталона времени для местных календарей.

Конечно, если действия планировались в рамках одной деревни, или к участию в них приглашались близкие соседи, то дата могла назначаться на совете – *кенеше*, а состоявшееся решение просто доводилось до всеобщего сведения мальчишками-глашатаями на лошадях ²⁶.

2. Какими мотивами руководствовались участники собраний; что толкало их бросить на несколько дней хозяйство, тратить время и средства, терпеть неудобства дорожного быта и ехать куда-то по грунтовым дорогам, гнать туда жертвенный скот, везти котлы и ритуальный самогонный напиток – *кумышку*? Паломническое благочестие? Горячая братская любовь к соплеменникам и единоверцам? Безусловно, так. Конечно, массовый праздник способствовал индоктринации неопитов, жреческие кадры приобретали навыки служения и совершали обмен опытом. То есть, он утверждал определённые стандарты, и без общественных праздников религиозно-мифологическая картина мира удмуртов, да и сам универсальный языческий культ просто не могли бы сформироваться; каждая деревня молилась бы своим богам и по-своему.

3. А что кроме молитвы составляло объективную сторону общественных праздников? Раскроем любое описание удмуртского языческого праздника, сделанное в досоветское время. Например, И. Васильев сообщал, что праздники удмурты проводили «в пьянстве и необузданном разврате»²⁷. Но неужели ради удовольствий, столь доступных по основному месту проживания, совершались далёкие путешествия? На наш взгляд, такое объяснение выглядело бы неубедительно. Даже с той оговоркой, что в восприятии стороннего наблюдателя празднество необузданной плоти могло быть в реальности просто формой общения представителей экзогамных сообществ, для которых «связи на стороне» не были ни запретны, ни греховны. Наоборот, именно такие связи и были допустимы для них по правилу экзогамии.

4. Какими мотивами руководствовались организаторы праздника? Зачем им требовалось собирать тысячи людей в одном месте? Считаем, что наивно было бы думать, будто совет (*кенеш*), или иной коллегиальный орган собирался для того только, чтобы обговорить дату совместного «пьянства и необузданного разврата». Хотя мы и не располагаем протоколами подобных заседаний, на наш взгляд, скорее всего, в повестке дня там стояли вопросы сугубо утилитарные, насущные для выживания местного сообщества, например, о сроке начала тех или иных технологических операций земледелия в условиях принудительного севооборота. Г. Е. Верещагин прямо свидетельствовал по этому поводу: «В вотской общине в один день всем селением должны выехать: сеять яровое, озимое, пары пахать, ...косить, жать и убирать хлеб... и в этом отношении община представляет как бы одну семью»²⁸.

Общественный совет был своего рода коллективным разумом, его члены осознавали свою ответственность перед народом. Таким образом, на местном празднике могли объявляться рекомендации по срокам проведения тех или иных операций и доводились до общего сведения иные управленческие решения, принятые на собрании более высокого уровня (например, о ценах на зерно). Кроме того, общинные запасы хлеба («запасные магазины»²⁹) обеспечивали устойчивость коллегиальных решений и страховали земледельца от последствий фатальных ошибок неформальных органов управления.

Сказанное выше убеждает в том, что М. Е. Салтыков по роду своих служебных обязанностей чиновника по особым поручениям вполне мог принять участие в негласном расследовании деятельности «удмуртского хлебного синдиката». (На наш взгляд, официального расследования здесь быть и не могло, так как ценовой сговор не представлял собой состава правонарушения). Значит, его причастность к составлению «Материалов к отчёту губернатора за 1850 г.» вполне обоснована. В свою очередь, названный архивный документ является ценным источником по экономической истории удмуртов XIX в., а способы неформальной

(надобщинной) самоорганизации этого народа в масштабах Вятской губернии должны стать предметом отдельного большого исследования.

Автор будет рад получить читательский отклик по адресу: alexeika@udm.net

Примечания

*Выражаю благодарность сотруднику УИИЯЛ УРО РАН В. С. Чуракову и архивисту ГАКО Р. С. Шилевой, которые оказали мне помощь в подготовке архивных документов к опубликованию.

1. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14 г. Д. 18. Л. 131–132 об.
2. Гришкина, М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. – Ижевск : Удмуртия, 1977. С. 95.
3. Общее количество податных государственных крестьян в Вятской губернии по данным за 1847 г. составило почти 594000 [Столетие Вятской губернии. 1780–1880 : сб. материалов к истории Вят. края. – Вятка, 1881. Т. 2. С. 474]. Удмурты составили в 1858 г. 10,4 % населения губернии [Плющевский, Б. Г. К вопросу о социально-экономическом развитии Удмуртии в последние предреформенные десятилетия // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. – Ижевск : УдНИИ, 1981. С. 14]. Учитывая наличие больших крестьянских семей, можно говорить применительно к этому периоду, по меньшей мере, приблизительно о десяти-двадцати тысячах удмуртских домохозяйств, каждое из которых могло выступать в качестве хозяйствующего субъекта.
4. ГАКО. Ф. 583. Оп. 1 а. Д. 1231. Л. 137. С. 137.
5. Столетие Вятской губернии. С. 473–474.
6. Там же. С. 480.
7. Там же. С. 481
8. Похлёбкин, В. В. История водки. – Новосибирск : Рус. беседа, 1994. С. 196–197.
9. Столетие Вятской губернии. С. 474.
10. Прыжов, И. Г. История кабаков в России. – М. : Дружба народов, 1992. С. 226–227.
11. Гришкина, М. В. Указ. соч.
12. Латышев, Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. – Ижевск : Удмуртгосиздат, 1939. С. 108.
13. Плющевский, Б. Г. Указ. соч. С. 28.
14. Там же. С. 12.
15. Там же. С. 10.
16. Там же. С. 18.
17. Цит. по: Лигенко, Н. П. Крестьянская промышленность удмуртов во второй половине XIX века // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках : сб. ст. – Ижевск, 1991. С. 78.
18. Владыкин, В. Е. Из истории этнографического изучения удмуртов // Записки УдНИИ. – Ижевск, 1970. Вып. 22. С. 117–140; Малиев, Н. М. Антропологический очерк вотяков. – Казань, 1874. 17 с.
19. Уваров, А. Бернат Мункачи об удмуртах // Край родниковый. – М., 1984. С. 46.
20. Луппов, П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. – Ижевск, 1999. 390 с.

21. Первухин, Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда : эскиз II : Идоложертвенный ритуал древних вотяков. – Вятка, 1888. С. 4.
22. Васильев, И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. – Казань, 1906. С. 21.
23. Атаманов, М. Г. Названия археологических памятников и культовых мест Удмуртии // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов, 1985. С. 159.
24. Там же. С. 169.
25. Шутова, Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции : опыт комплексного исслед. – Ижевск, 2001. С. 67.
26. Первухин, Н. Г. Указ. соч. С. 31.
27. Васильев, И. Указ. соч. С. 37.
28. Верещагин, Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собр. соч. : в 6 т. – Ижевск, 1998. Т. 3, кн. 1. С. 115.
29. Там же.

Салтыковские мотивы в эпистолярном наследии Ивана Аксакова Т. К. Николаева

Многие из тех, кто сегодня перечитывает произведения Щедрина, поражаются его современности, актуальности в условиях совершенно другой государственной системы. Да, он был очень талантлив. Но сработал тут и известный принцип: в веках, как правило, остаётся то, что написано наиболее злободневно для своего времени. И Салтыков это правило подтвердил. Он действительно писал о самых больших проблемах общества, в котором он жил и работал.

Вглядевшись в литературу того времени, легко увидеть, что те же проблемы волновали и многих современников Салтыкова. Предреформенная эпоха выдвинула целую когорту людей, равнодушных к судьбам государства, страны, народа, которые, каждый в силу своего дарования старались не только высказаться и тем повлиять на ситуацию в России, но и шли на сотрудничество с властью в надежде своими скромными усилиями исправить накопившиеся в обществе неурядица. Одним из таких людей был Иван Сергеевич Аксаков. Его жизненный путь в годы перед отменой крепостного права, движение по служебной лестнице иногда удивительно схожи с движением по жизни Салтыкова. Но в отличие от Михаила Евграфовича, человека и в юности отличавшегося нравом суровым и раздражительным, Аксаков был более словоохотлив, рано почувствовал в себе дарование поэта, и что для нас важнее всего – любил и умел писать письма. Его переписка с родственниками: отцом, матерью, братом Константином и сёстрами стала примечательным явлением разнообразной русской литературы середины XIX в., не затерялась среди тысяч крупных и мелких эпистолярных текстов и сегодня вызывает большой интерес. Для нас же она интересна особенно. Читая письма Ивана Аксакова и начинает казаться, что будь поговорливее Михаил Евграфович,

будь он посвободнее от цензуры, от догляда полиции, может быть, именно такие письма и писал бы родным из Вятки. Переключек в мнениях, взглядах, иногда в отзывах на совершенно конкретные явления жизни очень много. Читая письма Аксакова, написанные им во время службы в губернских городах, иногда дословно вспоминаешь Салтыкова, его отзывы о жизни в Вятке, Твери и т.д. Знать письма своего старшего соратника Салтыков не мог. Творческие пути их пересеклись только после возвращения Салтыкова из Вятки. И тем не менее письма Аксакова можно вполне считать документом, во многом отразившим типичные явления русской провинциальной жизни середины XIX столетия, в том числе и жизни в Вятской губернии.

Иван Сергеевич Аксаков родился в 1823 г. В 1842 г. закончил императорское училище правоведения и стал чиновником 6-го отделения Правительствующего Сената. В конце следующего года он отправился в составе ревизионной комиссии обследовать Астраханскую губернию. И с января 1844 г. началась переписка Аксакова с родными – подробная, искренняя, значительная и по мыслям, и по красоте изложения.

Первые же впечатления оказались совсем нерадостными. Ещё по дороге в Астрахань некоторым членам комиссии было поручено обследовать уездный суд в городке Чёрный Яр. Аксаков пришёл в ужас.

«В здешнем земском суде нашли мы такое наивное невежество законов и служебного порядка, что члены “оного” не только не умели приготовиться к прибытию ревизора, но даже и в оправдание своё приводят то, чего не скажет и последний писец в Сенате. Видно, они вообразили, что земский суд такое место, которому сам Бог покровительствует, а городок их такой городок, от которого хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь. Удивительно, право, как люди могут жить покойно и счастливо в такой глуши, безо всяких интересов или с такими мелкими интересами, в такой грязной жизни, что жалко, просто жалко. И по крайней мере 1/8 человечества плеицуются в такой животной жизни! Нет, уж я в уездном городе ни жить, ни служить никогда не намерен» (1. С. 46).

Салтыков был моложе Аксакова на три года. В 1844 г. после окончания Александровского лицея он был назначен чиновником в Военное министерство. Близкое знакомство с условиями жизни в провинции произошло у него позже – когда он был сослан в Вятку. Но первое впечатление от этой жизни было очень схоже с аксаковским. *«Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не сможете требовать от жизни, что вам остаётся только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания. И в самом деле, из этого города даже дороги дальше нискуда нет, как будто здесь конец миру»*¹.

С первых же шагов на служебном поприще Аксаков, возненавидев формальную сторону чиновничьей деятельности, понял, что именно такая деятельность поможет ему по-настоящему понять Россию, положение народа, все неурядицы существующего порядка.

Он писал из Астрахани: «...По заведённому в России порядку, как уедешь, так и пошло всё на старь. Разумеется, я не говорю здесь об исправлениях невозможных, напр[имер] искоренение взяточничества и т. п. <...> Я... способен сильно увлекаться в делах такого рода, особенно когда дело идет не о настольных регистрах, а о существенной государственной пользе и о чести и блеске наших действий. Вообще надо признаться, что ревизия, поселив во мне еще большее отвращение к канцелярской службе, возбудила во мне сильное участие к делам государственным (несмотря на то, что у нас все спадает на комедию), и конечно, будь у нас несколько другой порядок вещей, <...> я бы никогда не оставил службы и предпочел бы её всем другим занятиям. Если я ошибаюсь, то не менее ошибаются и другие, которым ближайшее знание современной России и применения государственного механизма к народу показало бы вполне, что древние формы управления и законодательства решительно обветшали» (1. С. 88).

И через полгода снова о том же: «В России редкий кто приносит к служебному труду душевное участие и истинное желание пользы, редкий думает о том, чтобы трудным путём служебного дела достигнуть настоящей благой цели. Механизм администрации заставляет забывать о цели, и всё служащее в России стремится к одной лишь письменной очистке» (1. С. 171).

Салтыков тоже с самого начала своей деятельности думал об «обнаружении зла, лжи и порока» и считал это одним из путей служения общему делу.

В 1844 г., после возвращения из Астрахани, Аксаков некоторое время служил по-прежнему в сенате. Но его занятия литературой уже насторожили начальство. Осенью следующего года он был назначен товарищем председателя Калужской уголовной палаты. Его впечатления от жизни в средней полосе России мало чем отличались от жизни на юге. Губернские города в Российской империи были похожи друг на друга.

«Что за глупая жизнь в провинции! Никакой другой жизни, никакого другого интереса, кроме злословия, сплетен взаимных и анекдотов друг о друге, простирающихся на такие мелочи, что узнаешь немедленно о новой собачке, приобретённой такою-то и т. п. Эти люди осуждены на ужасную муку – видеть почти каждый день друг друга и никого больше. Не быть знакомым – нельзя, да и скучно; поэтому все знакомы, все знают друг друга от головы до пят и смеются друг над другом... Впрочем, людей добрых больше, чем умных, оттого ещё скучнее» (1. С. 321).

Об ужасающей скуке провинциальной жизни, о подавляющем значении бытовых мелочей писал в письмах из Вятки и Салтыков.

В 1849 г. Аксакова арестовали. Власти насторожились, видя, как активизируются славянофилы во главе с Самаринным, с которым дружили все Аксаковы. Не нравилось власть предержащим и то, что чиновник Иван Аксаков не только пишет стихи, но и печатает не совсем благонадёжные произведения. Арест вроде бы не имел серьёзных последствий, но с этих пор Иван Сергеевич начал постоянно чувствовать на себе пристальный взгляд III отделения.

Тогда же он был назначен для ревизии в Ярославскую губернию. Поручения, которые он исполнял в Ярославле, были очень сходны с теми, которые пришлось исполнять в Вятской губернии Салтыкову: ревизия уездных городов, а главное – расследование дел о многочисленных раскольниках.

И снова, в первых же письмах, Аксаков стал писать об ужасающей скуке жизни в провинции: *«Удивительное свойство большей части губернских городов: это совершеннейшая пошлость, ничтожность людей. Общество почти везде таково, но в Москве и в Петербурге вы всегда найдёте человек пять, с которыми можете говорить обо всём; здесь – ни одного. Здесь я нашёл много умных купцов, это правда, но ведь разговор с ними не есть мой постоянный разговор, мы слишком разделены и образованием и интересами и сферами деятельности. Но что касается до общества здешнего, до ярославского бомонда, то это самое жалкое и ничтожное общество. В этом обществе, боясь упрёка в невежестве, не скажут ни одного слова по-русски, да и не нужно: если б они говорили о чём-нибудь серьёзном и задушевном, то прибегли бы к русскому языку, но как подобных разговоров здесь не ведётся, то обходятся посредством французского. Всё это со страшною претензией на высокий стиль, роскошь непозволительная, читают вздор, живут все заёмною жизнью столичных обществ. Есть довольно богатых, тысячедушных и тшчедушных фатов»* (2. С. 9).

Салтыков об этом же писал в «Губернских очерках»: *«Страсть к французским фразам составляет общий недуг крутогорских дам и девиц. Соберутся девицы, и первое у них условие: “ну, mesdames, с нынешнего дня мы ни слова не будем говорить по-русски”.* Но оказывается, что на иностранных языках им известны только две фразы: *permettez-moi de sortir* и *altes-vois en!* Очевидно, что всех понятий, как бы они ни были ограниченны, этими двумя фразами никак не выразишь, и бедные девицы вновь осуждены прибегнуть к этому дубовому русскому языку, на котором не выразишь никакого тонкого чувства»².

Иван Аксаков с детства питал особые чувства к Николаю Васильевичу Гоголю, с которым дружило всё многочисленное семейство Аксаковых. В Калуге Иван Сергеевич познакомился и подружился с Александрой Осиповной Смирновой (Россет), близкой знакомой Гоголя. Неудивительно, что всякое событие, связанное с великим писателем, Аксакова волновало.

20 августа 1849 г. он писал из Рыбинска: «Теперь о другом. На днях на здешнем театре давали "Ревизора". Я отправился смотреть. И актёрам и зрителям до такой степени было смешно видеть на сцене все те лица, которые сидят тут же и в креслах (напр[имер], городничий, судья, уездный учитель и т. д.), что актёры не выдерживали и хохотали сами вовсе не у места, а потому и играли плохо, исключая Осипа. А зрители хоть и смеялись, – да ведь все свои! Всякий друг про друга знает, что он берёт, и считает это дело весьма естественным. Вот этим скверно в уездных и даже губернских городах. Все берут, нет другого общества, и поневоле делаешься снисходительным, говоря, что этот берёт не так, как тот, легче и т. п. А по-настоящему никому из них и руки подать нельзя! Даже мне иногда совестно колотить им собой глаза. Впрочем, здесь, как я Вам писал, был один честный человек, городничий Деев, теперь в отставке. Зато он известен был, как некое чудовищное исключение, неслыханное диво и дрянной городничий» (2. С. 46).

О Салтыкове, как мы помним, тоже ходили слухи как о человеке исключительном, потому что он взяток не берёт.

К наболевшей проблеме чиновничьей коррупции, к невозможности изничтожить взяточничество Аксаков возвращался не раз. 30 мая 1850 г. он писал из города Мологи: «Боже мой! Сколько скуки, сколько пошлости и подлости в жизни общества уездного городка. Во-первых, городничий – вор! Даже и этот музыкант, у которого я обедал и о котором сейчас после обеда стал делать внимательные расспросы, оказался не последним вором. Городничий вор и взяточник, жена его – взяточница, впрочем, очень милая женщина. Исправник – ещё больше вор; жена его, любезная дама, распоряжается уездом, как своею деревней; окружной, лесничий, начальник инвалидной команды, почтмейстер, стряпчий, секретарь и их жены – все это воры-переворы, и всё это общество чиновников живёт с претензиями на большую ногу и даёт балы и вечера на взяточные деньги! И никакого образования, кроме внешнего, никакого порядочного стремления, никакого участия к меньшим, кроме презрения, и ко всему этому пошлость, звенящая пошлость души, мыслей, всего. Я часто думал, мог ли бы я ужиться в каком-нибудь уездном городке... Нет! Прервать сношения с движущимся, стремящимся, волнующимся, умствующим миром невозможно человеку умствующему. Если б ещё были все книги и газеты под рукой!» (2. С. 139).

И настоящим воплем израненной души прозвучали слова в письме Аксакова, которые и сегодня звучат во многих сердцах, словно и не прошло полтора века с тех пор. Экое неизбежное зло на Руси – взяточники!

«Как бы Вы ни объясняли и ни оправдывали это явление, но согласитесь, что за слабая натура у русского человека, что он становится мошенником, как скоро переходит в чиновника! Как будто он не знает, что должно переносить и туда понятия честности и правды! Как будто чиновник перестаёт быть христианином!» (2. С. 134).

А о провинциальных бедах внешнего благоустройства Аксаков и Салтыков писали почти одними и теми же словами.

*«Скучно! Крупные капли дождя стучат в окна моей квартиры; на улице холодно, туманно и грязно, осень давно уже вступила в права свои, и какая осень! Безобразная, гнилая, с проникающей насквозь сыростью и вечным туманом...»*³. Так писал Салтыков из Вятки. Аксаков из Пошехонья в ту же пору жаловался: *«Если бы Вы знали, какая тоска! На дворе дождь, ветер, холод, слякоть, грязь; выйти нельзя, стихи не пишутся, да и некогда среди этого дрязга ябед, которые приходится разбирать; да и места нет...»* (2. С. 59).

Служба Аксакова в Ярославской губернии в 1848–1850 гг. была разнообразной, и очень по многим пунктам перекликалась с теми делами, которыми позже в Вятской губернии занимался Салтыков. В одном из писем из Астрахани Аксаков писал о том, что на местах в провинции не хватает чиновников. Мы знаем, что были периоды, когда и в Вятскую губернию грамотных, подготовленных чиновников завлекали посулами сытой жизни, большими подъёмными и прочими благами. Создаётся впечатление, что одним из методов насаждения чиновников в отдалённые от столиц места была административная ссылка. Хорошо служил Михаил Евграфович Салтыков, его и не торопились отпускать из-под надзора вятской полиции. Аксаков формально не был сослан в Ярославль, но по окончании порученных ему дел он вдруг обнаружил, что не имеет права уехать по собственному желанию. Сидеть в Ярославле он уже больше не мог. Одним из городов, куда его могли бы перевести, оказалась Вятка.

1 марта 1851 г. он писал родным из Ярославля: *«Я совершенно покоен духом. Я не герой, потому что это всё в отношении к целому вопросу буря в стакане воды и не жертва (сохрани Бог!). Я только честный человек или, по крайней мере, хочу быть таким, хочу оставаться неуклонно верным своим правилам, а потому, что бы ни случилось, в выигрыше – я. И думаю, если б опять, сызнова возобновилась эта история, я опять поступил бы именно так, хотя ехать с поручением в Вятку у меня нет никакого желания: куда угодно, только не на Север и не на Восток, а на Юг или даже Запад... Впрочем, круг служебной деятельности уже давно сжимается и сокращается для меня. Я уже решил сам в себе, что следствий отныне я производить не буду...»* (2. С. 196).

Для Салтыкова это была пора наиболее активной и плодотворной деятельности не только на государственном поприще, но и в творческом отношении. Именно тогда ведь и накапливались впечатления, лёгшие затем в основу его «Губернских очерков». Успех публикации этих очерков впоследствии отметил и Аксаков, тогда тоже уже вступивший на стезю журнального редактора и писателя.

Аксаков, возмущённый тем, что его не отпускают из Ярославля, не дают даже отпуска, стал писать своему начальству. Переписка длилась

довольно долго, причём Ивану Сергеевичу ставили в вину то, что он занимает время и расходует силы на стихи, а не посвящает всего себя служебным занятиям. Аксаков возмутился и написал министру внутренних дел графу Перовскому: *«Не только правом, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему сиятельству, что не служба терпит от моих литературных занятий, а литературные занятия, нравственное и умственное образование моё принесены в жертву службе. Никто никогда не мог и не может упрекнуть меня в лености или в нерадивом исполнении своего долга, потому что к деятельному служению побуждаюсь я ответственностью – не перед начальством моим, – а перед моею собственною совестью. Напротив того, упорные, утомительные, непрерывные труды по возложенным на меня многообразным и многосложным поручениям лишают меня не только возможности предаваться какому-либо нравственному отдыху, но нередко и такого досуга, на который имеет право даже и поденщик...»* (2. С. 204).

Под этими словами с полным правом мог бы подписаться и Салтыков. Он тоже горевал, что литературная его деятельность замерла и не движется вперёд.

Наконец, в 1851 г. Аксаков вышел в отставку. Но недолго пришлось быть ему только писателем и журналистом. Начавшаяся Крымская война не могла оставить его равнодушным. Иван Сергеевич становится «охотником Серпуховского ополчения». Причём, на пути в Крым встречается с генералом Ланским, который незадолго до этого формировал ополчение в Вятке.

После окончания войны Иван Сергеевич стал членом следственной комиссии князя Васильчикова по делу о злоупотреблениях интендантства во время войны. И снова Аксакова поражает та же неискоренимая чиновничья коррупция. В августе 1856 г. он писал домой: *«Волосы дыбом становятся, когда вспомнишь, до какого цинизма доходила страсть к приобретению, к набиванию кармана в то время, как люди гибли тысячами. Там, на стенах Севастополя, геройствуют; на северной стороне, в Бахчисарае, Симферополе – оргии разврата на заграбленные деньги! Понятно, что нельзя было и ожидать другого результата войны, кроме позора, понятно, что не могли отстоять крепость, обложенную только с трёх сторон и постоянно сохранявшую связь и сношения со всею Россиею, с армиею, не запертою в стенах как, например, в Карсе, а стоявшею вне города, во фланге неприятелю. Выходит, что вся Россия не могла отстоять Севастополя. Просто совестно хвастаться обороной Севастополя»* (2. С. 473).

Салтыков-Щедрин писал об этом так: *«Почта приходила к нам из Петербурга два раза в неделю, да и то в десятый день. Собираясь в почтовые дни в клубе, мы с жадностью прочитывали газеты и передавали друг другу известия, полученные частным путем... И вдруг неслыханнейшая*

оргия взволновала наш скромный город. Славно молния, блеснула всем в глаза истина: требуется до двадцати тысяч ратников! Сколько тут сукна, холста, кожевенного товара, полушубков, обозных лошадей, провианта, приварочных денег! И вот весь мало-маленьки смысленный люд заволновался. Всякий спешил как-нибудь поближе приютиться около пирога, чтобы нечто урвать, утащить, ушить, укроить, усчитать и вообще, по силе возможности, накласть в загорбок любезному отечеству»⁴.

Одарённый, наблюдательный Иван Аксаков, воспитанный в принципах абсолютной честности и преданного служения отечеству, оставил нам бесценное наследство в виде писем из провинции. Салтыков, литературно гораздо более талантливый, но менее открытый в личном общении и в переписке, писал о том же в своих сатирических произведениях. После освобождения из вятской ссылки Салтыков активно стал писать и печататься. С Аксаковым дороги их скрещивались не раз. Но первое прославившееся произведение Салтыкова-Щедрина Аксаков отметил сразу, после первой же публикации. В ноябре 1856 г. он писал из Харькова, где продолжал работать в комиссии Васильчикова: *«Сочувствие к “Русскому Вестнику” в провинциях растёт все сильнее и сильнее и ослабляет влияние петербургских журналов. Это делает честь публике. Надо сознаться, что журнал улучшался с каждой книжкой и привлёк к себе публику не дрянными повестями и рассказами, не задором критики, а больше всего тем, что отзывался на все живые современные вопросы именно статьями: об Англии, о Пруссии, о крепостном состоянии, о судопроизводстве, “Губернскими очерками” Щедрина. Все эти статьи имеют большой успех, которому, говоря по совести, нельзя не радоваться, хотя бы и хотелось, чтобы он принадлежал нам, а не им. Бедная “Беседа” имеет в Харькове только четыре подписчика, да и то – университет, архиерей, Квитка (по знакомству со мной, теперь же он и за границу уехал) и ещё кто-то. “Русский же Вестник” чуть ли не во всех домах, а с будущего года заменит петербургские, на которые перестают подписываться»* (2. С. 505).

Интересно было бы проследить взаимоотношения Ивана Аксакова и Салтыкова-Щедрина в последующие годы, когда оба они стали известными деятелями литературы, не менее известными общественными деятелями. Но нам важнее сплетение их жизненных и творческих мотивов именно в тот период, когда Салтыков жил в Вятке. Письма Аксакова дают массу материала для размышлений над этой темой.

Примечания

Ссылки в тексте на письма И. С. Аксакова даны по изданию: И. С. Аксаков в его письмах : эпистоляр. дневник 1838–1886 гг. / предясл., коммент., воспоминания А. Ф. Аксаковой – М. : Рус. книга, 2003.

1. Салтыков-Щедрин, М. Е. Губернские очерки : избранное. – М. : Современник, 1976. С. 17.
2. Там же. С. 20.
3. Салтыков-Щедрин, М. Е. Скука // Полн. собр. соч. – М. ; Л., 1933–1941. Т. 18. С. 112.
4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Тяжелый год // Полн. собр. соч. – М. ; Л., 1985–1975. Т. 11. С. 454.

**«Начальствовал, не делая, по крайней мере, никому зла»:
статья в якутской Памятной книжке как один из источников
«Истории одного города»**

Р. А. Евстифеева

К заключению о том, что в образе города Глупова «нашли воплощение характерные черты *всего самодержавного государства, всей страны*»¹, что «деревни, села, уездные и губернские города, столицы – все они совмещены в Глупове»², щедриноведение пришло уже довольно давно. Но все это слова более-менее общие, а данных о сходстве топографии или истории Глупова с фактами существования конкретных российских городов или областей по-прежнему немного. Установленным можно считать родство глуповской топографии с тверской³ и близость административного устройства Глупова и некоторых фактов его истории с тем, что мы знаем об Одессе⁴ и Новороссийских областях в целом⁵. Замечено сходство между «Историей одного города» и очерками С. В. Максимова «Сибирь и каторга», опубликованными почти одновременно с щедринским текстом в «Отечественных записках»: «Читатель, знакомый с книгой Максимова, не может отделаться от впечатления, что многие образы и мотивы “Истории одного города” восходят к “Сибири и каторге”, где развернута уникальная эпопея самодурств и бесчинств провинциальной сибирской администрации почти за два столетия»⁶.

Сибирскую ветвь в генеалогии Глупова, вероятно, не стоит ограничивать С. В. Максимовым. Сибирь нередко попадала на страницы журналов, и в освещении самом беспощадном. Наиболее экстремальной областью как по части природных условий, так и в отношении крайностей административного управления, оказывалась Якутская губерния, о жителях которой даже в «Сибирском вестнике» писали с удивлением: «Лицо и руки они умывают только тогда, когда что к ним пристанет. <...> Они не замечают ни от какой нечистоты себе вреда. Юрты ставят всегда у озер, а летние *урасы* у болот при заливах, не разбирая, какая там вода, и потому нередко пьют от гнилости желтую <...> воду»⁷. Статьи о вымирании дальневосточных народностей появляются в газетах ещё в 1823 г. Заметным явлением была Якутская губерния и на медицинской карте России – прежде всего по распространённости там венерических⁸ и кожных заболеваний⁹.

Также и освещая административные злоупотребления, Максимов был не единственным, см. например, в другом журнальном очерке: «Сибирские воеводы отличались своею изобретательностью к незаконной наживе. Не говоря уже про многоразличные их лихвенные поборы, про взятки по судебным делам, про кражу государственной казны, скажем только, что они не ограничивались видами на тех жителей, которые были побогаче: они и с низшего класса умели, говоря технически, снимать овчинку...»¹⁰

Одно из интереснейших свидетельств управления Якутском – предмет нашего сообщения – статья «Воеводы и начальники г. Якутска и их действия» И. С. Москвина¹¹. Текст этот интересен и своим содержанием, и обстоятельствами напечатания (впрочем, известными нам ещё не в полной мере).

Содержание представляет собой в основном составленное по местным устным и письменным источникам описание смены дурных правителей ещё более дурными правителями.

«По фактам того времени, камергер – воевода выставлен не в блестящем свете, прямо сказать: как отъявленный грабитель...» (179).

«Можете живо себе представить управление, неистовавшего в Камчатке, начальника!» (197).

«При Шейне увеличилась бедность якутов, и край, до тех пор спокойный от разбоев и грабежей, наводнился шайками разбойников» (198).

Автор отмечает, что Якутск знал всё-таки и справедливых правителей и приводит пословицы и сказания, сложенные о них местными жителями, но не может не указать на то, что и те бессильны были коренным образом изменить жизнь губернии:

«А как взяточный порядок начался со времени первого воеводы и, так сказать, установился правильно от времени, и искоренить твердость его было совершенно невозможно, выгнать же несколько наевшихся волков и набрать голодных было бы и ещё того хуже; то Бибиков давал от себя и дьякам и подьячим деньги...» (172).

Некоторые эпизоды административной жизни Якутска довольно близко сходятся с текстом «Истории одного города» – сравним:

«Шкадер, запершись в своей квартире с 4-мя солдатами, не давался и даже, как пишет Бернинг в своей промемории, “сам палил из пистолета пулями”» (159).

«Но Дунька не сдавалась. Она укрепилась на большом клоповном заводе и, вооружившись пушкой, стреляла из неё как из ружья» [8. С. 303].

Приведем и еще одну параллель, более глубокую. Один из наиболее цитируемых фрагментов «Истории...» – вывод, к которому приходит Летописец после изложения истории Прыща:

«На другой день глуповцы узнали, что у градоначальника их была фаршированная голова <...> Но никто не догадался, что благодаря именно этому обстоятельству город был доведён до такого благосостояния,

которому подобного не представляли летописцы с самого его основания» [8. С. 369–370].

То, что начальническое бездействие как раз залог благоденствия жителей, Салтыков-Щедрин указывает в тексте не один раз. Вот что Летописец говорит о градоначальнике Фердыщенко:

«Он ни во что не вмешивался, довольствовался умеренными данями, охотно захаживал в кабаки покалякать с целовальниками, по вечерам выходил в замасленном халате на крыльцо градоначальнического дома и играл с подчинёнными в носки <...> В первый раз свободно вздохнули глуповцы и поняли, что жить “без утеснения” не в пример лучше, чем “с утеснением”».

В истории якутской администрации есть этому прямые аналогии: об одном начальнике сказано, что «при нём в Якутске немного отдохнули, потому что он был человек умный и правдивый» (186).

О другом: «начальствовал до 1747 года, не делая, по крайней мере, никому зла» (187).

Между прочим, и это были не единственные подобного рода суждения о происходящем в Якутске. Еще в 1847 г. в журнальной статье об этих же краях читаем: «Вообще можно сказать о туземцах, что они гораздо спокойнее и зажиточнее живут вдали от русских»¹².

Пародийная история, которую пишет Салтыков-Щедрин, оказывается коллажем не только из реальных исторических происшествий, но и из текстов исторического содержания. Многие строки «Истории...», сейчас читающиеся как оригинальные авторские сентенции, на самом деле суть отклики на современную автору литературу – и именно в таком контекстном истолковании прежде всего и нуждается текст истории¹³.

Не достаточно ясен вопрос о степени знакомства Салтыкова-Щедрина с текстом рассматриваемой статьи. Документальных подтверждений, во всяком случае, у нас нет, но есть некоторые факты, которые позволяют думать о том, что определенная вероятность такого знакомства есть.

Во-первых, при том что Якутия, строго говоря, область от Петербурга весьма далёкая, и вряд ли Салтыков-Щедрин имел к ней хоть какое-то отношение в редакторской, в административной ли деятельности, стоит обратить внимание на факт издания обеих якутских Памятных книжек в Санкт-Петербурге.

Во-вторых, возможно знакомство Салтыкова-Щедрина с текстом и вне страниц Памятной книжки. С автором статьи, И. С. Москвиным, встречался, остановившись в Якутске во время кругосветного путешествия, И. А. Гончаров. В письме Краевскому от сентября 1854 г. он писал:

«Есть здесь ещё любитель древностей, купец Москвин, с которым увижусь. Ну, как они да на беду мою дадут мне сведения, источники: что я стану с ними делать? хуже, чем Манилов со своим мостом. Я целиком отошло или отвезу к Вам, а Вы делайте, что хотите»¹⁴.

После такого свидетельства предположение о циркулировании текста в Петербурге, по меньшей мере, оказывается возможным.

Как бы то ни было, текст был издан, причём в Петербурге, поэтому второе наше предположение оказывается лишь дополнительным свидетельством.

«Даже эти немногие факты, – писал Лебедев об очерках Максимова, – подтверждают, что книга Салтыкова-Щедрина выростала на реальной жизненной основе, что даже самые фантастические её образы опирались на конкретный исторический материал»¹⁵. Остаётся добавить, что и многие суждения Салтыкова-Щедрина, кажущиеся оригинальным произведением холерического темперамента писателя-сатирика, встречались в современной ему документальной литературе. И истолкование их требует от исследователя, по крайней мере, некоторой осторожности.

Примечания

1. Николаев, Д. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. – М., 1977. С. 174.
2. Там же.
3. Глушков, С. В. Тверская топография в «Истории одного города» // М. Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий : материалы науч. конф. – Тверь, 1996. С. 76–81.
4. Грачёва, Е. Н. «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, или «Полное изображение исторического процесса с непрерывно идущими годами» // Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города. – СПб. : Азбука, 2000.
5. Об этом см. в нашей дипломной работе, защищённой в 2006 г. на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
6. Лебедев, Ю. В. Русская литература XIX века. Вторая половина. – М. : Просвещение, 1990.
7. [Спасский, Г. И.] Якуты // Сиб. вестник. 1824. Ч. 3, кн. 17/18. С. 127–148.
8. Этот факт мы упоминаем главным образом потому, что он был известен и литераторам – см. в переписке Гончарова: «отдавали детей на воспитание якуткам, которые прививали им свои нравы и многое другое, между прочим сифилис» (Гончаров, И. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. – М., 1955. С. 266).
9. См.: Шперк, Ф., доктор. Верхоленский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. – СПб., 1860. С. 95–206; См. также: Медико-исторический обзор Колымского округа // Памятная книжка Якутской губернии на 1867 г. – СПб., 1869.
10. См.: Небольсин, П. И. Рассказы о сибирских золотых приисках. Статья третья // Отеч. зап. 1847. № 8. С. 126 (Отд. 8).
11. Памятная книжка Якутской губернии на 1863 год. – СПб., 1863. С. 165–202.
12. Огородников. Замечания о Якутской области // Современник. 1847. Т. IV. С. 7 (3-я паг.). Более беллетристическую версию этого текста напечатали и в другом крупном журнале – Отеч. записки. 1848. Т. 6. № 9/10. С. 21–32 (8-я паг.).
13. Основная работа в рамках этого направления – Грачёва, Е. Н. Указ. соч.
14. Гончаров, И. А. Указ. соч. С. 266.
15. Там же.

**«Наша общественная жизнь»:
восприятие населением российской провинции известий
о польском восстании 1863–1864 гг. в оценке
М. Е. Салтыкова-Щедрина**

Л. Г. Подлевских

Одним из наиболее значимых событий в истории России второй половины XIX в. стало польское восстание 1863–1864 гг. Оно во многом определило не только внутривнутриполитическое развитие империи, но и специфику общественной мысли всего пореформенного периода. На протяжении, по меньшей мере, двух десятилетий (1861 – начало 1880-х гг.) о позициях публичных деятелей в России можно судить в зависимости от их точки зрения на т.н. «польский вопрос».

Важность изучения воззрений М. Е. Салтыкова-Щедрина определялась силой его воздействия на социальное окружение. Его влияние трудно переоценить. Вспомним, что Н. Н. Златовратский в начале своего творческого пути выбрал себе псевдоним «Маленький Щедрин», означавший «приверженность начинающего писателя сатирическому направлению русской литературы»¹. В воспоминаниях современников М. Е. Салтыков-Щедрин предстает в качестве одной из наиболее значимых и социально активных фигур российского общества второй половины XIX в.²

М. Е. Салтыков-Щедрин знал и понимал особенности провинциального мышления. Эту особенность его жизненного опыта особенно отмечал П. Д. Боборыкин, упоминая о том, что писатель вынужден был «две трети своей жизни провести в самой трясиине губернских нравов до- и пореформенной родины!»³ Сам М. Е. Салтыков-Щедрин, по воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева, считал, что именно знание жизни российской провинции даёт ему материал для умственной деятельности. Особую роль в этом сыграла Вятка. Писатель (по словам Л. Ф. Пантелеева) подчеркивал: «Вятка имела на меня и благотворное влияние: она меня сблизила с действительной жизнью..., а ранее я писал вздор»⁴.

В литературе о польском восстании 1863–1864 гг. недостаточное внимание уделяется вопросу восприятия этого исторического явления населением империи. Кроме того, не отводится должное место изучению восприятия последствий восстания, среди которых значительное место занимает польская ссылка. Не подвергается анализу динамика менталитета жителей сибирских и внутренних губерний.

Проблема отношения к повстанцам жителей губернских и уездных городов представляется особенно важной. Размеренная, тихая, сонная жизнь людей в российской провинции на протяжении 1861–1866 гг. испытала влияние массовой политической ссылки. Как население внутренних губерний России оценивало само восстание, судьбы и личности поляков?

Косвенные сведения для ответа на данный вопрос можно выявить при анализе тех оценок, которые были даны этому историческому явлению представителями творческих профессий. В их числе был и М. Е. Салтыков-Щедрин. Как он, великий писатель и знаток повседневной жизни российского губернского и уездного города, оценивал восприятие населением польского восстания?

Рамки статьи не позволяют привлечь все материалы и сделать историографический обзор по данной проблеме. Для освещения взглядов писателя выбрана статья из цикла «Наша общественная жизнь». Впервые текст (после цензурной обработки) был напечатан журналом «Современник» в 1863 г. Полностью текст приведён по изданию в серии «Литературное наследство»⁵. С. А. Макашин, биограф М. Е. Салтыкова-Щедрина, отмечает, что «Наша общественная жизнь» оказалась в числе тех произведений Салтыкова, которые подверглись наиболее разрушительным воздействиям как официальной, так и редакционной цензуры»⁶.

Привлечение неопубликованных данных, отложившихся в ГАРФ и ГАКО, обусловлено необходимостью соотнесения оценок, содержащихся в статье М. Е. Салтыкова-Щедрина, с материалами официального делопроизводства, способными предоставить сведения о некоторых особенностях провинциального российского менталитета начала 1860-х гг.

В своей статье М. Е. Салтыков-Щедрин отмечал, что польское восстание важно не только как особое историческое событие, но и как явление общественной, и, что особенно важно, всей духовной жизни Российской империи. Состояние умов в эту эпоху характеризовалось им как период «повальной нравственной и умственной смуты»⁷. Особенно важна была «польская смута» для общественно-политических деятелей России, поскольку заставила их определить свои взгляды на Польшу и поляков⁸. Размах восстания, его внутренний и международный резонанс привели к поляризации общественных сил. Этот процесс нашёл отражение в оценке населением действий правительства. Писатель выделил несколько направлений общественной активности, выражавшей такую оценку.

Обращения к императору автором статьи были охарактеризованы в качестве первой реакции людей на поступившие о восстании сведения: «Несколько месяцев сряду Россия занималась составлением адресов»⁹. Действительно, в процесс написания верноподданнических адресов были вовлечены все слои населения, о чём свидетельствуют и материалы, отложившиеся в архивах III Отделения императорской канцелярии. Косвенные сведения по данной проблеме можно также получить, анализируя отношение к появившимся в ту эпоху в большом количестве «возмутительным воззваниям». Воззвания могли получать самую различную оценку – от пассивного одобрения, до «негодования местного общества», что также характеризует отношение к полякам¹⁰.

Составление верноподданнических адресов имело особенно сильный общественный резонанс, поскольку в него были вовлечены все без исключения внутренние губернии. Яркими примерами могут являться события, происходившие в Рязани, Воронеже, Вятке. Отдельные проявления верноподданнических чувств складывались в единый целостный процесс, который можно проследить по сообщениям губернских штаб-офицеров корпуса жандармов¹¹.

Именно такое настроение жителей российской провинции начала 1860-х гг. весьма язвительно подчеркивал М. Е. Салтыков-Щедрин: «Это настроение было весьма утешительное; со всех сторон стекались адреса с выражением пламенной готовности и самых отборных чувств; ...вся Россия негодовала и горела желанием сразиться; проекты следовали за проектами, тосты за тостами; даже... русские Петерсоны, Иогансоны, Иозефсоны... наперерыв друг перед другом предлагали проекты о введении единомыслия, и спешили указать на вред, который от разномыслия происходить может»¹². «Адресная кампания» стала проявлением того духовного явления, для обозначения которого сатирик употреблял термин «благонамеренность»¹³.

С удивлением писатель отметил, что частью данного общественного настроения явилось коллективное заявление 200 студентов Московского университета¹⁴. Характерно, что советская и постсоветская историография игнорировала факт составления данного обращения к власти. Студенчество традиционно изображается в качестве одной из наиболее революционных сил в период конца 1850 – начала 1860-х гг. Подобное замалчивание документа никак нельзя признать рациональным отношением к корпусу источников. Именно М. Е. Салтыков-Щедрин прямо указывал на значение студенческого заявления: «Сверх того, оно приобретает ещё особенное значение в том отношении, что указывает на то общее настроение, в котором находилось русское общество по поводу событий в Царстве Польском»¹⁵.

М. Е. Салтыков-Щедрин писал, что заявление московских студентов весьма органично влилось в общий поток «адресной кампании»: «Мы, русские, потому и сльвём добродетельными, что обделываем свои дела промежду себя, и потом заявляем о том куда следует»¹⁶. Сатирик отмечал, что от студенческого заявления остаётся один шаг до состояния полной благонамеренности. Он издевательски предложил собственную редакцию одного из параграфов заявления, где говорилось о врагах, «поднимающих меч на Россию»: «Как истинные верноподданные, мы заявляем, что считаем своим врагом всякого, кто замыслит что-нибудь противное интересам Его Императорского Величества». Автор статьи анализирует текст адреса и выводит полную бессмыслицу говорильни о «внешних» и «внутренних» врагах России¹⁷.

Вывод писателя по поводу адресной истерии, пронёсшейся по российской провинции начала 1863 г., прозвучал как призыв научиться слышать и понимать окружающих: «Люди, о которых вы разумеете как об изменниках, суть собственно только люди другого образа мыслей, которых вы обозвали непотребно потому только, что молодой... человек вообще охотно называет отступниками и изменниками тех, которые не пляшут под его дудку. Но... вы скажете, что ваша дудка есть дудка российская, а потому плясать под её звуки следует»¹⁸.

М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что коллективное заявление студентов Московского университета – не более чем пустые слова: «Но если вы считаете, что без вашего участия такого дела решить нельзя, то... помните, что вера без дел мертва есть... Вам надлежало бы объяснить не голословно, а доподлинно, каким образом все сие устроить, а без этого ваше заявление представляет лишь непрерывную фигуру единоначатия, фигуру красивую, но мало объясняющую»¹⁹. Сатирик не удержался и представил дальнейший шаг учащейся молодежи к достижению уровня полной благонамеренности как увольнение из университета и поголовное «определение в войска в качестве простых солдат»²⁰.

Досталось от М. Е. Салтыкова-Щедрина и общественной кампании по организации обывательской стражи. Писатель с ужасом отмечал, что даже студенчество вступило в рассуждения о функциях этого аналога «иностранных, так называемых национальных гвардий»: «Одних огорчало, что не будет конной стражи, других – что обывательская стража не будет делать походов, а только препровождать арестантов из городских частей в острог... Тем не менее, все эти сетования и недоразумения утопали в одном общем чувстве ликования». Именно в этом вопросе писатель делает первый шаг в определении массовости указанного общественного настроения: «... одна Москва... будет в состоянии выставить до семидесяти тысяч... войска. Что же могу рещи о прочей России, которой Москва составляет лишь каплю малую? Просто даже волосы становятся дыбом»²¹.

М. Е. Салтыков-Щедрин в своей статье высмеял «геройство» этого общественного настроения: «Важность... в той окрылённости, которую с каждым днём всё больше и больше приобретает русская мысль. Прежде в подобных обстоятельствах только и слышно бывало, что “умрём поголовно!” Согласитесь, что хотя в этом было пропасть геройства, но... было и что-то японское. Известно, что истинный японец (всё равно, что у нас славянофилы), желающий насолить своему врагу, распарывает себе ножом брюхо и умирает удовлетворённый»²². Однако полного абсурда указанное общественное настроение достигает, конечно же, в дамском проекте о «неношении платьев из иностранных материй». Данное социально-политическое начинание весьма удачно сочеталось с патриотическим проектом другой (надо полагать, мужской) части провинциального населения – «о непитии иностранного вина»²³.

Итак, «Наша общественная жизнь» представляет собой текст, характеризующий общественно-политическую позицию автора по одной из наиболее важных проблем внутренней политики. Писатель говорит об определяющем влиянии известий о польском восстании на настроения жителей российской «глубинки». Совокупность взглядов провинциального населения в 1863 г. им прямо связывается с делом повстанцев.

Нет оснований характеризовать его наблюдения и рассуждения в качестве радикальных. М. Е. Салтыкова-Щедрина советская историография относила к оппозиционерам, а редакция журнала, в котором он был одной из определяющих фигур, называлась даже «боевым органом революционной демократии»²⁴. Источник не позволяет говорить о его авторе как о носителе (хотя бы в какой-то мере) революционных идей. Несмотря на то, что современниками чтение «из Щедрина» публично «считалось... очень рискованным... выступлением»²⁵, авторская оценка событий провинциальной жизни начала 1860-х гг. никак не может быть отнесена к революционной.

Автор «Нашей общественной жизни» предстаёт перед нами как мудрый, знающий цену пустословию и казённому ликованию человек. Однако о какой-либо «революционности» в его произведении говорить не приходится. Это может быть обусловлено достижением среднего возраста, недаром и биограф М. Е. Салтыкова-Щедрина – С. А. Макашин – назвал свою монографию, посвящённую 1860–1870-м гг. в жизни писателя, «серединой пути»²⁶. В этот период жизни человек, как правило, склонен к отходу от максималистских взглядов юности.

Спорным является и следующий за принадлежностью к лагерю «революционной демократии» тезис: «Щедрин выступал за действенные, активные, целеустремленные формы общественного протеста»²⁷. В своей оценке общественных настроений писатель не говорит об активном противодействии власти. Скорее, он подвергает критике активную благонамеренность, от которой недалеко до благоглупости. Он лишь подчёркивает, что пассивность общества стимулирует развитие самых худших чувств, «доводит их до разврата, и даже до галлюцинации»²⁸.

Кроме того, текст источника не даёт оснований для выработки суждения о том, что «Салтыков был противником порабощения Польши царским самодержавием»²⁹. Писатель понимал роль печатного слова и ужасался возможным (от его неправильного употребления) последствиям. Н. К. Михайловский вспоминал: «Великое личное счастье Салтыкова... состояло в том, что... в нём жило сознание огромного значения литературы, а, следовательно, и лежащей на ней ответственности»³⁰, «недаром он постоянно думал о будущем и о суде потомства»³¹.

Данный текст М. Е. Салтыкова-Щедрина позволяет судить о наличии в мышлении провинциального российского населения особого настроения, которое можно охарактеризовать по отношению к полякам как

неприятное. Однако он подчёркивал, что данное отношение создавалось искусственно. Сатирик указал лишь на один источник формирования этого отношения – на писателей из так называемых «патриотических кругов».

Искусственность и предвзятость такого отношения выявилась после того, как население российской провинции на личном опыте, в ходе повседневной жизни, познакомилось с поляками. В 1863–1866 гг. они непрерывно в большом количестве прибывали в сибирские и внутренние губернии в качестве политических ссыльных. До начала 1880-х гг. поляки составляли особый элемент в структуре провинциального населения России. Взгляды жителей российской провинции на поляков и их борьбу за самостоятельную государственность неизбежно должны были эволюционировать, и произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина – необходимый источник изучения этой проблемы.

Примечания

1. Розанова, С. Н. Н. Златовратский // Златовратский, Н. Н. Воспоминания. – М. : ГИХЛ, 1956. С. 8.
2. Златовратский, Указ. соч. С. 84; Михайловский, Н. К. Щедрин // Михайловский, Н. К. Литературно-критические статьи. – М. : ГИХЛ, 1957. С. 459.
3. Боборыкин, П. Д. Воспоминания 1878–1917 годов // Боборыкин, П. Д. Воспоминания : в 2 т. Т. 2. С. 417.
4. Пантелеев, Л. Ф. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове // Пантелеев, Л. Ф. Воспоминания. – М. : ГИХЛ, 1958. С. 448.
5. Салтыков-Щедрин, М. Е. Наша общественная жизнь // Литературное наследство. – М. : Журн.-газ. об-ние, 1933. Т. 11–12 : Щедрин. С. 150–178.
6. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860 – 1870-е годы : биогр. – М. : Худож. лит., 1984. С. 48.
7. Салтыков-Щедрин, М. Е. Указ. соч. С. 150.
8. Там же. С. 151–152.
9. Там же. – С. 152.
10. ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 38. 1863 г. Д. 12. Там же. Д. 23. Ч. 396; ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 309.
11. ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 38. 1863 г. Д. 12.
12. Салтыков-Щедрин, М. Е. Указ. соч. С. 160.
13. Там же. С. 152.
14. Там же. С. 153–154.
15. Там же. С. 160.
16. Там же. С. 155–156.
17. Там же. С. 157.
18. Там же. С. 157–158.
19. Там же. С. 158.
20. Там же. С. 159.
21. Там же. С. 162.
22. Там же. С. 163.
23. Там же. С. 164.
24. Розанова, С. Комментарии к воспоминаниям Н. Н. Златовратского // Златовратский, Н. Н. Указ. соч. С. 428.

25. Златовратский Н. Н. Указ. соч. С. 116–117.
26. Макашин, С. А. Указ. соч.
27. Розанова, С. Н. Н. Златовратский // Златовратский, Н. Н. Указ. соч. С. 33.
28. Салтыков-Щедрин, М. Е. Указ. соч. С. 169.
29. Макашин, С. А. Указ. соч. С. 77.
30. Михайловский, Н. К. Щедрин // Михайловский, Н. К. Указ. соч. С. 435, 437.
31. Там же. С. 448.

Пленники Вятки

(М. Е. Салтыков-Щедрин и ссыльные поляки)

Т. А. Дворецкая

Вятское окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина давно привлекает внимание исследователей. И это не случайно. Ведь именно в Вятке проходило формирование будущего великого писателя. Когда смотришь на портреты Салтыкова вятской поры, удивляешься его молодости: детски припухлые губы, юношески округлые щеки, безмятежный взгляд. Как далёк он от того сурового старца с горящими глазами, которого мы привыкли видеть в изданиях его сочинений и которому принадлежат слова, ставшие лейтмотивом его жизни: «Я люблю Россию до боли сердечной».

Ссылка Салтыкова, по замыслу царя, должна была образумить молодого вольнодумца и сделать его верноподданным. Но произошло обратное. В Вятке Салтыков вплотную соприкоснулся с государственной машиной, глубоко враждебной простому человеку. Чиновничий мир провинциальной России с его лихоимством, алчностью, низкопоклонством и корыстолюбием предстал перед ним во всей красе.

Но были у Салтыкова в Вятке и знакомства совсем другого рода. Много позднее, вспоминая Вятку, писатель отмечал, что «истинно интеллигентных людей было мало, за исключением нескольких сосланных поляков, с которыми хотя он и был знаком», но не коротко¹.

Мы имеем документальное подтверждение одного такого знакомства – с Генрихом Каменским. В ноябре 1848 г. Каменский сообщил сестре, что на 1849 г. подписался на газеты в складчину «с господином Солтыковым, только что прибывшим из Петербурга молодым человеком»². Обращает на себя внимание быстрота знакомства: прошло всего полгода со дня приезда Салтыкова. Думается, последующие встречи были частыми, ведь газеты приходят почти ежедневно, и не обходились без обмена мнениями по поводу прочитанного. Тем более, что встретились два незаурядных и близких по духу человека, два борца. Разница была лишь в том, что один в 22 года только начинал свою большую жизнь, а второй, 35-летний, уже прошёл значительную её часть. В ней были сражения польского восстания 1830 г., в котором погиб его отец, генерал Каменский, а сам он был награждён Золотым крестом Виртути Милитари (воинская доблесть), затем

плен, ссылка в имение под полицейский надзор, арест, заключение в Варшавской цитадели и, наконец, ссылка в Вятку. Это был испытанный боец, и от смертной казни, николаевских шпицрутенов или сибирской каторги его спасли только собственное мужество, мужество и стойкость при допросах его товарищей.

Каменьский проходил по делу эмиссара Бенедикта Косевича. Косевич служил управляющим в имении Каменьского Руде и был схвачен во время одного из своих разъездов по западным губерниям с транспортом нелегальной литературы, основную часть которого составляла революционная книга Каменьского «Жизненные истины польской нации», изданная под псевдонимом Филарет Правдовский. Суд приговорил Косевича к тысяче шпицрутенов и каторжным работам в Сибири³. Тогда же был арестован Шимон Тарчевский, сельский староста Руды, доверенный и близкий сотрудник Косевича и Каменьского, также распространявший революционную литературу. Его приговорили к отправке рядовым в Сибирский корпус⁴. Косевич и Тарчевский проведут в Сибири долгие годы и вернуться на родину только после смерти Николая I по коронационному манифесту Александра II. Ещё один эмиссар Каменьского Юзеф Валицкий, привезший в Царство Польское изданное под псевдонимом Филарет Правдовский революционное сочинение Каменьского «Демократический катехизис», был приговорен к пятнадцати годам каторжных работ в Зерентуйских рудниках за Байкалом. Из Сибири он уже не вернется, умрёт на поселении в Нерчинске⁵. Героическое молчание этих людей спасло их идейного вдохновителя и организатора. Правда, и сам Каменьский не уступал своим соратникам в стойкости. По словам генерал-губернатора Варшавы, на следствии он «репшительно и упорно во всём запирался, а действия его, хотя и обнаруживали явно вредный образ мысли, так однако ж искусно укрыты, что убедительных доводов и улик к точнейшему обвинению его отыскать было невозможно»⁶. Приговор составил всего три года ссылки. Но и в Вятке Каменьский не ушёл от цепких рук III отделения. Спустя год оттуда приходят вопросные пункты по поводу авторства «двух сочинений, в которых развиты в высшей степени демократические правила». Это были «Жизненные истины польской нации» и «Демократический катехизис». Поединок жандармов и Каменьского продолжался.

«Вопрос: Какие именно сочинения напечатаны Вами во Франции?

Ответ: Никакие.

Вопрос: Вами ли написано сочинение под названием «Жизненные истины» с изложением в оном системы восстания?

Ответ: Я никогда не написал ни этой книги, ни ничего подобного»⁷.

Что же сближало Салтыкова и Каменьского? В первую очередь, глубокая образованность. Каменьский не закончил университета – учёбу прервало восстание. Но он получил прекрасное домашнее образование,

продолженное в Варшавском лицее. О его огромной начитанности говорят письма из Вятки. В них очерчен широкий круг его интересов. Здесь историческая, философская, художественная литература, польская, французская, русская. Он пользуется публичной библиотекой, домашними библиотеками своих вятских знакомых, заказывает книги в Варшаву, Петербург, Москву, Вильно, ежегодно подписывается на периодические издания. В полицейской аттестации о занятиях ссыльного, где обычно указывалось «занимается чтением книг», у Каменьского написано «занимается изучением русской словесности»⁸. Это прекрасный музыкант, любитель и знаток музыки. В первые месяцы вятской ссылки он более всего страдает от невозможности найти хорошее фортепиано.

Но прежде всего это человек, глубоко преданный своему делу, – освобождению Польши. Очутившись в далёкой неведомой Вятке, он вдруг видит себя в общем ряду польских борцов. Оказывается, здесь были до него пленные офицеры – участники восстания 1830 г. Гюйо, Виельгорский, Модзелевский, позднее участник заговора Ш. Конарского «маршалок Хребницкий» – все это его знакомые. Рассказы о них он слышит из уст вятских старожил. Судьба родины, её взаимоотношения с Россией по-прежнему занимают Каменьского, и не без влияния вятских впечатлений вскоре после освобождения из ссылки он напишет книгу «Россия и Европа. Польша».

Всё это очень близко Салтыкову. Ведь именно в Вятке возник замысел «Губернских очерков» – книги, рождённой страстным желанием видеть свою родину красивой и сильной. Нет, годы ссылки не прошли даром для обоих вятских пленников. Вероятно, поэтому так сходно звучат их прощальные строки, проникнутые чувством благодарности и любви к людям, приютившим их, согревшим своим душевным теплом. «Вятка стоит в тысячу раз больше, чем я предполагал, покидая родину, – пишет Каменьский, – я сохранию искреннюю симпатию к её жителям и обществу, в котором встретился с самым сердечным и гостеприимным приёмом. <...> Надо отдать ей должное, и я прекрасно понимаю, почему столько иностранцев и моих соотечественников с такой лёгкостью пускает здесь корни. <...> Гостеприимство здесь сердечное и бескорыстное, искреннее и простое. Оно проистекает от доброты сердца»⁹. А вот прощальные слова Салтыкова: «Я оставляю Крутогорск окончательно: предо мною растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой я мечтал, к которой устремлялся всеми силами души своей... И между тем внутри меня совершается странное явление! Я слышу, я чувствую, что какое-то неизъяснимое, тайное горе сосёт моё сердце. <...> “Ужели я в Крутогорске оставил часть самого себя?” – спрашиваю я себя мысленно. Но текущие по щекам слёзы, но вырывающиеся из груди вздохи красноречивее слов отвечают на этот вопрос!»¹⁰

«Да, я люблю тебя, далёкий, никем не тронутый край! Мне мил твой простор и простодушие твоих обитателей! И если перо моё нередко коснётся таких струн твоего организма, которые издают неприятный и фальшивый звук, то это не от недостатка горячего сочувствия к тебе, а потому собственно, что эти звуки грустно и болезненно отдаются в моей душе. Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает полное сочувствие к добру и истине»¹¹.

Вот так, с «горячим сочувствием» к городу, «который как-то особенно говорит сердцу», покидали Вятку два её знаменитых узника.

Попрощавшись с Каменским, вернёмся в Вятку, где ещё оставался Салтыков и куда прибывали новые ссыльные. Остановимся на некоторых наиболее ярких фигурах.

В 1852 г. в Вятку приезжает Маврикий Кисель. Ему 59 лет, за его плечами славный боевой путь. Шляхтич с Волыни, офицер Войска Польского, он воевал в армии Герцогства Варшавского в знаменитых польских легионах Ю. Понятовского, участвовал в рядах наполеоновской армии в походе на Москву и в сражениях 1813 г., за что получил Золотой крест Виртути Милитари. Затем участие в ноябрьском восстании 1830 г. в корпусе генерала Ю. Дверницкого, шестимесячное заключение в крепости и возвращение на Волынь. В 1838 г. Кисель вновь арестован за участие в Союзе польского народа и заключён в Киевскую цитадель. Военным судом он приговорён к смертной казни, заменённой двадцатью годами каторжных работ, с последующим поселением в Сибири и лишением дворянского достоинства¹². В 1852 г. его перевели из Иркутской губернии в Вятку. Здесь с лишённым дворянского достоинства Киселем произошла история, в которой ярко проявился его незаурядный характер. Вскоре по прибытии он пишет прошение о пособии. Прошение пишет русский писарь, Кисель ставит только подпись – и подпись эта на польском языке. Вряд ли за тринадцать лет жизни в России он не знал или не умел писать, по крайней мере, имя и фамилию по-русски. Думается, здесь подчёркнутая позиция человека не сломленного, не подчинившегося, оставшегося поляком во всём. Но интересно продолжение этой истории. Пособие Киселю выделили – в размере арестантской дачи (три копейки в сутки) как простолюдину, ведь он лишён дворянства. Возмущённый, он пишет письмо полицеймейстеру, заканчивающееся словами: «Три копейки не принимаю как несообразные моему положению»¹³. И что же? Старый боевой офицер победил: ему выплачивают пособие как дворянину (6 руб. в месяц). Думается, личность отважного воина, даже в самых тяжелых условиях оставшегося бойцом, была близка Салтыкову, о котором ещё при крещении священник сказал пророческие слова, подтверждённые жизнью: «Воин будет!»

В 1854 г. в Вятке появляется ещё одна колоритная фигура. Это Каспер Шаняевский (Шеняевский). Здесь сделаем небольшое отступление во времена учёбы Герцена в Московском университете. В «Былом и думах» он пишет: «С покорения Польши все задержанные злобы этого человека (Николая I. – Т. Д.) распустились. Вскоре почувствовали это и мы.

Сеть шпионства, обведённая около университета с начала царствования, стала затягиваться. В 1832 году пропал поляк – студент нашего отделения. Присланный на казённый счёт, не по своей воле, он был помещён в наш курс, мы познакомились с ним, он вёл себя скромно и печально, никогда мы не слышали от него ни одного резкого слова, но никогда не слышали и слабого. Одним утром его не было на лекциях, на другой день – тоже нет. Мы стали спрашивать, казённокоштные студенты сказали нам по секрету, что за ним приходили ночью, что его позвали в правление, потом явились какие-то люди за его бумагами и пожитками и не велели об этом говорить. Тем и кончилось, *мы никогда не слышали ничего о судьбе этого несчастного молодого человека*»¹⁴.

«Несчастливым молодым человеком» был Каспер Шаняевский. Судьба его сложилась нелегко, но едва ли в ней мы найдём хоть одно слабое слово. По крайней мере, в сохранившихся документах Шаняевского этого нет. А тогда после ареста он был приговорён к смертной казни «за намерение бежать с некоторыми другими студентами в Царство Польское к мятежникам»¹⁵. Николай I заменил смертную казнь поселением в Сибири с утратой прав состояния. Живя в Ишиме и Тобольске, бывший студент медицинского факультета занимался врачебной практикой, среди его пациентов был декабрист Матвей Муравьёв-Апостол¹⁶. По прошению отца он был помилован в 1852 г., но выезд задержался, потому что Шаняевский принял участие в борьбе с холерой, эпидемия которой охватила Томскую губернию. Вернувшись на родину в 1854 г., он жил у отца, занимаясь по-прежнему медициной. Но мирное житьё бывшего сибиряка продолжалось недолго. Однажды, встретив на просёлочной дороге двух призванных на действительную службу бессрочноотпускных рядовых, он стал подговаривать их «не идти на службу, а прятаться в лесу, потому что скоро должно всё перемениться (был разгар Крымской войны. – Т. Д.)»¹⁷. Затем эти же рядовые встретили Шаняевского в корчме, где он «также делал неблагонамеренные внушения каким-то трём неизвестным крестьянам». Крестьянин, который вёз рядовых, слышал из разговора Шаняевского слова: «Есть лес, есть болота»¹⁸.

На следствии Шаняевский ни в чём не сознался. Виленский губернатор, понимая, что суд не найдёт достаточных улик к обвинению Шаняевского, решил действовать административным путём и отдал распоряжение об отправлении Шаняевского в сопровождении жандармов в Вятку. Так, не прожив и полгода в родных палестинах, Шаняевский вновь очутился в ссылке. Однако он не унывает, и скоро на стол вятского губернатора

ложится его докладная записка, где он просит «дозволения отлучиться в Ирбитскую ярмонку, а буде встретится надобность, и в Западную Сибирь сроком на шесть месяцев, где имею в долгах деньги, которые не иначе надеюсь получить, как только собственным моим там присутствием»¹⁹.

Авантюренность этой просьбы была настолько очевидной, что губернатор (а губернаторы обычно поддерживали просьбы ссыльных, отправляя их по существовавшему тогда порядку министру внутренних дел) даже и затрудниться не стал. Он ответил, что «находит себя невозможным утруждать его Высокопревосходительство подобными ходатайствами»²⁰. Но Шанявского не остановить: он сам пишет министру С. Ланскому, и, как и следовало ожидать, получает категорический отказ без всяких объяснений. Проходит четыре месяца, и Шанявский вновь обращается с просьбой, на сей раз уже напрямую к министру, минуя губернатора, что уже само по себе дерзость. Он просит перевести его в Самарскую губернию для лечения минеральными водами. Но и тут последовал отказ, правда, уже аргументированный: «по важности обвинений, послуживших поводом к высылке его (Шанявского. – Т. Д.) в Вятку»²¹. Только спустя два года по прошению отца Шанявскому разрешено было вернуться на родину.

Перед нами прошли лишь трое польских ссыльных времён пребывания Салтыкова в Вятке. Их, конечно же, было значительно больше. Но биографические сведения о них очень скудны. Хотелось представить тех, кто отличался «упрямой благородною», ярко выраженным чувством собственного достоинства, способностью противостоять обстоятельствам и верностью высоким идеалам. Именно это отличало их от унылой среды вятского чиновничества, которая окружала Салтыкова. Думается, не без влияния таких людей молодой Салтыков выбрал тернистый путь служения «добру и истине».

Примечания

1. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – М., 1975. Т. 2. С. 270.
2. Каменский, Г. Письма из ссылки. – Киров, 1989. С. 395. Машинопись.
3. Sliwowska W. Zeslancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej polowie XIX wieku. – Warszawa, 1998. S. 289.
4. Там же. С. 623–624.
5. Там же. С. 651–652.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 321. Л. 1.
7. Фоменкова, В. М. Вятка 40-х годов XIX века в письмах Генрика Каменского // Вопросы истории Кировской области. – Киров, 1974. С. 61.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14 а. Д. 77. Л. 7.
9. Каменский, Г. Указ. соч. С. 449–452.
10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Правда, 1988. Т. 1. С. 518.
11. Там же. С. 35.
12. Сливовская, В. Указ. соч. С. 277.

13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 88 б. Д. 5. Л. 28 об.
14. Герцен, А. И. Былое и думы. – М. : Худож. лит., 1969. Т. 1. С. 125.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 83. Д. 44. Л. 16.
16. Сливовская, В. Указ. соч. С. 590.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 83. Д. 44. Л. 14 об.
18. Там же. Л. 16.
19. Там же. Л. 27 а об.
20. Там же. Л. 28.
21. Там же. Л. 31.

**Свободное времяпрепровождение
молодого провинциала в середине XIX века
(По письмам Г. Каменского из вятской ссылки)**

А. А. Марков

Данное сообщение посвящено одной широко известной, но пока мало изученной теме – «провинциальной скуке». В наше время подъёма провинциального патриотизма порою раздаются голоса: а так ли уж скучна была жизнь в провинции, как это изображают в «романах». Не навывдумывали ли всё это заезжие столичные «денди», которым и Москва казалась провинцией.

В этом отношении особый интерес представляют письма Г. Каменского из вятской ссылки. Во-первых, писал он их своей сестре, беспокоившейся о судьбе брата, сосланного куда-то в преддверие так пугающей европейцев Сибири. И, стремясь успокоить сестру, Каменский в своих посланиях постоянно уверял её, что, если не считать скуки и отвратительного климата, жить в Вятке совсем неплохо, и в доказательство этого подробно описывал своё времяпрепровождение. По этой причине письма представляли своеобразные отчёты о повседневной жизни в провинциальной Вятке конца 40-х годов.

Во-вторых, по той же причине – успокоить сестру – писал он ей по возможности каждую неделю. Многие письма носили дневниковый характер, так как Каменский часто писал свои письма в продолжение всей недели, ежедневно записывая происшедшее за день, а в конце недели отправлял письмо-дневник сестре. Это, естественно, повышало ценность таких писем для исследователя.

В-третьих, приехав в Вятку, Каменский по принципиальным мотивам отказался от поступления на службу, чем немало удивил местное общество. Но доходы от родового имения ему это позволяли. В результате проблема, чем занять свободное время (а свободным у него были почти все дни), была для него весьма актуальной в течение всей вятской ссылки. И потому она занимала в его письмах так много места, что, в свою очередь, позволяло составить довольно полное представление о времяпрепровождении

молодого образованного человека в провинциальном городе в середине XIX в.

Немаловажно и то, что Каменьский относился к Вятке без всякого предубеждения, чисто фаталистически. Даже возможность перевода в одну из южных губерний он воспринял без всякого энтузиазма. Как видно из общего тона писем, в Вятке он уже прижился, наладил быт, обзавёлся знакомыми, а на новом месте как всё ещё сложится? Суммируя все его рассуждения по этому поводу, можно сказать, что в конце концов он пришёл к выводу: от добра добра не ищут, и Вятка не такое уж плохое место, чтобы менять его на неизвестно что.

В целом оценки города и его жителей положительные. Хотя многое его и удивляло как иностранца, но редко вызывало раздражение или негативную реакцию. Он разделял оценку сопровождавшего его жандарма, данную местным жителям: «Вот когда пошли добрые простые люди...», поясняя сестре: «Надобно тебе знать, что выражение “простой”, например, “простой человек”, употребляется в очень положительном смысле и, по моим наблюдениям, встречается оно в жизни часто, обозначая доброту, естественность, учтивость – короче говоря, элементарные достоинства... Правда, и среди них попадаются изрядные “каналы”, но где их нет» (С. 38)*. Кстати, и своим соотечественникам, живущим в Вятке, он порой давал не менее жёсткие характеристики. Так что нет причин упрекать автора писем в необъективности и предвзятости.

Ему действительно не так уж плохо жилось в городе (насколько это возможно для человека, насильственно вырванного из привычного, родного окружения и сосланного на жительство в совершенно незнакомое место, жители которого вдобавок говорили на незнакомом ему языке). Единственное, на что он жалуется, – на непредсказуемость вятской погоды и на постоянно одолевающую его в Вятке скуку.

Погоду человек по своему желанию изменить не может, а что мешало Каменьскому вести и в ссылке интересную и яркую жизнь? Откуда его постоянные жалобы на скуку, которую он с большим трудом пытался одолеть, но часто безуспешно? В первых письмах из Вятки он полон энтузиазма. Предполагал продолжить свои научные занятия, изучить русский язык и, по возможности, заняться переводами с него на польский, продолжить совершенствоваться в игре на фортепиано, играя не менее 6 часов в день. Куда же исчезли его энтузиазм по мере погружения в вятскую повседневность? Причины этого мы и попытаемся выявить, анализируя его письма сестре, чтобы понять объективные истоки «провинциальной скуки», побуждавшей молодых людей, особенно тех, кто вкусил «плоды просвещения», как справедливо подметил в своих письмах Каменьский, стремиться из провинциальной глуши в столицу или крупные, в первую очередь, университетские города – Москву, Казань и другие. Главное внимание будет обращено на культурный аспект проблемы, хотя в письмах

прослеживаются и другие аспекты: социально-кастовые, материально-бытовые, профессионально-карьерные и т. д. Они не менее важны, но культурный аспект более нагляден, да и представлен, по ряду причин, более полно.

Уже в первые дни ему пришлось столкнуться с «прелестями провинциальной культуры». После первого посещения Вятского театра он пишет сестре: «Ещё несколько слов о спектакле: ужасно смешно играли Эсмеральду Виктора Гюго. Для того чтобы избежать сильных эмоций, изъятия все трагические решения: Эсмеральда остаётся целой и невредимой, выходит замуж за Феба, Квазимодо убивает архидьякона и вовсе не помышляет о том, чтобы броситься с бални Нотр Дам. Немой Виктора Гюго нем только в первых сценах, а затем произносит длинные тирады, вызывающие время от времени аплодисменты. Он продолжает быть глухим, но это не мешает ему отвечать, когда к нему обращаются. Говорят – это вполне возможно – что эта труппа хорошо играет комедии и водевили, особенно русские произведения. Понятно, что любое подражание всегда и везде не удачно. После представления танцуют польку, но ни сам танец, ни музыка не имеют с полькой ничего общего. В зрительном зале лож нет: сделан он временно, однако добротно и хорошо освещён; публика имеет вполне fashionable (англ. модный. – Прим. пер.) вид, хотя всё вместе немного пахнет провинциальным городком» (С. 46). Но вскоре его ждало ещё одно потрясение. В своём письме от 16/28 октября 1846 г. он пишет: «С огромным интересом расспрашивали меня о Мейербере, слыхом не слыхивали ни о Роберте, ни о Гугенотах» (С. 50). Для понимания удивления автора письма следует напомнить, что «Гугеноты» написаны в 1836 г., а «Роберт Дьявол» ещё раньше, в 1831 г. Так что он вполне смог угодить местной публике, сыграв «Мазурку» Шопена... пару арий из “Нормы” и несколько самых тривиальных вещей, о которых здесь слыхом не слыхивали» (С. 72).

Впрочем, знакомясь с его письмами из Вятки, очень скоро перестаёшь удивляться. Ведь у местных жителей было не так уж много источников получения информации о новых культурных событиях. Заезжие труппы предпочитали потчевать провинциального зрителя комедиями и водевилями да переделками из серьёзных авторов, типа описанной Каменским «Эсмеральды». Кроме того, и игрой они, похоже, не блистали. «Здесь дают оперу “Зампа”... играют её прескверно, что просто смешно – выходит неумышленная пародия на искусство» (С. 283). К слову, об игре вятских любителей он отзывался с большим восторгом, даже пишет сестре, что ради посещения очередного любительского спектакля он готов пропустить охоту на вальдшнепов, к которой пристрастился, живя в Вятке. Хорошие же труппы попадали в Вятку случайно, как, например, цирк «господина Гверра». Гверра собирался в Нижний Новгород на ярмарку, но там началась холера, и он решил ехать в Сибирь, но, прибыв в Вятку, узнал, что в Перми

холера и решил остаться. (Как замечал Каменский по этому поводу, в Вятке столь скверный климат, что даже холеры там не бывает). Отсюда столь удивившее Каменского восторженное отношение вятской публики к приезжим гастролёрам. Не так уж часто они могли его проявить, как мы это видим из его писем. Впрочем, и сам Каменский вынужден признать, что лучше плохая группа, чем никакая. «Ещё одна новость: в Вятке не будет театра. Случайные актёры, проводившие здесь несколько месяцев, возвращаются в Казань, откуда и прибыли. Не знаю, почему мне жаль спектаклей, на которые я особенно не ходил. Среди них нет ни единого актёра, поющего как следует, а мужественные люди всё равно рвутся в оперу. Между прочим, давали “Замю” и случилось так, что в присутствии публики исполнители начали ругаться на чём свет стоит» (С. 292).

Практически единственным средством постоянной связи с внешним миром была почта. Но в Вятку она приходила два раза в неделю и отправлялась соответственно. Впрочем, у вятской почты были свои особенности: «...Мне говорили, что местная почта так устроена, что выходящие в субботу письма ожидают в Нижнем Новгороде и Владимире почту из других мест и далее следуют вместе, попадая в Москву одновременно с почтой, отправленной во вторник» (С. 52). Из Москвы почта шла на Вятку тем же манером. Вдобавок, извещение о получении письма «почти всегда» приходило после закрытия почтовой конторы, и получать его можно было только на следующий день.

Ну, а о свежести полученных известий говорить не приходится. «Твое письмо шло очень быстро – всего 23 дня», – с радостью извещал он сестру. А ведь по почте шли не только письма, но и газеты, журналы, книги по подписке. В Вятке, как с удивлением обнаружил Каменский, можно было выписывать даже заграничные издания. Правда, тут возникала другая проблема – периодика тех лет была дорогим удовольствием, даже для вполне обеспеченных людей вроде Каменского. Годовая подписка стоила на французские издания 22–25 руб. серебром в год, варшавские газеты до 18 руб. Даже подписка на «Вятские губернские ведомости», которые, как он писал сестре, на Вятке читали в основном ради публиковавшихся в них объявлений о торгах, стоила 1 руб. в год. По этой причине приходилось кооперироваться, договариваясь со знакомыми о том, кто на какое издание подпишется, чтобы потом ими обмениваться, или объединяться для подписки на одно издание.

Были проблемы и с выпиской книг. К большому огорчению, Каменскому на личном опыте пришлось убедиться в пренебрежительном отношении книготорговцев к провинциальному читателю: заказы выполнялись не в срок, не в полном объёме или присылались совсем не те книги, какие были заказаны, так сказать, с «нагрузкой». В конце концов, он, похоже, вообще отказался от выписки нужных ему для работы книг.

Другой причиной, порождающей «скуку провинциальную», было элементарное отсутствие мест, где можно было культурно провести свободное время. Ни театра, ни музеев, ни клубных учреждений, ни, на худой конец, приличного общепита типа паба, кофейни, чайной, которые на западе часто становились центрами общественной и культурной жизни, в Вятке не было. Была, правда, публичная библиотека. Но, судя по тому, что её заведующему самому приходилось обходить жителей города в поисках подписчиков и жертвователей, дела её шли не блестяще.

Так, единственный способ проводить ежедневно свободное время – это хождение в гости, «визиты», любовь к которым так поразила Каменского сразу по приезду, особенно то, сколько времени они занимали: «...Равинский... пришёл ко мне и угомил меня, так как пришлось развлекать его в течение трёхчасового визита» (это обязательное время, по истечении которого хозяин должен ещё упрашивать уходящего гостя остаться) (С. 67); «...надобно особое умение, дабы сократить этот срок, считающийся тут вполне обычным. Следует приготовить про запас какое-нибудь несложное дело, о котором ещё и отчитаться придётся; но и в этом случае, просидев три часа, надо объяснить свой уход, будто нескончаемое сидение визитёра и есть самое естественное поведение» (С. 54). Не говоря уже о тех сложных светских условностях, регламентирующих правила приёма гостя, его «удержания», угощения «обязательным чаем... конфитюром, яблоками, пирожными и ещё бог весть чем», превращавший визит в сложный, мало понятный для непосвящённого, церемониал. «В зале обычно... в отсутствие гостей совершенно ничего нет, а если случится чему-нибудь на столе лежать, то это уже непорядок. В эту пустоту вводят гостя как место наиболее почётное... в первый раз состоялась церемония введения меня в гостиную и удержания там в течение часа, т. е. всего времени моего визита. С тех пор меня без лишних церемоний принимают в салоне с чрезвычайной любезностью, что мне напоминает посещение соседней деревни» (С. 55). Впрочем, были и исключения из правил: «Я был весьма удивлён, встретив радушный и очень непринуждённый приём... мне уже говаривали, что именно этому дому свойственны более раскрепощённые обычаи и манеры» (С. 93). Но, как признавал сам автор, подобных домов здесь немного.

Но «визиты» в провинциальном городе имели ещё один существенный недостаток, сразу подмеченный Каменским: «...Сидели и вели скучную, бессвязную беседу... Местным почти не о чем говорить: они постоянно видятся, а когда соберутся, то не знают, как отвлечься и поразвлекаться. Нечто похожее – хоть и в меньшей степени – встречается у нас в деревне» (С. 74). В результате всё развлечение сводилось к игре в карты: «Дождь нарушил мои охотничьи планы, и я снова перешёл на зимний график существования: весь вечер провёл в обществе, играя в карты» (С. 368). «В ином месте такой вечер посчитали бы скучным, а тут всё прошло неплохо, потому что в подобной пустоши иного и не пожелаешь» (С. 72). Каменский

честно пытался по приезду как-то нарушить сложившиеся порядки, ввести новые порядки взаимных визитов, но, в конце концов, вынужден был признать своё поражение. «Вот уже две или три недели, как я прекратил давать раз в неделю вечерние приёмы, – и стало даже лучше... скука невероятная принимать гостей у себя дома и играть в карты» (С. 350).

Отсюда так поразившие его метания вятчан. Стали ставить «Живые картинки», все чуть не поголовно, увлеклись их постановками, быстро охладели, но подоспело новое развлечение – любительский театр, новый взрыв энтузиазма, затем приехал цирк Гверра, и все увлеклись верховой ездой. Скучно жить в провинциальном городе, слишком мало он может предложить развлечений, поэтому любое новшество вызывало такой бурный неподдельный интерес. Но у каждого свои вкусы и пристрастия, и как только новизна проходила, проходил и интерес. Ведь привлекала прежде всего новизна ощущений, а не глубокий внутренний интерес к театру, конному спорту и т. д.

И встал вопрос, а откуда мог взяться этот глубокий интерес в провинции. Ведь человек не рождался культурным или некультурным. Это результат воспитания. Но мало воспитать в человеке тягу к культуре, надо её поддерживать и развивать, иначе она начнёт затухать, и человек тихо опустится в тихий омут мещанского бытия: сытная еда, хорошая выпивка, карты, сплетни и прочие домашние развлечения. А остальное? «Шушкевич... весьма логично объяснил мне, что всё вполне естественно, так как ему приходится день-деньской сидеть над делами (здесь так называют официальные бумаги), и после них охоты читать уже нет, а зачем покупать книги или газеты жене, которая должна заниматься домом» (С. 89). Письма Каменского интересны в этой связи и тем, что позволяли проследить повседневную борьбу образованного культурного человека с окружающей его в провинциальном городе действительностью, не дающей ему возможности для удовлетворения культурных запросов. Именно это противоречие и порождало тот феномен, который получил в литературе название «провинциальная скука».

Явление это носило вполне объективный характер. В России шло формирование новых капиталистических отношений, одной из особенностей которых было чёткое разделение рабочего и свободного времени. В феодальном обществе трудовой процесс растворён в повседневности. Крестьянин или пахал, или готовился к пахоте, феодал, если не воевал, то готовился к войне, ремесленник тоже непрерывно связан со своим производством. Свободен он только в праздники. По этой причине в феодальном обществе культура свободного времени – это праздничная культура. В капиталистическом обществе клерк, продавец, рабочий и т. д. связаны с производством только в рабочее время, так как только труд, затраченный в рабочее время, подлежал оплате. Отстояв смену, наёмный работник свободен. Кроме праздничного времени, появлялось ещё и

повседневное свободное время. А оно требовало иной культуры организации досуга. Ежедневно праздновать нельзя, становилось скучно, не говоря уже об обязательном для праздничной культуры употреблении горячительных напитков.

Но никакая культура не возникла одномоментно, для её формирования и усвоения обществом требовалось время. На западе капитализм начал развиваться раньше, и раньше начался процесс формирования культуры повседневного досуга, раньше возникло понимание необходимости его разумной организации. Не случайно отсюда и заимствование сё русским обществом с запада. Но мало заимствовать, надо ещё и овладеть ею. Если мы внимательно приглядимся к оценкам, которые давал Каменьский вятским балам, маскарадам, фейерверкам и т. д., то их можно свести к одному – люди просто не умели организовать их как следует и часто не представляли, что надо делать.

Таким образом, провинциальная скука в Вятке – это скорее болезнь роста, чем порок вятского общества тех лет. Достаточно сравнить светскую жизнь города во времена Каменьского и в начале XX в. Прогресс явно на лицо. Так что не стоит спешить осуждать вятское общество тех лет, что оно пребывало в плену у провинциальной скуки, оно ещё только училось организовывать свой досуг, да и средств для борьбы с ней в маленьких провинциальных городках было куда меньше, чем в крупных городских центрах. Впрочем, и приукрашивать провинциальную действительность в угоду местечковому патриотизму тоже не стоит. Иначе мы упустим одну важную проблему, наглядной иллюстрацией которой служат письма Г. Каменьского из вятской ссылки: свободное время только тогда благо, когда общество способно организовать его рациональное времяпрепровождение. Иначе из блага оно становится обузой и порождает скуку.

Примечание

* Цитируется по изданию: Каменьский, Г. Письма из ссылки / пер. Герасимчук. – Киров, 1989. 481 с. Машинопись.

**Прижизненные издания современников М. Е. Салтыкова-Щедрина
в фондах Кировской областной
научной библиотеки им. А. И. Герцена
(вторая половина XIX в.)**

Е. Д. Рычкова

Фонды Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, формировавшиеся на протяжении почти 170 лет, располагают достаточно большим количеством литературных произведений второй половины XIX в. Среди них и прижизненные издания авторов: писателей, поэтов, литературных критиков, которых лично знал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Более подробно мы рассмотрим издания, вышедшие в период работы М. Е. Салтыкова в журнале «Отечественные записки» (1868–1884 гг.). Выбор обоснован тем, что именно на годы работы М. Е. Салтыкова в «Отечественных записках» приходится максимальная интенсивность общения писателя с литераторами-современниками.

Начать, безусловно, следовало бы с определения того круга лиц, с которыми дружил или общался в разное время М. Е. Салтыков-Щедрин. Знакомства Михаила Евграфовича носили различный характер: личный – с И. С. Тургеневым; деловой – с Н. А. Некрасовым, А. Н. Островским, В. М. Гаршиным, Н. К. Михайловским, А. М. Скабичевским; лично-деловой – с А. Н. Плещеевым; литературно-критический – с Ф. М. Достоевским, И. А. Гончаровым; неизвестен характер знакомства – с А. А. Фетом.

Книги этих авторов поступали в библиотеку самыми разными путями. Часть – непосредственно после издания – произведения И. А. Гончарова, А. А. Фета, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и А. Н. Островского; некоторые попали в Герценку из других библиотек, например, сочинения Н. К. Михайловского; третьи – из личных коллекций. Всё это можно выявить по штампам, ярлыкам, записям. Книги, изначально поступившие в Герценку, как правило, имеют ярлыки Вятской публичной библиотеки. Их номера и соответствующие им книги отражены в двух каталогах Вятской губернской публичной библиотеки за 1888 и 1910 годы.

Из вышеперечисленного круга лиц человеком, наиболее близким к Салтыкову, был Иван Сергеевич Тургенев. В примечаниях к 20 т. «Собрания сочинений» М. Е. Салтыкова-Щедрина, сообщается: «Салтыков познакомился с Тургеневым после приезда из вятской ссылки, в начале 1856 г. у А. В. Дружинина. Сближение между Салтыковым и Тургеневым, перешедшее в дружбу, началось с начала 70-х годов. В 1870 г. Салтыков подарил Тургеневу отдельное издание «Истории одного города», а Тургенев 17 февраля 1871 г. в № 19 английского журнала «The Academy» поместил статью об этом произведении»¹. Оттиск статьи Тургенев подарил Салтыкову. Отношения этих двух писателей были настолько близки, что

Салтыков завещал похоронить себя рядом с Тургеневым. В библиотеке им. А. И. Герцена Иван Сергеевич представлен следующими изданиями:

– Сочинения: в 8 ч. Ч. 2, 7–8. – М.: Изд. братьев Салаевых, 1868–1869.

– Сочинения: в 10 т. Т. 1. – М.: Изд. кн. магазина наследников братьев Салаевых, 1880.

– Полное собрание сочинений И. С. Тургенева. Посмертное изд.: в 10 т. Т. 1, 6, 8–10. – СПб.: Тип. Глазунова, 1883.

Книги И. С. Тургенева выделяются наличием в них многочисленных помет читателей, примером может служить вторая часть Сочинений И. С. Тургенева (М., 1868), которая сохранилась в библиотеке в двух экземплярах. Эти книги поступили в библиотеку сразу после издания, отражены в каталоге Вятской публичной библиотеки за 1888 г. и имеют ярлыки, использовавшиеся библиотекой в то время. Имеющиеся в них записи отражают отношение читателей к сборнику, в одном из них на переднем форзаце карандашом записано: «Сочинения Тургенева есть весьма хороши. Marta 12 (нрзб.) 1891[g]oda». К рассказам, собранным в книге: «Хорошо! Очень хорошо!!!», «Очень не дурно! а?». К героям произведений, например, к рассказу «Три портрета» такая запись: «Скот Лучников». Рисунки, сделанные читателями, также характеризуют главных героев произведений Тургенева, особенно много рисунков к рассказу «Жид».

Важный этап творческого общения Салтыкова с представителями литературного круга России связан с «Отечественными записками». В этот журнал известного сатирика пригласил Н. А. Некрасов в 1868 г., но знакомство Салтыкова с Некрасовым состоялось ещё в 1857 г., также по инициативе Н. А. Некрасова, в связи с «Современником». Сотрудничество этих людей прекратилось только в связи со смертью Н. А. Некрасова в 1877 г. В библиотеке имеются следующие книги А. Н. Некрасова:

– Стихотворения Н. Некрасова. – 3-е изд. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863.

– Стихотворения: в 3 ч. Ч. 2. – 4-е изд. – СПб., 1864.

– Стихотворения. – 5-е изд. – СПб.: Изд. С. В. Звонарева, 1869.

– Стихотворения Н. Некрасова: в 3 т. Т. 1, ч. 1–2; Т. 2, ч. 3–4; Т. 3, ч. 5–6. – 6-е изд. – СПб., 1873 (два собрания).

– Последние песни. – СПб.: Ф. Виктор, 1877.

Интерес представляет трёхтомник стихотворений Н. А. Некрасова, изданный в 1873 г. В библиотеке имеется два экземпляра этого трёхтомника. По инвентарной книге, они поступили в 1942 г., от индивидуального лица по фамилии Кочура, у которого библиотека приобрела 192 экземпляра изданий XIX – начала XX вв. Однако ранее, по свидетельству владельческих и ведомственных штампов, три из них принадлежали Д. В. Успенскому, а три других – библиотеке партийного кабинета политического отдела ИТЛ НКВД СССР (Печлаг). Очевидно, эти книги были куплены Кочурой в 30-х гг. XX в., а в годы войны он был вынужден продать свою коллекцию

библиотеке. Существует предположение, что другая книга Некрасова (Стихотворения. Ч. 2. – СПб., 1864) была прислана Н. А. Некрасовым в подарок библиотеке.

С «Отечественными записками» связано и активное общение Салтыкова с Алексеем Николаевичем Плещеевым, существовали между ними и дружеские связи. Салтыков и Плещеев познакомились в молодые годы: в конце 40-х годов, в кружке петрашевцев. После возвращения обоих из ссылки в Петербург, знакомство возобновилось и продолжилось до смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. А. Н. Плещеев посвящает Салтыкову одно из своих стихотворений: «С...у. При вступлении на поприще», сегодня оно известно как «С...у» («Перед тобой лежит широкий новый путь»). А. Н. Плещеев представлен всего двумя книгами, вышедшими в 1860 и 1880 гг.:

– Повести и рассказы: в 2 ч. Ч. 1. – М., 1860.

– Житейское: повести и рассказы. – СПб.: Изд. И. Л. Тулузова, 1880.

Предполагается, что в кружке тех же петрашевцев М. Е. Салтыков познакомился и с Фёдором Михайловичем Достоевским, хотя точно обстоятельства их знакомства неизвестны. В 1862 г. Салтыков сотрудничает в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». В 1863–1864 гг. Достоевский и Салтыков вступают в ожесточённую полемику, разгоревшуюся между журналами «Современник», с одной стороны, и журналами «Время» и «Эпоха», с другой. После публикации в «Отечественных записках» в 1875 г. романа Достоевского «Подросток» (этот роман не понравился Салтыкову) их отношения практически прекращаются. В библиотеке сохранились следующие прижизненные издания Ф. М. Достоевского:

– Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 1, 4. – СПб.: Изд. Ф. Стелловского, 1865–1870.

– Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1, 3, 5–11. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1888.

– Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2, 3. – СПб., 1865–1866.

– Село Степанчиково и его обитатели. – СПб., 1868.

Полемико-литературный характер имело и знакомство М. Е. Салтыкова с Иваном Александровичем Гончаровым. Познакомились они после возвращения Салтыкова из вятской ссылки, у А. В. Дружинина (известного писателя, критика и переводчика, инициатора создания литературного фонда, у него собирались представители тогдашнего литературного круга России). Более всего в противостоянии двух писателей знаменит роман Гончарова «Обрыв» и связанная с ним полемическая статья Салтыкова «Уличная философия» (опубликована в «Отечественных записках». 1869. № 6). Представлен И. А. Гончаров следующими изданиями:

– Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 3, 6–9. – СПб.: Изд. И. И. Глазунова, 1886–1889.

– Обломов / приспособил для классного чтения А. А. Аржавин. – Дертп : Изд. Э. Ю. Карова, 1889.

Книги И. А. Гончарова, как и книги И. С. Тургенева, содержат записи читателей. Особенно много помет, по сравнению с остальными изданиями, в седьмом томе ПСС (М., 1886), в котором напечатан «Фрегат Паллада». В конце книги сделана следующая запись: «Лучше многих романов. Да и похвалы были бы слабы!» Есть в книге записи, в которых читатель выражает своё мнение по поводу употребления некоторых слов, характерных для Вятки и Сибири. Таких записей две. В тексте произведения: «...едят рыбу, которую достают из морды...», рядом на полях запись: «Как же Вятка не Сибирь? Морда, пурга...»². Далее, через несколько страниц в тексте: «...Что это такое шуга?» – «Мелкий лед...» рядом на полях: «или шуя по вятски т. е. по сибирски»³. Имеются и другие записи, по содержанию книги, вроде: «Так ли?..», «Верно», «Sie», «Неужели», «Заметить» и т. д., характеризующие согласие или несогласие с автором, сомнение читателя в приводимых Гончаровым фактах.

Своеобразны были отношения М. Е. Салтыкова с А. Н. Островским. Обстоятельства их знакомства неизвестны, однако, уже во время работы в «Современнике», в 1863 г., М. Е. Салтыков обращается к драматургу с просьбой прислать для журнала пьесу: «Милостивый государь Александр Николаевич... у меня была до вас всепокорнейшая просьба: не имеете ли Вы чего-нибудь написанного для «Современника...» (из письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к А. Н. Островскому от 15 сент. 1863 г.)⁴. Начиная с 1877 г., будучи редактором «Отечественных записок», Салтыков ежегодно обращается к Н. А. Островскому с просьбой прислать для журнала какую-либо пьесу. Н. А. Островский отзывается на эти просьбы и в каждом первом номере «Отечественных записок, начиная с 1878 и, заканчивая 1884 г., появляются пьесы известного драматурга. Пьеса А. Н. Островского «Без вины виноватые» появилась и в предпоследнем номере «Отечественных записок» (1884. № 3). А. Н. Островский представлен следующими изданиями:

– Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4, 5, 7, 10. – 3-е изд. – СПб., 1874–1884.

– Козьма Захарыч Минин Сухорук: драматическая хроника : в 5 действиях. – СПб., 1862.

– Богатыи невесты: комедия : в 4 действиях. – СПб., 1876.

– Последняя жертва: комедия : в 5 действиях. – СПб., 1878.

– Бесприданница: драма : в 4 действиях. – СПб., 1879.

Произведения драматурга были в основном изъяты из журналов «Современник» и «Отечественные записки» и переплетены как отдельные издания. По многочисленным пометам на полях пьес можно сделать вывод о том, что они использовались для постановок и, возможно, переплетены были специально для этого. В пьесе «Последняя жертва», например, все

листы с третьим действием комедии были сложены вдвое и вплетены в переплётный блок, в оставшемся тексте множество подчеркиваний и вычеркиваний. На полях другой пьесы «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» даны краткие характеристики её- героев, их поступков, самого действия пьесы. Например, есть следующие записи: «Только сбор казны задержал ополчиться и идти на врагов», «Семёнов думает, что Минин хлопчет перед народом только ради своей собственной выгоды», «Он соблюдает свои интересы и заботы о том, чтобы никуда у него деньги зря... (нрзб.)».

М. Е. Салтыков, вероятно, был знаком и с известным русским поэтом Афанасием Афанасьевичем Фетом, однако это знакомство не поддерживалось, более того, имело характер неприязни. Согласно воспоминаниям Н. К. Михайловского, «в воспоминаниях г. Фета есть следующий эпизод. Г-н Фет встретился однажды у Тургенева с Салтыковым (встреча произошла в Петербурге в январе 1864 г.). <...> Надо заметить, что г. Фет имел свои причины до такой степени не любить или бояться Салтыкова, что при входе последнего схватил огромный лист “Голоса” и уселся в угол комнаты в вольтеровское кресло, совершенно укрывшись за газетой...»⁵. Н. К. Михайловский считает, что причиной размолвки, скорее всего, был характер Салтыкова. Творчество А. А. Фета представлено следующими изданиями:

– Стихотворения: в 2 ч. Ч. 1–2. – М., 1863.

– Вечерние огни: собр. неизданных стихотворений А. А. Фета. – М., 1883.

Оба выпуска «Стихотворений» принадлежали библиотеке изначально, о чём свидетельствует ярлык. «Вечерние огни» поступили из ученической библиотеки Вятского Александровского реального училища.

Дружески-деловыми были отношения М. Е. Салтыкова с В. М. Гаршиным, Н. К. Михайловским и А. М. Скабичевским. Гаршин печатался в «Отечественных записках» (опубликовано девять его рассказов), он называл Салтыкова нашим командиром, высоко ценил талант и личность писателя. Н. К. Михайловский, публицист, социолог и литературный критик, сотрудник (с 1868 г.), а затем и один из редакторов «Отечественных записок» (1877–1884). Михайловский – автор серии статей о Салтыкове, мемуарных заметок «Памяти Щедрина» и «Материалов для литературного портрета М. Е. Салтыкова». А. М. Скабичевский – литературный критик и историк литературы, постоянный сотрудник «Отечественных записок» (1868–1884), автор мемуарных заметок «Несколько воспоминаний о М. Е. Салтыкове». Эти три человека представлены следующими изданиями:

– Гаршин, В. М. Первая книжка рассказов; Вторая книжка рассказов. – СПб., 1888.

– Михайловский, Н. К. Сочинения: в 4 т. Т. 1–4. – СПб., 1879–1885.

– Критические опыты Н. К. Михайловского: Щедрин. – М., 1890.

– Скабичевский, А. М. Беллетристы-народники. – СПб., 1888.

Книги этих авторов поступали в библиотеку разными путями. Первая и вторая книжки рассказов Гаршина из библиотеки Евгения Дмитриевича Петряева. Книга Н. К. Михайловского «Критические опыты» ранее принадлежала Александру Назаровичу Кузнецову – известному орловскому купцу и просветителю, городскому голове г. Орлова, о чём свидетельствует владельческий знак на страницах книги, выполненный слепым тиснением. Собрание сочинений Михайловского поступило из библиотек различных учебных заведений. Одно издание, принадлежавшее изначально библиотеке им. А. И. Герцена, представляет собой конволют: книгу, собранную из различных статей Н. К. Михайловского, напечатанных в «Отечественных записках».

Примечания

1. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 20 : Письма (1884–1889). – М. : Худож. лит., 1977. С. 499–500.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. Полн. собр. соч.: в 9 т. Т. 7. – СПб.: Изд. И. И. Глазунова, 1886. С. 463.
3. Там же. С. 476.
4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 18, ч. 1 : Письма (1839–1868). – М. : Худож. лит., 1975. С. 278. (Письмо № 174).
5. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. – М. : Худож. лит., 1975. С. 138–139.

М. Е. Салтыков-Щедрин в сознании русской эмиграции

П. С. Глушаков

Русская эмиграция – отдельный материк, нахождение в котором требовало чёткого осознания пространственных, временных, культурно-исторических и этических координат, по которым можно было построить свою новую и во многом вынужденную жизнь. Литература Русского Зарубежья и стала той творческой площадкой, на которой такие координаты «нащупывались». Диаспоре было важно не только определиться со «смыслами повседневности», начать обустривать свою жизнь в изгнании (само это «обустройство» долгое время находилось под вопросом, так как велика ещё была надежда на скорое возвращение), но и прояснить истоки трагедии, выявить «болевые точки» прошлого. Зачастую происходил процесс переоценки или нового осмысления казалось бы уже определённых констант. Эти явления затронули, конечно, и литературу, явственно осознаваемую эмиграцией в качестве хранилища русского духа, основной выразительницы духовных исканий русской интеллигенции. По-разному относясь к самому факту революционных событий (не будет преувеличением сказать, что основную массу культурных деятелей

эмиграции составляли вовсе не монархисты), диаспора была едина в оценке итогов «русского бунта», резонно обратившись к критическому осмыслению «певцов» и «предвозвестников» «революционной стихии». Не отбрасывая классического наследия (осознавая его в качестве «последнего владения» былой России, оставшегося в руках изгнанников), Русское Зарубежье подвергло «перекодировке» прочтение хрестоматийных авторов: Блока, Некрасова и др.¹ Единственным именем, не затронутым этим переосмыслением, было «светлое пушкинское имя», ставшее «символом веры» и этическим оборотом эмиграции².

Салтыков-Щедрин – фигура для эмиграции «неудобная». Властитель дум либеральной части русской интеллигенции, он был признанным мастером сатиры, но сатиры на ту Россию, которая, оказавшаяся в руках того мужика, что некогда прокормил двух генералов, низринула в небытие не только негативные черты чиновничьей действительности, но и сами светлые идеалы той же интеллигенции. Иными словами, писатель как бы становился одним из косвенных «виновников» гибели самой России. В первые годы после трагедии 1917 г. публицистика эмиграции словно бы не «замечала» Щедрина (нужно сказать, что «культ» писателя не существовало и до этого времени; причины этого различны, но не последнее обстоятельство, видимо, заключается в том, что слишком непростым и «строгим» виделся образ сатирика в глазах его читателей). Юбилейная дата 1926 г. потребовала неминуемых «объяснений», но и это объяснение состоялось по преимуществу на периферии. Материалом данной публикации явились юбилейные – к 100-летию со дня рождения – отклики на жизнь и творчество Салтыкова-Щедрина, появившиеся в двух центральных газетах Русской Латвии, «Сегодня» и «Слове».

Не будет преувеличением сказать, что историко-культурная ситуация, сложившаяся после октябрьских потрясений 1917 г. на территории Латвии, существенно отличалась от того феномена, который привычно именуется Русским Зарубежьем. Главное отличие заключается в том, что русские люди, осевшие на территории новообразованного государства, не были, собственно, *эмигрантами* (или, по крайней мере, не отождествляли себя с таковыми в оппозиции, например, с эмигрантами в Германии, Чехии или Франции, ситуацию с русским населением в которой Зинаида Шаховская назвала «гетто зарубежной России»). Дело в том, что процент русских жителей на территориях Прибалтики (Эстляндии и Лифляндии, в особенности) и до 1917 г. был сравнительно велик: здесь проживало большое число старообрядцев (восточные регионы – Латгалия, а рижская Гребенщиковская община и вовсе была и остаётся по сей день крупнейшей в своём роде), а также существенное число городского населения, особенно пополнившегося в 80–90-е годы XIX в., когда усилились государственные тенденции к «русификации». Кроме этого, балтийские курорты на протяжении уже очень большого времени «приучили» воспринимать эту

территорию в качестве «своей» для немалого числа петербуржцев и москвичей. Наконец, Латвия, не имевшая прежде своей государственности, не осознавалась (на первых порах, как минимум) в качестве «отдельного» государства, тем более что молодая республика давала русскому населению весьма широкие права (вплоть до 1934 г.). Русские (или шире – люди русской культуры, так как число евреев, «русскоязычных» немцев было традиционно велико) были здесь национальным меньшинством, частью единой и не вполне сформировавшейся государственной общности, а не эмигрантами, бесприютными и чужими для большинства территорий, где оказались беженцы из России (даже в традиционно дружественных странах, таких, как Сербия или Чехия).

Латвия представлялась «осколком» бывшей России, одной из губерний, волею случая спасшейся от большевистской власти; потому в культуре русского населения Латвии такое огромное значение приобретает тема *пограничья*, поиска новых пространственных координат новой действительности, сохранения и консервации этнокультурной мифологии. Именно поэтому русская культура и литература здесь использовала принципы «возобновления» или «продолжения» (начинали выходить под теми же или несколько изменёнными, но явственно отождествлявшимися с прошлым, названиями газеты и журналы – «Огонёк» - «Наш огонёк», «Нива» - «Новая Нива» и пр.), культивировала семантику «общего латвийского дома» («латвийцы» – новое «образование», не разделяющее жителей по национальному принципу, что по ряду причин не было возможным в других странах диаспоры). Нельзя не сказать, что именно по этому последнему принципу в культурной среде проявились и явные расхождения: так появилось противостояние «рупоров» русской прессы Риги газет «Слово» и «Сегодня», находившихся на противоположных позициях по вопросу о степени «абсорбции» в «главствующей среде». Эти социальные, культурно-мировоззренческие споры, нужно сказать, существенно оживляли духовную жизнь Латвии, позволяя вплоть до середины 1930-х гг. (когда в силу политических причин политика по отношению к меньшинствам резко изменилась в худшую сторону) не становиться «провинцией Русского Зарубежья», но осознаваться, в зависимости от установок того или иного деятеля, либо «рубежом» на границах Европы и большевизма (с явственной семантикой «европейского миссионерства» и пространственными кодировками «Курляндской Швейцарии», «Риги – маленького Парижа» и т. д.), либо «страной сказочного прошлого» («старого гнезда», из которого «рукой подать» до Псковщины, этой «колыбели русской государственности», «Отчины», по словам Леонида Зурова, из которой вековечно начиналось национальное пробуждение Руси).

Культурная и литературная жизнь русских в Латвии была активной и разнообразной; здесь сложно найти имена «первого ряда», но уникальность

ситуации состоит в том, что, собственно, именно те люди, которые на Западе, как правило, кардинально сменили вид своей деятельности, в латвийских условиях продолжили свою работу в качестве актёров старейшего за рубежами России драматического театра и ряда частных трупп и антреприз, преподавателей заметного числа русских учебных заведений, офицеров, ставших у основ нарождающейся латвийской армии, не говоря уже о предпринимателях, не начинавших на новом месте «с нуля», а продолживших своё дело, перенеся в свои рижские филиалы основную работу.

В Риге поселились и многие годы работали известные литераторы Сергей Минцлов, Иван Лукаш, Леонид Зуров, Пётр Пильский, Каллистрат Жаков, Игорь Чиннов (уроженец Латвии) и целый массив имён, не составляющий «цвет» культурной элиты, но определяющий существенное положение того феномена, которое и носит название «русской творческой интеллигенции».

Впечатляет число русских изданий Латвии, причём практически во всех газетах и журналах, вне зависимости от профиля, находился обширный литературный отдел, возглавлявшийся, как правило, профессиональным журналистом с «дореволюционным именем» и репутацией, не позволявшим в большинстве случаев проникнуть на страницы графоманам и дилетантам. Особого упоминания заслуживает литературно-художественный журнал «Перезвоны», обладавший чрезвычайно высокой издательской культурой и отлично продуманной тематической направленностью.

Только в Риге работало свыше 40 издательств, практически полностью ориентированных на выпуск книг на русском языке, а число газет и журналов (время существования которых, впрочем, колебалось от нескольких месяцев до 20 лет, как у крупнейшей газеты «Сегодня») исчисляется более чем полусотней³.

Юбилей Щедрина 1926 г. осмыслиется в трёх материалах «Сегодня» и в одной статье «Слова»; любопытно, что материалы более искущённой в редакционно-публицистической деятельности газеты «Сегодня» соответствуют классической юбилейной «триаде»: мемориальный очерк – аналитическая статья и художественное осмысление (в нашем случае – стихотворение Северянина). Очерк газеты «Слово», которая не могла в силу ряда причин позволить себе привлечение столь авторитетных, как у «Сегодня», авторов, хоть и является явственно вторичным (заметим, что он даже не подписан), но, тем не менее, позволяет сделать некоторые выводы для определения «векторов» переоценки творческого образа писателя.

Очерк Ю. Айхенвальда «Сердитый и сердечный» уже своим заглавием задаёт двойственную и во многом антонимичную парадигму в прочтении наследия Щедрина: текст очерка построен как сначала совмещение контрастных оценок, а после их преодоление. «Двойное имя» сатирика, по Айхенвальду, символично, это выражение двойственности самого писателя:

«самодура», но и «самородка», враг бюрократии и сам крупный бюрократ, наконец, «сердитый» обличитель, но и «сердечный» радатель, вынужденный быть «строгим» для поражения недугов, столь серьёзных и нешуточных⁴.

Главный вопрос Айхенвальда – современному русскому человеку, эмигранту «совестно» нынче перед «старой Россией», которую тот «недооценивал», «осуждал почём зря», вместе с самим писателем, признанным мастером такого осуждения (этот вопрос, впрочем, уже возникал, в спорах, например, Достоевского с Щедриным наследием).

Этот центральный вопрос потребовал явственного ответа: не просто – прав ли писатель, но более жёстко – виновен ли он в последующих бедах России? Для Айхенвальда ответ был очевиден, но аргументация «оправдательной» позиции потребовала от кригика введения нового «составляющего» тезиса о Щедриной «сатирике-лирике». Публицист развивает положение о «задумчивости» Салтыкова-Щедрина, его «нежности»; «оправдание» писателя, по мысли Айхенвальда, в «любви к литературе». «Писатель-начальник» становится «народным болельщиком» (формальным выражением этого является его язык – тема болезненная для эмигрантов, сохранявших этот последний «осколок» родной действительности). Знаменательно, что аллюзией статьи является то, что Салтыков-Щедрин не являлся «иностранцем» русской литературы (беспристрастным «фиксатором» недостатков, «коллекционером» русских несуразностей) – этот мотив релевантен для самоотождествления эмигрантов (излишне говорить о значимости оппозиции «иностранец – свой» для ситуации диаспоры).

Очерк Б. Шалфеева ценен, прежде всего, тем, что вводит новые свидетельства о последних днях жизни писателя. Воспоминания Т. Матисовой, быть может, несколько частные и излишне бытовые (особенно в изложении газеты «Слово»), воссоздают облик живого человека, но никак не «строгого учителя». Актуализация «примирения» Щедрина с церковью, столь ярко поданная именно в очерке из «Слова» (здесь выразилось различие в подаче одного и того же материала рижскими газетами), осознаётся эмиграцией как факт окончательного определения позиции Салтыкова-Щедрина, соединения двух «половинок» его имени, превращения сатирика в писателя.

«История Щедрина *продолжает...*», а эмиграция, после необходимых «объяснений», его *принимает*.

* * *

Тексты публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией; необходимые пояснения даются в кратких примечаниях (за исключением общеизвестных реалий и имён, Тургенева и Некрасова, к примеру).

СЕРДИТЫЙ И СЕРДЕЧНЫЙ

Памяти Салтыкова-Щедрина
1826 – 27/1 – 1926⁵

Ю. Айхенвальд⁶

Ровно сто лет назад родился Салтыков-Щедрин, но и до сих пор он духовно не умер. Ибо хотя 37 лет уже исполняется его могиле, но как бы идёт ещё из неё на Россию его посмертная сатира. Только больше звучит в ней гнева и негодования, чем смеха, потому что его родина символизируется уже не с городом Глуповым, историю которого он так едко написал, а с чем-то более жутким и страшным, и революция, которая многое переименовала, в наши дни должна была бы иначе назвать и прежнюю резиденцию сравнительно безобидной глупости. С другой стороны, двойное имя знаменитого сатирика во многих из нас вызывает ныне и чувства иного порядка: ведь русскому интеллигенту совестно теперь перед русским прошлым: ведь кажется, что мы его недооценивали, что мы его осуждали зря, и оттого словно выпадает Щедрин из круга наших симпатий, и нередко думаешь о нём холодно, почти недружелюбно, и сатиру его мы готовы признать огульной и несправедливой, и в наших глазах сравнительно с действительностью нынешней так выигрывает осмеянная им действительность бывшая!..

Но если отрешиться от этих настроений исторического момента и если к творчеству Салтыкова подойти объективно, то оно ярко покажет нам всю свою непреходящую художественную ценность. И прежде всего, как бы ни относиться к нему, он производит впечатление силы, – а сила неоспорима, сила внушительна. Он – крепкий и кряжистый, он – суровый и терпкий, его не забудешь, если хоть раз отведаешь от его спартанской трапезы. Щедрин – не только автор, но и авторитет, Щедрин – не только самородок, но и самодур. Тот «сам», который царил некогда в русском купечестве и в русской литературе о нём, в пьесах Островского, проник и в психологию, и в искусство дворянина Салтыкова.

Странное дело: читатель его как будто боится, робеет иногда в его литературном присутствии, ставит себя в положение его героев; а они-то уж, наверное, – не только его герои, но и его подчинённые. Недаром в своей частной жизни был он долго бюрократом – председатель казённой палаты, вице-губернатор. Щедрин – писатель-начальник. Привередливый, взыскательный и беспощадный, язвительный и придиричивый брюзга нашей словесности, он делал какой-то смотр эпохам и людям русской истории и русской современности, он пропускал мимо себя множество людей, – и ничем и никем не остался доволен, и почти никого и ничего не похвалил. От него больно доставалось. Прирождённый насмешник, бесцеремонный и циничный, внутренне нецензурный, часто непристойный, с солёным словом на устах, он – мастер осмеяния, «великий мастер» масонской сатирической

ложи, седой судья чужого вздора и грехов. Широкий захват имела его сатира – от помпадуров и до либералов, от помещиков и до крестьян, от чиновников и до литераторов, и своеобразный музей его сочинений, музей общественной патологии, едва ли оставлял незаполненной хотя бы одну рубрику, хотя бы одну полочку русских экспонатов. Скорее, здесь были избыток и повторения, скорее, здесь было злоупотребление смехом. Но смех Щедрина, в лучших произведениях, идёт из глубины, из груди, это – смех не дребезжащий, порою – горький, смех истинного художника, продолжение смеха гоголевского.

И это сказывается уже в самом языке его страниц. Удивительно русский – этот язык. Река салтыковской речи, Волга салтыковского слова, льётся широкой волной, полноводной струёю. И если бы сатирик нуждался в оправдании, то его оправдывал бы именно такой слог. Язык – доказчик, язык – естественный и надёжный свидетель; по отношению к Щедрину он доказывает то, он свидетельствует о том, что автор «Пошехонской старины», этой галереи незнатных предков, не был сатириком равнодушным и праздным, не был нравственным чужаком, от которого слышать насмешку над родиной было бы нестерпимо: нет, около того, чем смешна была Россия, не стоял Щедрин, как досужий любопытный, как моральный иностранец, которому смеяться ничего и не стоит, которому это несколько и не больно.

Язык Щедрина подтверждает, что не над самим Ноем, не над самую страну потешался сатирик: язык – патриот, и слово Салтыкова течёт от самых недр народного духа, как Волга исток свой имеет в родной Салтыкову Тверской губернии, слово это унаследовано им от великого русского Ноя, от великорусского отца и отечества. Кто так пишет, кто владеет этой стихийной россыпью от праотцев полученного языка, тот этим уже проявляет свою душевную заинтересованность недугами и невзгодами своей отчизны.

Кроме того, пристальнее вчитываясь в Щедрина, мы замечаем, что он не только сердит, но и сердечен. Это – сатирик-лирик. От сатирического повествования у него есть отступления, полные задушевности. Жёсткая и тёмная работа сатиры, её, по выражению одного немецкого писателя, «уксусная фабрика», иногда преобразается у него в свете человечности и тепла. Есть у него нежные образы девушек и детей; он верит, что пропавшая совесть вошла именно в ребёнка и будет расти вместе с ним; он застывает за всякие «забытые слова», которыми только и может жить душа человеческая. Трогательна его любовь к литературе и это памятное воззвание к «другу-читателю». Литературу, правда, понимал он только общественно, только в её гражданской роли, как и вообще по самому складу своей натуры был он далёк от индивидуалистического мирозерцания, был всецело проникнут общественностью; но вот в этих пределах именно она, литература, была пафосом его жизни, светом чистым в его утробном сердце,

и, умирая, завещал сыну: «паче всего любю родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому».

Сто лет прошло, как родился Щедрин, и не можем ли мы засвидетельствовать, что на его любовь к русской литературе русская литература ответила ему взаимностью? Может быть, заслонено его имя другими именами и, ещё больше событиями, которые громче всякого слова и всякого имени. Может быть, иной расценке подлежат его произведения и надо отделить в них временное, ушедшее, теперешнему читателю уже не совсем понятное, от вечного, понятного всегда и везде – но, во всяком случае, в родную литературу вошёл Салтыков прочно и невозвратно. Даже есть в этом, если хотите, и некоторая горечь, некоторый оттенок трагизма: лучше было бы, если бы Щедрин устарел, если бы Россия не была больше достойна сатиры, если бы в далёкое прошлое навсегда отодвинула история всё то, что вызывало смех и скорбь Салтыкова-Щедрина.

Но история этого не делает, история Щедрина продолжает...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(По рассказу очевидицы)⁷

Б. Шалфеев⁸

«Своею трогательною заботливостью она скрасила моему отцу последние годы и дни его жизни».

Привожу эту фразу из только что полученного советского журнала, так она относится к благополучно здравствующей нашей согражданке Татьяне Андреевне Матисовой и содержится в статье К. М. Салтыкова, – единственного сына сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, – посвящённой памяти его знаменитого отца.

Татьяна Андреевна три года своей жизни отдала уходу за больным писателем. Она последняя слышала из его уст его сознательные слова и присутствовала при его агонии. Повесть такого свидетеля является чрезвычайно ценной. Безыскусственный и избыточный интересными подробностями рассказ Татьяны Андреевны о последнем периоде жизни писателя я передам в последующих строках:

– Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин никогда не отличался сильным здоровьем. Уже 30 лет от роду, поехав на похороны своей матери, он простудился, заболел острым ревматизмом. Болезнь бросилась на сердце, затем осложнилась, припадки сделались особенно мучительными, и за ним требовался постоянный уход. Этот труд пришлось мне взять на себя, и я поселилась в его семье в Петербурге, на Литейном пр., 68, в том доме, который теперь украшен памятной мраморной доской.

Застала я больного в тяжёлом состоянии. У него были припадки бреда, причём постоянно в бреду он беседовал с Тургеневым и Некрасовым. Через

неделю Михаил Евграфович несколько оправился и от того времени, несмотря на запрещение врачей, всецело отдался работе.

Жизнь его протекала однообразно. Вставал он аккуратно в 8 часов утра. Ежедневно утром и вечером ему приходилось делать массаж. Ровно в 4 часа, ни минутой раньше или позже, он садился за обед, а в 9 часов ложился спать.

Всё свободное время он посвящал работе, никуда не выходил и почти никого не принимал. Единственными гостями его бывали петербургский городской голова В. И. Лихачёв⁹, известный своими связями в литературных кругах и близкий друг семьи, а также юрисконсульт сената Унковский¹⁰. Их он не стеснялся принимать запросто, в халате. Систематически приходил к нему также и врачи.

В том же доме жили его супруга Елизавета Аполлоновна¹¹, сын – лицеист Константин и дочь Елизавета, гимназистка.

Он очень любил свою семью, но тяжёлая болезнь наложила свой отпечаток на его уже без того суровый характер. Михаил Евграфович был раздражителен, вспыльчив, но справедлив. Поэтому все, начиная с членов семьи, кончая старым кучером Арефьичем, любили его.

В последние годы врачи не разрешили больному уехать в заграничный курорт, и он одно лето провёл в Мустамяги, а другой – на даче на ст. Преображенской под Петроградом. Несмотря на болезнь, эти годы были особенно продуктивны в отношении творчества. Врачи упорно возражали против изнурительной работы, семья пыталась воздействовать на него через Татьяну Андреевну, с мнением которой он очень считался, но всегда слышался один и тот же шутливый ответ:

– Надо работать. Хочу, чтоб детям больше денег осталось!

Само собой разумеется, что здесь не материальные расчёты играли роль: писатель и без того был богатым человеком.

Зимой 1889 года болезнь стала прогрессировать. На больного скверное влияние оказывали посетители, под разными предлогами пытавшиеся проникнуть к нему. С непрошеными гостями дело доходило иногда до резких столкновений, причём Михаил Евграфович почти всегда после их ухода раскисался в своей раздражительности.

Скончался Михаил Евграфович в апреле. К этому времени нанята была уже дача, куда больной непременно хотел выехать. Он страдал сильными болями в пояснице, но всё-таки целые дни напролёт проводил за письменным столом. Состояние здоровья настолько ухудшилось, что потребовался созыв консилиума, в котором приняли участие постоянно лечившие его врачи. Это были выдающиеся медики Петрограда: его личный друг Боткин, проф. Соколов и Васильев.

Консилиум был в полном разгаре, когда в квартиру вошёл отец Иоани Сергиев-Кронштадский¹². Он совершил молебен, который больной

выслушал стоя и очень внимательно, а после окончания богослужения батюшка обратился к Салтыкову со следующими словами:

– Ну вот, Михаил Евграфович, скажу я вам хорошее слово. Думается мне, вам надо поисповедаться и причаститься св. Таин.

– Нет, батюшка, – ответил Салтыков. – Не могу я. Я верую в Бога, но не могу всем сердцем принять обряд.

О. Иоанн долго убеждал больного исполнить последний христианский долг, указывал на то, что этот поступок знаменитого человека послужил бы добрым примером для других, но писатель стоял на своём.

Было это во вторник, а в среду с больным случился удар. С утра он был в повышенном нервном состоянии, сильно волновался и, как всегда, много писал. В 3 часа должен был по обыкновению приехать доктор Васильев, но опоздал на четверть часа. Это дало новый повод к волнению и беспокойству больного.

Татьяна Андреевна убеждала его успокоиться, уговаривала и в это время заметила, что Михаил Евграфович падает. Она схватила его за талию, стала поддерживать и в этот момент в комнату вошёл доктор Васильев.

Салтыкова посадили на диван, ему сделалось дурно. Стали приводить в чувство.

Через некоторое время Михаила Евграфовича удалось привести в чувство, но он потерял уже дар слова. Слабым движением руки больной указывал на стол. Его подвели туда, дали в руку перо, но писать он уже не был в состоянии. Переложили в левую руку, но и та уже не работала.

Михаил Евграфович знаком попросил, чтобы его подвели к образу. Его подвели к дивану, и он всё время с ужасом на лице и в глазах продолжал указывать на правый угол комнаты. Присутствующие ничего там не видели.

Так непонятым и остался этот жест. Но когда Михаил Евграфович умер, то именно в этом углу потом в течение нескольких дней стояла крышка его гроба...

Больного положили на диван, и он потерял сознание. Весь день в четверг и в пятницу до 3-х часов дня он не приходил в себя, а в пятницу, 28 января по старому стилю 1889 г., скончался.

Как известно, Салтыков оставил очень подробное завещание. Там сделаны были все распоряжения, в том числе о гробе, о деталях похорон. Между прочим, значилось: «Желаю быть погребённым на Волковом кладбище, если можно около Тургенева; желаю, чтобы тело моё было н е - п р е м е н н о вскрыто. На памятнике поставить бюст Беренштама ¹³, бронзовый» (стоявший на квартире покойного).

Это завещание было в точности исполнено. Тело вскрыли на квартире покойного в присутствии Боткина ¹⁴, Соколова ¹⁵, Васильева ¹⁶. Вскрытие производил прозектор из клиники.

Когда взвесили мозг, Боткин сказал, что мозг тяжелее, нежели у Тургенева.

Пять дней останки находились в доме, причём являлось много посетителей. Михаил Евграфович лежал в гробу с удивительно спокойным выражением лица и был похож на живого.

Хоронили знаменитого писателя при громадном стечении публики. Собравшиеся в день похорон многочисленные студенты во что бы то ни стало хотели донести гроб до кладбища на руках, но издатель «Вестника Европы» Стасюлевич¹⁷ их отговорил, опасаясь, чтобы это не сочтено было за политическую демонстрацию.

– Вы молодцы, – говорил он студентам. – Вам нужно поберечь ваши силы.

Одни понимали слова буквально и сильно волновались, но большинство усмотрело в них иносказание.

Сын покойного писателя служил где-то на Волге и пробовал свои силы на литературном поприще, работая в местных газетах.

В тот день, когда я беседовал с Т. А. Матисовой, в её доме получен был номер издающегося в Москве журнала, где статья, посвящённая 100-летию со дня рождения Салтыкова-Щедрина, подписана была именем Константина Салтыкова. Где и при каких условиях он работает – пока неизвестно.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН¹⁸

Игорь Северянин¹⁹

Не жутко ли, – среди губернских дур,
И дураков, туземцев Пошехонья,
Застывших в вечной стадии просонья,
Живуч неумертвимый помпадур?

Неблагозвучьем звучен трубадур,
Чей голос, сотрясая беззаконье,
Вещал стране бесплодье похоронье,
Чей смех тяжёл, язвителен и хмур.

Гниёт, смердит от движущихся трупов
Неразрушимый вечно город Глупов –
Прорусенный, повсюдный, озорной.

Иудушки из каждой лезут щели.
Страну одолевают. Одолели.
И нет надежд. И где удел иной?

ТРИ ГОДА С САЛТЫКОВЫМ-ЩЕДРИНЫМ

К 100-летию со дня рождения знаменитого русского сатирика ²⁰

В Риге проживает Татьяна Андреевна Матисова, которой выпала на долю трудная, но почётная роль ухаживать за больным Салтыковым-Щедриным, в последние три года его жизни.

Татьяне Андреевне сейчас 71 год. Это бодрая, ласковая старушка, отчётливо сохранила все мелочи жизненного обихода и кончины великого сатирика.

– Я работала до замужества в качестве домашней портнихи в семье проф. Боткина.

Когда его друг и пациент Салтыков-Щедрин стал чувствовать себя всё хуже, он рекомендовал меня Салтыковым в качестве сиделки. Три года я неотлучно находилась при больном писателе.

Когда я жила у проф. Боткина и Михаил Евграфович был ещё сравнительно здоров, он приезжал к Боткиным и играл в вист; последние же три года он замкнулся в своём кабинете, ставшем с тех пор и его спальней. Никого из посторонних и родных он не желал видеть, изредка приезжал Стасюлевич и забирал манускрипты. Что за болезнь у него была – сказать трудно, но все указывали на большое его сердце. Михаил Евграфович сильно страдал: подойдёт, бывало, к иконе, протянет исхудавшие руки и скажет:

– Господи, прими же меня на свои руки!

Семью свою, несмотря на кажущуюся угрюмость, Михаил Евграфович трогательно и искренне любил, хотя порою неуместная жизнерадостность жены его раздражала. Она, например, приходила показаться к нему в новом туалете, что, по-видимому, его только раздражало.

Предчувствуя близкий конец, он пригласил нотариуса Иванова и составил завещание – всем детям и жене поровну. Не забыл он и меня.

В завещании он приказал себя обязательно вскрыть.

Он рассказывал, между прочим, что его мать за занятые для покупки именины деньги взяла с него проценты.

Рядом с нами, в синодальном доме жил Победоносцев ²¹, которого Михаил Евграфович не мог терпеть, но считал умным человеком.

За день до кончины состоялся консилиум во главе с проф. Боткиным. Семейные посоветовали пригласить о. Иоанна Кронштадтского, который в тот же день прибыл. Отец Кронштадтский отслужил молебен, причём весь молебен Михаил Евграфович стоял. После молебна отец Иоанн предложил ему приобщиться. Тогда Михаил Евграфович сказал, что он в Бога верит, но обрядности не признаёт. Иоанн Кронштадтский обнял его, поцеловал в плечо и сказал: «Молитесь и терпите!» На другой день доктор Васильев запоздал и это пунктуального Щедрина начало сильно волновать и с ним сделалось дурно. Больной лежал на диване без чувств, доктор начал

приводить его в чувство и булавкой колотить руку и ногу и сказал, что они отнялись. Михаил Евграфович стал указывать головой, чтоб его подвели к столу. Мы его подвели, он захотел писать. Ему дали перо и карандаш, но писать он не мог, как и говорить. Потом он устремил взор на икону и перевёл его в дальний угол и оставил его с выражением ужаса.

Через три дня там стояла крышка гроба.

Примечания

1. В некотором смысле, Русское Зарубежье постепенно формировало свою новую версию истории русской литературы. Нам уже приходилось, на материале рижской периодики, рассматривать подобные процессы; см., например: «Это написано для наших дней!» : Некрасов и литература Русского Зарубежья // Некрасов в контексте русской культуры. – СПб. ; Ярославль, 2006; Блок и «блоковские довоплощения» на страницах рижских изданий (по материалам газет «Маяк» и «Сегодня» 1921–1923 гг.) // *Slavica Gandensia*. Vol. 31. 2006. Не избежали некоторого переосмысления и классики; см. серию сборников материалов о рецепции творчества Лермонтова, Гоголя, Грибоедова Русским Зарубежьем в издательстве «Русский Мир», а также наши работы: Генрих Гроссен и Иван Лукаш о Гоголе (восприятие писателя в русской журналистике Латвии) // Н. В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятое Гоголевские чтения. – М., 2006; Ф. М. Достоевский в латвийских эмигрантских изданиях // Достоевский: материалы и исследования. Т. 19. – СПб., 2007 (в печати).

2. Содержательные обзоры пушкинских торжеств в эмиграции выполнены В. Перельмутером: Пушкин в эмиграции. 1937. – М., 1999 и М. Филиным: Центральный Пушкинский Комитет в Париже. Т. 1–2. – М., 2000. На материале рижских авторов: Спроге, Л. В. Пушкинский миф Ивана Лукаша // Пушкинские чтения в Тарту – 2. – Тарту, 2000; Глушаков, П. С. История и современность в пушкинском мифе Ивана Лукаша // Иван Лукаш: приближение к творчеству. – Даугавпилс, 2006.

3. Подробнее об эмиграции в Латвии см.: Глушаков, П. С. «Русская Латвия»: история и культура диаспоры (20–30-е годы) // Российская эмиграция: прошлое и современность. – М., 2006. № 1.

4. «Игру с двойным именем» заметил современный исследователь: Перельмутер, В. Пушкинское эхо. Записки. Заметки. Эссе. – М. ; Торонто, 2003. С. 111. («После выхода “Губернских очерков” император назначил автора губернатором. Мол, критиковать зело горазд, как не надо – хорошо знаешь, попробуй сделать – как надо. Салтыков попробовал и... вышел в отставку, вернулся в литературу, снова стал Щедриным»).

5. Сегодня. 1926. 26 янв. (№ 20). В начале статьи помещена фотография Щедрина.

6. Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – литературовед, критик, публицист, переводчик, мемуарист. Сотрудничал с газетой «Сегодня», где помещены более 150 его материалов.

7. Сегодня. 1926. 31 янв. (№ 24).

8. Шалфеев Борис Николаевич (1891–1935) – секретарь газеты «Сегодня», общественный деятель Русской Латвии.

9. Лихачёв В. И. (1837–1906) – петербургский городской голова в 1885–1892 гг.

10. Унковский Алексей Михайлович (1828–1893) – юрист и общественный деятель.

11. Салтыкова Елизавета Аполлоновна (урождённая Болтина) (1839–1910) – дочь вятского вице-губернатора, супруга писателя.

12. Кронштадтский Иоанн (Иван Ильич Сергиев) (1829–1908) – протоиерей, церковный писатель. О взаимоотношениях отца Иоанна и Щедрина см. подробнее в воспоминаниях сына писателя: Салтыков, К. М. Е. Салтыков (Щедрин) и о. Иоанн Кронштадтский // Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. – СПб., 2003. С. 158–160.

13. Беренштам Фёдор Густавович (1862–1937) – архитектор и скульптор.

14. Боткин Сергей Петрович (1832–1889) – клиницист и общественный деятель.

15. Соколов Нил Иванович (1844–1894) – профессор медицины.

16. Васильев Степан Михайлович (1854–1903) – терапевт.

17. Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – известный общественный деятель, публицист и историк.

18. Сегодня. 1926. 29 марта (№ 71 а). Стихотворение помещено в паре с текстом «Достоевский» («Его улыбка – где он взял её?..»)

19. Лотарёв Игорь Васильевич (псевдоним – Северянин) (1887–1941) – русский поэт, в эмиграции жил в Эстонии. Один из самых активных авторов «Сегодня» (опубликовал на страницах газеты более 200 стихотворений, эпиграмм).

20. Слово. 1926. 1 февр. (№ 65). Материал открывается фотографией Т. А. Матисовой.

21. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, юрист.

«Гравил предшественицу гитлеризма»

Об издании произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина в 1941 г.

В. К. Семibrатов

Писатель-классик отличается от своих не увенчанных подобными лаврами собратьев по перу тем, что его творчество всегда злободневно. А иных время попросту делает пророками, подтверждая высказанные ими задолго до происходящих событий мысли и соображения.

К таковым относится и М. Е. Салтыков-Щедрин. Хоть сейчас проецируй на современную действительность высказанные почти полтора века назад прозрения «прокурора русской общественной жизни» (что и сделала однажды редакция «Книжного обозрения», поместив на страницах еженедельника огромную подборку не утерявших своей остроты цитат).

Подобным же образом действительный статский советник М. Е. Салтыков-Щедрин был «привлечён» на службу родной стране, которую, по его признанию, любил «до боли сердечной», когда над ней нависла угроза порабощения «фашистской силой темною». Подтверждением тому служит 64-страничная книжечка «О пруссаках и пруссачестве», подписанная к печати 12 декабря 1941 г., когда враг рвался к Москве. Она была отпечатана в столичной типографии «Красное знамя» 150-тысячным тиражом, пополнив под № 54 библиотеку журнала «Огонёк».

Цель этого издания (кстати, в то же время в названной библиотеке увидели свет и бажовские «Сказы о немцах») была обозначена во вступительной статье «Щедрин и пруссачество». Её автор В. Хандрос,

характеризуя творчество писателя-сатирика, в частности, отмечал: «Нетленные страницы, написанные гневной рукой непоколебимого борца, обрели сейчас новую жизнь... Фашизм будет сметён ураганом всенародной ненависти. И благодарное человечество никогда не забудет, что великий и родной нам Щедрин беспощадно травил смертоносным оружием сатиры предшественницу гитлеризма – торжествующую свинью прусского империализма, уже тогда хрюкавшую о завоевании вселенной».

Одним словом, пространные цитаты из «Истории одного города» (они занимают более двух третей объёма издания), а также из произведений «За рубежом» и «Мелочи жизни», должны были возбудить в читателях ненависть к «предтечам кровавого фашизма», поднять боевой дух защитников Отечества.

«...Так велико могущество художественного обобщения и исторического предвиденья щедринской сатиры, – заключал В. Хандрос, – что за блёклой тенью истинно-русского Глулова и бисмарковской Пруссии перед нами встаёт во всех своих отвратительных очертаниях и гнусных подробностях, во всём своём тлетворном зловонии сегодняшняя гитлеровская угрюмбурчеевская Германия – фашистский ад мракобесия и человеконенавистничества.

Разве приснопамятный градоначальник Перехват-Залихватский, который «въехал в Глулов на белом коне, сжёг гимназию и упразднил науки», или идиотический прохвост Угрюм-Бурчеев – не сатирические предтечи фашистского «фюрера» и всей его своры кровавых псов?!»

Справедливости ради надо сказать, что иные из персонажей щедринской сатиры имеют к «предтечам кровавого фашизма» весьма отдалённое отношение. Ведь многие из немцев на своей новой родине «стали истинно русскими людьми, патриотами России»¹, в коем качестве и прославили наше Отечество на поприще науки, искусства и культуры. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением «мальчика без штанов» из «За рубежом», что немец – это «самый бессердечный притеснитель русского рабочего человека, ...самый безжалостный педагог, ...самый тупой администратор», что немцев «езде ненавидят» и от них «никто... ничего не ждёт, кроме подвоха».

Да, среди выходцев из «Германии туманной» и прибалтийских земель были те, кто, занимая высшие государственные должности, вызывали подчас заслуженные нарекания россиян. Однако многочисленные учёные, писатели, художники, мореплаватели с немецкими фамилиями «во власть не лезли», как «не лезли» в неё «немцы крестьяне, ремесленники, сапожники, булочники»². Не случайно городским обывателям «на протяжении нескольких веков... немцы представлялись как Адам Адамычи и Карлы Ивановичи, которые курят трубки, без меры пьют пиво, попадают в нелепые ситуации по собственной скупости или из-за своего русско-немецкого наречия. <...> Немцы, как правило, ассоциировались с очень умелыми

мастеровыми, домовитыми хозяевами. В народе нередко высмеивали такие достоинства, как бы противопоставляя их русскому «авось». Нашло это отражение и в поговорках: «У немца на всё инструмент есть», «Немецкая учёность», «Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает)». «Настоящим немцем» называли человека, отличавшегося пунктуальностью и педантичностью»³.

Думается, М. Е. Салтыков-Щедрин, как истинный сын своего времени, лишь отразил в произведении «За рубежом» существовавшие в то время в русском обществе антинемецкие настроения, для которых, впрочем, были все основания. Именно тогда «Бисмарк-господин» и его окружение, исходя из «ничем не оправдываемой претензии на вселенское господство», задумали «слопать мир». В результате «за компанию» с этими «держимордами» в глазах россиян невольно пострадали и простые люди, как это позднее случилось в годы Первой мировой войны.

Всколыхнувшийся тогда в наших соотечественниках патриотизм не обошёл, например, стороной известного писателя А. С. Грина, нарисовавшего в стихотворении «О чём пела ласточка» образ немца, который «приехал из Берлина, чтобы нам служить примером – / С замечательным пробором, кодаком и несессером». Разговор с иностранным гостем, рассуждавшим о культуре и дисциплине и ставившим «идеал национальный... / От Калькутты до Марселя, от Марселя до Сибири», завершился тем, что лирический герой «лустил в него стаканом»⁴ (Жириновский, ау!)

Иные настроения испытывала в годы Первой мировой М. И. Цветаева, для которой были важны не «людоедские прусские школы»⁵, а непреходящие во времени «узколиций Кант» и Гёте, что «по аллее / Проходит с веточкой в руке», «вечный Рейн», над которым Лорелея «чешет золотые кудри». Ведь кайзеры приходят и уходят, а «волшебный», «премудрый», «благоуханный»⁶ край остаётся.

Впрочем, был уверен в этом и М. Е. Салтыков-Щедрин, описавший в процитированных в «огоньковской» книжечке «Мелочах жизни» бесславный конец тирана, имя которого «до того погрузилось в мрак, что не только никто о нём не говорит, но даже и не помнит о его существовании, ...а жизнь народная продолжает по-прежнему своё течение». История же, выражает надежду сатирик, «сумеет разобраться в этом наносном хламе и отыщет, где находится действительный центр тяжести жизни».

Как видим, история «разобралась», а гениальный сатирик и здесь оказался пророком.

Примечания

1. Раушенбах, Б. В. Постскрипtum / лит. запись И. Сергеевой. – М., 2002. С. 228.

2. Там же.

3. Поздеев, В. А. «Третья культура»: проблемы формирования и эстетики. – М., 2000. С. 122–123.
4. Грин, А. С. Стихотворения и поэмы / сост.: Н. П. Изергина, В. В. Харчев. – Киров-на-Вятке, 2000. С. 53.
5. Там же.
6. Цит. по: Небесная арка : Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке. – Изд. 2-е / подг. текстов, сост., предисл., перевод, примеч. К. М. Азадовского. – СПб., 1999. С. 18.

Семантика эпитета «великий» по отношению к рекам в вятских исторических источниках XVII–XVIII веков

А. Л. Мусихин

Эпитет «великий» имеет два основных значения – очень большой, огромный; выдающийся по своему значению, влиянию, достоинствам.

По отношению к рекам значение «большой» часто встречается в различных летописях и исторических произведениях раннего нового времени. Так, дьякон Моложского монастыря Т. А. Каменевич-Рвовский в 1699 г. в своём сочинении писал, что холопы селились «по реке Волхову и по реке Мологе и по славной и *превелицей* (здесь и далее выделено мной. – А. М.) реке Танаису, то есть, Волге, до всего нашего крещения всесвятого тако зовомой. И по иным премногим *великим* и *малым* рекам..., таже и по Каме реке и инде предного везде»¹. Понятно, что здесь эпитет «великий» имеет значение «большой» в паре с противопоставленным ему эпитетом «малый».

Для Вятской земли такими великими, то есть большими, реками являются Вятка и Кама. Об этом было известно давно. Епифаний Премудрый знал о величине этих рек и на рубеже XIV–XV вв. в «Слове о житии Стефана Пермского» наряду с Вымью и Вычегдой так описывал их: «Река же третья, нарицаемая Вятка, яже течеть в другую страну Перми и вниде в Каму. Река же четвертая имянем Кама. Сии убо обходящия и проходящия всю землю Пермскую сквозе ню, по ней же мнози языци седять, сии убо грядущия устремлением прямо яко к югу и своим устьем вниде в Волгу, близь града, нарицаемого Болгар»².

Иностранцы также обращали внимание на величину Камы. Английский купец А. Дженкинсон, описывая своё путешествие, отмечал: «14 июня (1558 г. – А. М.) мы миновали с левой стороны *большую* реку Каму. Эта река течет в Волгу из Пермской области, устье ее от Казани в 15 льс. Земля между Казанью и Камой на левом берегу Волги называется Вяткой»³.

Однако в одном из вятских исторических произведений наблюдается неожиданное на первый взгляд изменение семантики данного эпитета. Если автор «Сказания о вятчанех» (СВ) (XVI–XVII вв.), рассказывая о заселении новгородцами Вятской земли, сообщал, что сначала они «придоша на реку

великую глаголемую Каму», а потом часть из них дошла до верховьев реки Чепцы и «поплыша тою рекою вниз из Чепцы в Вятку»⁴, то автор «Повести о стране Вятской» (ПСВ) (около 1706–1710 гг.), для которой СВ послужило основным источником, указывал, что новгородцы «дошедши реки Камь», а потом «исплывше тою реку Чепцу, внидоша в великую реку Вятку»⁵. Произошло явное смещение акцента: для автора СВ великой рекой являлась Кама, для автора ПСВ – Вятка. Почему это произошло, какой смысл в эпитет «великий» вкладывал автор ПСВ?

Ответ на второй вопрос находится в самой ПСВ несколько ниже. Описывая явление чудотворной иконы св. Николая Великорецкого, автор поясняет, что река, где нашли образ, «ныне нарицается Великая река, не ради величества оныя реки и наводнения, но ради великих чудотворений збывшихся по ней имя она река восприяла»⁶. Американский учёный Д. К. Уо полагает, что «этимология Великой реки – собственное изобретение» автора ПСВ, «потому что он хотел подчеркнуть связь места с чудесами иконы»⁷. То есть, для автора ПСВ эпитет «великий» принимает второе основное значение – выдающийся по своему значению. Необходимо отметить, что это значение имеет для него религиозную, православную окраску.

Вероятно, такой же смысл вкладывал автор ПСВ в этот эпитет, применяя его по отношению к реке Вятке. Но почему? Для ответа на данный вопрос необходимо понять основную тему ПСВ. А. Л. Тянгинский называл автора ПСВ «благочестивым местным жителем», написавшим её «с целью поучительною: передать потомству благочестивые подвиги своих предков»⁸. Н. И. Жданов считал его «вятским патриотом», «пытавшимся обелить своих земляков»⁹. А. А. Спицын и А. С. Верещагин полагали, что автора ПСВ в первую очередь интересовали сведения «о событиях церковного характера»¹⁰. Современные литературоведы также считают, что «“Повесть” проникнута духом патриотизма, гордостью за свою древнюю Вятскую землю»¹¹. Наиболее последовательно наличие в ПСВ этих основных тем прослеживает Д. К. Уо. Он пишет, что повествование, «свидетельствующее о местном “патриотизме” автора, проликовано духом “церковного сказания”»¹². «Автор ПСВ придаёт особое значение крестным ходам, поскольку они доказывают святость Хлынова и его роль форпоста борьбы против иноверцев». Одной из основных задач автора ПСВ, как считает Уо, являлось «подчеркнуть значение г. Хлынова как богоизбранного места с самостоятельной историей местной религиозной традиции»¹³. Святость города Хлынова автор подчеркивает описанием чуда, произошедшего при его основании. Когда строительные материалы были уже заготовлены, ночью «Божиим промыслом все изготовление пренесено по Вятке реке ниже на высокое ж паче пространнейшее место»¹⁴. Таким образом, Господь указал место для строительства города. Естественно, в

понимании автора ПСВ река, где произошло такое чудо, и которая даже была его участницей, должна быть великой – значимой, важной, избранной.

Богоизбранность Хлынова и всей Вятской земли начала культивироваться во второй половине XVII в. благодаря активной деятельности второго архиепископа Вятского и Великопермского Ионы (Баранова) (1635–1699)¹⁵. Стараясь поднять статус Вятской епархии, он первым начал строить каменные храмы в Хлынове и других городах епархии. Такое строительство способствовало тому, что Хлынов стал сближаться «с градостроительной символикой столицы всего христианского мира Иерусалимом»¹⁶. Изображённый на иконе «Явление Пресвятой Богородицы преподобному Трифону Вятскому Чудотворцу», написанной в 1692–1695 гг., Хлынов прямо именуется центром православной Вятки: «Столны град Хлынов стоит над рекою Вяткою». Такая икона имела в келье архиепископа Ионы¹⁷. Иона обследовал все местные церковные праздники, выясняя причины их возникновения. «Взвесь все оныя безпристрастным духом и верою, суеверием непомраченную нашел достойными их быть преданными потомству, яко доказанные писменными, и вероятно заслуживающими изустными преданиями»¹⁸. Благодаря этому активизировалась местная литературная деятельность, в результате чего появилось несколько летописных произведений (Летописец старых лет, Вятский временник), агнографических сочинений (Жития Трифона Вятского и Прокопия Вятского, новая редакция «Повести о явлении чудотворной Великоорецкой иконы св. Николая») и, возможно, некоторых других. Во всех этих произведениях прославляется Вятская земля и её главный город Хлынов. Святость Хлынова в «Повести о Великоорецкой иконе» обозначена уже в заглавии: «Повесть о явлении ... образа Великоорецкаго, явившагося в области Вятския страны, в пределех Богоспасаемаго града Хлынова, в веси на Великой реке»¹⁹. Богоспасаемый град Хлынов упоминается в Житии Прокопия Вятского, в тропаре Трифону Вятскому.

Автор ПСВ был младшим современником архиепископа Ионы, поэтому все преобразования на Вятской земле, начатые этим архиереем, не прошли мимо него. Большинство исследователей считает, что автор повести входил в литературный кружок архиепископа Ионы. Это тем более вероятно, если принять вполне обоснованное предположение Д. К. Уо о том, что автором ПСВ был дьячок хлыновского Богоявленского собора Семён Фёдорович Попов (Поповых)²⁰. Именно он написал Вятский временник, в котором подробно освещается деятельность Ионы на Вятской кафедре. Он, по утверждению А. С. Верещагина, записал в Синодик Слободского Богоявленского монастыря память о роде Ионы²¹. И хотя ПСВ сочинена, вероятно, после смерти архиепископа Ионы, автор её в полной мере воспринял идеи, пропагандируемые этим архипастырем.

Таким образом, термин «великая река», воспринимаемый до последней четверти XVII в. однозначно как «большая река», в конце XVII – начале XVIII вв. приобретает на Вятке другое значение – «избранная Богом река», что, скорее всего, связано с деятельностью архиепископа Вятского и Великопермского Ионы (Баранова).

Примечания

1. Каменевич-Рвовский, Т. А. Историческое древнее описание Кенселера Кифича Рвовского о начале Словенороссийского народа и градов Москвы, Новаграда Великого и протчих, писанное собственною ево рукою вчрние лета мироздания 7207 году // Гиляров, Ф. А. Предания Русской начальной летописи (по 969 год). Приложения. – М., 1878. С. 34–35.
2. Святитель Стефан Пермский : к 600-летию со дня преставления / под ред. Г. М. Прохорова. – СПб., 1995. С. 64–66.
3. Дженкинсон, А. Путешествия М. Антона Дженкинсона / пер. С. М. Середонина // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. – М., 1884. № 4. С. 37–38.
4. Уо, Д. К. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север : ист.-культур. связи : (к 210-летию А. Л. Витберга) : материалы междунар. науч. симп. / отв. ред. В. В. Низов. – Киров, 1997. – С. 348.
5. Верещагин, А. С. Повесть о стране Вятской // Тр. ВУАК. – Вятка, 1905. – Вып. 3. С. 28–29 (Отд. 2).
6. Там же. С. 43.
7. Уо, Д. К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. – СПб. : Дм. Булавин, 2003. С. 210.
8. Тягинский, А. Л. Достоверные известия о древней Вятке // ПКВГ на 1857 год. – Вятка, 1857. С. 117.
9. Жданов, Н. И. Василий Буслаевич и Волх Всеславьевич // ЖМНП. – 1893. Окт. С. 314–316.
10. Спицын, А. А. Первый труд по истории Вятского края // ВГВ. – 1888. 15 окт. (№ 83). С. 6; Верещагин, А. С. Повесть о стране Вятской. С. 62 (Примеч. 1).
11. От Трифона Вятского до Ермила Кострова / К. Г. Бронников, Л. Н. Лузянина, В. А. Поздеев // ЭЗВ : в 10 т. [12 кн.]. – Киров, 1995. Т. 2 : Литература. С. 12.
12. Уо, Д. К. Новое о «Повести о стране Вятской» // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (к 625-летию г. Кирова) : материалы междунар. конф. / отв. ред. В. В. Низов. – Киров, 1999.
13. Уо, Д. К. История одной книги. С. 212, 222.
14. Верещагин, А. С. Повесть о стране Вятской. С. 34–35.
15. О деятельности архиепископа Ионы см.: Эммаусский, А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. – Киров, 1956. С. 198–204, 208–212. Совсем недавно появилась новая книга, подробно освещающая все стороны жизни и деятельности Ионы: Маркелов, А. В. Архиерейская дорожка : материалы к жизнеописанию святителя Ионы (Баранова), архиепископа Вятского и Великопермского. – Киров (Вятка), 2005.
16. Низов, В. В. Зарождение православного культа на Вятке // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера : к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца : материалы науч. конф. – Киров, 1996. Т. 1. С. 28; Бадьин, В. М. Русское средневековое градостроительство: от образа к первообразу //

Религия и церковь... – Киров, 1996. Т. 2. С. 194–196. О градостроительной символике см.: Лебедев, Л. (прот.). Москва патриаршая. – М., 1995. С. 287–332.

17. Киселёва, Г. Преподобный Трифон Вятский Чудотворец. К вопросу истории бытования икон на Вятской земле // Кировский художественный музей имени В. М. и А. М. Васнецовых : материалы и исследования (1994–1997). – Киров, 2000. С. 128–134.

18. Вештомов, А. И. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781-й год чрез 600 лет / сочиненная ... А. Вештомовым в 1807 и 808 годах. – Казань, 1907. С. 102–103.

19. Верещагин, А. С. Повести о Великорещской иконе святителя Николая // Тр. ВУАК. – Вятка, 1905. Вып. 4. С. 48–49 (Отд. 2).

20. Уо, Д.К. История одной книги. С. 218–222.

21. Маркелов, А. В. Архиерейская дорожка... С. 36.

Дневник жителя деревни Катаевщина Алексея Михайловича Лалетина

А. Г. Ботев

Среди документов ГАКО в фонде вятского краеведа и журналиста Василия Георгиевича Пленкова хранится дело, которое называется «Дневниковые записи жителя деревни Катаевщина Слободской волости Слободского уезда Вятской губернии». Документ представляет собой тетрадь на 100 страницах. Автор дневника – житель д. Катаевщина Алексей Михайлович Лалетин.

Алексей Лалетин родился в 1875 г., в 1884 г. окончил курсы по изучению грамоты и 1 ноября 1884 г. получил свидетельство об их окончании, что следует из самого дневника, но заниматься грамотой не прекратил, продолжал посещать земское начальное училище, которое находилось в с. Бобино. Молодой человек вёл дневник под руководством учительницы из с. Бобино Лидии Владимировны.

По «Списку населённых мест» за 1876 г. в д. Катаевщина находилось 16 дворов, проживало 40 мужчин и 48 женщин¹. Из переписи землевладельцев и домохозяев Слободского уезда видно, что деревня до революции входила в состав Шепелевской волости Филимоновского 2-го сельского общества, на 1891 г. в деревне проживали следующие домохозяева:

1. Степан Петров Лалетин
2. Егор Петров Лалетин
3. Осип Дорофеев Лалетин
4. Ефрем Осипов Лалетин
5. Константин Ефимов Лалетин (дядя Алексея, родился 19 мая 1852 г.)
6. Михайло Абросимов Лалетин
7. Михайло Ефимов Лалетин (отец Алексея, родился 24 сентября 1848 г.)
8. Сергей Ефимов Лалетин (дядя Алексея, родился 30 сентября 1858 г.)

9. Николай Филиппов Карпов
10. Тит Ефимов Карпов
11. Василий Ефимов Карпов
12. Егор Филиппов Карпов
13. Сергей Филиппов Лалетин ².

По «Списку населённых мест Слободского уезда Вятской губернии» за 1926 г. д. Катаевщина (другие названия – Катаята, Тарасовкий) входила в состав уже Куражинского сельсовета Слободской волости. На 1926 г. в ней проживало 28 мужчин и 28 женщин, а дворов в деревне насчитывалось 11 ³.

Из документов видно, что дед автора дневника Ефим Лалетин родился около 1830 г., умер в 1872 г. Был женат на Маремьяне Аввакумовне (бабушка Алексея), которая родилась также около 1830 г. (умерла после 1886 г.). Отец Алексея, Михаил, был старшим сыном, помимо него у Ефима были ещё сыновья Константин, Андрей и Сергей. Мать Алексея звали Марья Алексеевна Лалетина. У юноши были братья: Павел (1877 г. р.), Иван (1879 г. р.), Василий (1884 г. р.), Семен, Александр, Владимир (родился в 1894 г.) и старшая сестра Афанасия ⁴.

Дневник Алексей Лалетин начал вести в 1894 г. в возрасте 19 лет, это был уже седьмой или восьмой его дневник. Молодой человек писал его для себя. В нём он рассказывал о своей семье, детстве, о деревне и её жителях, делился своими мыслями и чувствами.

Вот некоторые отрывки из дневника:

«1894 год. Деревню Катаевщина многие называют по фамилии Лалетины. А хорошо знающие нашу деревню нередко называют её «ура». «Урой» её называют, я думаю, потому, что народ в этой деревне страшно злой. Народное предание говорит, что эту деревню основал какой-то преступник-татарин, высланный на вольное поселение.

Катаевщина стоит на небольшой горе, понерёк деревни находится маленький ложок, через самый лог мост, пониже вырыта яма вроде ируда, в которой и зимой и летом есть вода. На северо-востоке на расстоянии 18 вёрст от нашей деревни находится город Слободской, в который наши соседи ездят чего купить или продать. На юго-западе на расстоянии 7 вёрст – село Бобино, в земской школе которого учатся наши грамотен.

(Теперь опишу наш дом). Наш дом стоит на середине деревни на левой стороне. Чтобы понятию объяснить устройство дома с пристроем, возьму пример такой: положим три палочки в ряд. Средняя палочка будет разделять всё наше строение пополам. Под средней палочкой будут сначала находиться ворота, в которые мы въезжаем с улицы в ограду, после ворот ограда, далее бег, где лошадь ходит кругом – ворочает колесо, когда мы работаем в маслобойне. За бегом стоит маслобойня, тут положим палочке конец. Под левой палочкой будет находиться сначала изба, дальше сени, клетки, за клетями двор и, наконец, скотная изба. Между скотной избой и маслобойней находятся ворота, через них мы проезжаем в лужок. Под

правой палочкой будет находиться сначала хлеб, дальше двор, погреб, дровяник, в котором находится колодец (только вода в колодце всегда бывает нехорошая). Маслобойню свою я сочту лучше тех, которые находятся в Бобинском приходе. В маслобойне у нас находятся два окна, одно в лужок на запад, другое в ограду на восток, у нас в маслобойне наслан пол, а в прочих ходят прямо по земле, в некоторых есть пол, да я не сочту его хорошим. В прочих маслобойнях работают работники, а хозяева не стараются улучшить её, а у нас наоборот. В избе же у нас 3 окна: 2 окна на восток, а 1 на юг. Изба наша средняя – есть в нашем приходе и в деревне избы лучше и хуже нашей.

25 сентября. Читал книгу «Максим-самоучка». Славная книга, жаль Максима. Молодец Максим, хотя и не слушал родителей.

21-го ноября. Свободный день был. Я много писал да ещё почитал. Думал об училище много. Задавал себе вопросы: зачем в школу хожу, зачем дневник пишу. После решил так: хожу для своей пользы, для умножения знания... В продолжении недели прочитал тетрадь... В тетради стихи... больше всего мне понравились два – «Мать и сын», да ещё самый последний...

«Потихоньку помаленьку

Всё вперёд, да всё вперёд

Глядь! И в нашу деревеньку

Божья грамота придёт...» (Стихотворение написано в дневнике учительницей Лидией Владимировной).

Напишу про наше хозяйство. Мы бьём масло, заработок есть от этого ремесла. Нам всегда за работу остаётся чистого барыша за каждый рабочий день примерно рубля полтора. У нас у крестьян в зимнее время больше двадцати копеек в день не заработать взрослому человеку. А на нашем ремесле можно заработать втрое больше, если постараться...

У нас в деревне богатым считают того, у кого водится в карманах несколько сотен рублей. Главные атаманы в деревне у нас: тятя, да два его брата... Атаманов ещё есть два брата – богатые из полукаменного дома. Эти пять атаманов главные в деревне у нас, остальные мужики подчинённые. Тятя и тятинны два брата страшные враги друг для друга. Они сами не ходят друг к другу, да и жёнам не велят; когда эти атаманы из дома уедут куда, то жены их дружно живут, им и хочется сходить друг к другу, рассказать между собой горе и радость, причинённые мужем. Когда атаман домой возвращается, то выведает у детей своих, где их мать находилась. Дети, конечно, расскажут отцу. Атаман начинает тогда горячиться, ругаться, а после и драться. Жена, конечно, не в силах с мужем бороться и ей достаётся...

8-е декабря... Меня никто не уличал в обмане или воровстве, а тятю однажды уличили... Однажды он у купца в городе семя купил: семя было в кулях. Тятя домой семя в кулях и возил. Семя было куплено много и мешки

все были новые... он и вздумал переменить один – вместо нового положил свой старый. Мы ему говорили: «Тятя, не меняй!» Он нас не послушал, увёз старенький куль... но не удалось ему обмануть, там догадались, что мешок старый, и не взяли. Тятя сказал кушцу, что по ошибке так сделал. Когда он приехал домой, то мы спросили его: «Как делишки?» Он ответил: «Не взяли!»

Я про тятю написал чего он делает худо, ...теперь напишу про себя... Ходил я раз за скотом, который гуляет у нас летом на выходе (выходом мы называем то место, где есть покосы, леса и болота, одним словом, где растёт трава). Вот иду, а по дороге мне попался маленький перелесок, а в нём стояло много сильев (сильями ловят тетеревов). Смutil меня бес в это время, мне страшно захотелось украсть эти сильья, но воровать забоялся. Дело было днём после обеда. Страх был из-за того, что я знал одного человека, который ходил воровать сильья, да и попался. За это его сделали калекой. Я хотя и расстался с силььями, но они не выходили у меня из головы, сильья умею готовить сам, дело это нехитрое, возьмут примерно волосов 12 из конского хвоста, да совьют их. Веревочкой сделают петельку удавкой и сило готово. Умел и мог бы приготовить сильья, да не захотел – захотел украсть... Однажды в тёмную глухую полночь вышел из дома, страх меня так и схватил – все люди спали и только я, безумец, приводил свой план в исполнение – направил свои шаги в лес по дороге и быстро пошёл. Заранее думал, что в это время план провести безопасно, но нет... Меня всю дорогу било как в лихорадке... Когда шёл не по лесу, то не видел кругом ничего, вокруг было тихо, а когда зашёл в перелесок, то почудилось мне, что кто-то по лесу гуляет. Стал чутко прислушиваться и тихонько пробираться к желанному месту. Я знал, что в полночь в лесу нет никого... умом воображал: «Это никто не гуляет, а просто деревья от ветра поскрипывают». <...> Меня обдавало холодом сильно, хотя и было тепло. Когда приблизился к желанному месту, то стал искать сильья. Поискал и нашёл, но дрожащей рукой не мог их отвязать, поэтому стал рвать. В это время (кажись, я без памяти был) мне чудилось будто бы кто-то в кустах за мною следит и вот руки в потёмках забирают меня и хотят задавить за неудобное дело. Я быстро побежал из леса. Изорванные сильья тащил в руках. Слышу – погоня за мной, я старался скорее убежать, но не мог – все мои члены дрожали. Опомнился уже в поле и всё разобрал: погони за мной не было, а только от сильного страха почудилось мне это за негодно сделанное дело.

26 января 1895 года. Тятя из братьев самый старший. Ему приходилось всегда больше братьев работать. Дедко, тятин отец, говорят, был на деньги жадный, страшно был скуп. Из-за этого он и заставил тятю обрабатывать землю. Тятя говорит: «Я с 13 лет за сохою ходил». Он был молод ещё, работа была не под силу ему, за это его дедко здорово бил. Когда дедко жив был, то и семья вся вместе жила. Дедко недолго жил. Он

при жизни своей сумел женить только двух сыновей, взял невесток по вкусу себе, а не детям, из-за этого тятя и Костя с жёнами немирно живут. Тятю били, держали более всё под запором: его заставляли водиться над маленькими братьями, а чтобы он не оставлял одних братьев, всех их запирали в доме. Дедко с бабушкой тогда уходили на работы хозяйственные. Скучно было детям, от скуки они начнут играть... да и сломают что-нибудь. Бывало когда гости у дедки, дедко их угощает, кормит послаще и чаем поит, а ребята – тятя и братья – в углу сидят... и смотрят, как у них в доме веселятся и Сергей (младший брат) ненаглядный с ними. Эти три брата точно пленники были и злобно укоряли Серьгу своими глазами, а слова сказать не смели. Они ненавидели Серьгу, а бабушка этих троих ненавидела. Когда дедко умер, тятя сделался полным хозяином в доме. Дедко, видя при жизни ещё нелюбовь трёх старших сыновей к бабушке, за неё боялся, поэтому имущество разделил между сыновьями, а денег дал только по 50 рублей каждому сыну, остальное отдал всё бабушке...

Я с тятей почти неразлучный был с 7 до 15 лет. В эти 8 лет он меня учил ко всему... Он работе учил где попало меня, а если что ему не хотелось при всех рассказывать, то он в дороге учил и рассказывал мне. Мы раньше ездили с ним на одной лошади, тятя меня брал для ученья больше, а не для помощи, он брал и учил, как скот покупать, как товар от скота продавать... одним словом, как надо жить, как и где можно деньги нажить... Он с мамой немирно тогда жил, от неё всё под замком держал... Держал в это время тятя работницу, работницу по наружному виду только, а если, по правде сказать, то она не работница в доме была, а хозяйка. Этой хозяйки мама должна была спрашивать, что ей тятя приказал. Чего работница маме делать велит, то мама и делала, а если мама работницы не послушает, то та только и ждёт, когда тятя на маму кинется и убьёт её до полусмерти... Тятя работницу так любил, что готов был сделать всё для неё... и вёл с ней распутную жизнь. Он не думал, что в таких близких людях к нему таится великое зло, сильно верил им, но напрасно: они его сделали бедным, половину богатства отняли... Когда он в Слободском у них находился, то в это время у него больно хорошую лошадь со всей упряжкой украли. Другой раз эти же милые ему люди у него бумажник с деньгами украли, <...> сколько денег в бумажнике было, он не рассказывает, видно было немало.

Тятя в дороге рассказывал мне, как он ребёнком жил, как играл, как работал, торговал, покупал, как вино пить учился, как женил отец его, и в конце как он с семьёю делился. Вот говорит: «Бабушка Костю всё разбивала, а Костя сначала не слушал бабушкиных слов (с тятей жил заодно)... и тут же ласкала, предлагала ему счастливую спокойную жизнь в родительском доме, уверяла, что тятя не будет с ними жить, а разделится... Костя слушал, слушал, да и сдался... от тяти стал отставать потихоньку... а после глядишь наготово отстал... где можно тятю стал прижимать, Серьга и

бабушка тоже. Тяте тогда стало жить тяжело и маме тоже. Видя всё это он не захотел с ними жить, задумал делиться... Денег-то, видно, накопил же, когда мирно с Костей жил... Когда тятя выстроил одну только избу, то немедленно и ушёл в неё жить. Когда Серьга женился, то с бабушкой вместе начал Костю опять прижимать. Костя от них потерпел, потерпел и разделился. Теперь они три брата все враги стали друг на друга. Серьга тятю и Костю казался врагом ещё с малых лет. Тятя с Костей стали враги из-за дельбы, да ещё вот из-за чего. Однажды тятя много зарезал скота и уехал продавать мясо в Слободской, а Костю чего-то в глаза и ступило, захотел он кожи у тяти отнять (видно имел зло на тятю какое-нибудь). Когда тятя в город уехал, то Костя пришёл к маме и говорит: «Миша кожи велел отвезти в Вятку продать, так давай их». Мама, конечно, поверила. Костя кожи увёз, продал, а деньги тятю не отдал. За это тятя врагом стал на Костю.

У бабушки денег много было и с деньгами ей было хорошо. Она при деньгах занималась странствованием, ходила в Соловецкий монастырь, Киев, Верхотурье, Иерусалим старый и новый. Я думаю, что бабушка израсходовала на это денег немало. Она чуть не каждый год уходила из дома на долгое время. Видя всё это, Серьга начал обижаться. Он думал, что после смерти её возьмёт все деньги себе. Бабушка, когда вздумает совершить дальнейшее путешествие, то призывает своих сыновей и даёт им денег всем поровну, когда по 25 рублей, а когда и по 50. Серьга, таким образом, получить один все деньги не мог, да вдобавок он ещё терял человека. Когда бабушка уйдет странствовать, то жена Серьги от дому уйти никуда на работу не может... Серьга, за потерю человека и денег больших, из любимого Сергея для бабушки стал величайшим врагом. Бывало, придёт бабушка к нам и давай рассказывать что-нибудь про странствование, мы её слушаем и бабушке веселее с нами (чем у Серьги). Бабушка сильно внучку любила, мою старшую сестру... Когда бабушка дома, то с внучкой она почти неразлучна была... бабушка к внучке всё ходила да ходила глядишь и с тятей смирилась и тятя стал сын любимый у бабушки. Однажды случайно увидел я – раз бабушка тятю сотенный билет в руки даёт. «На, – говорит, – ремесло для ребят заводи». Деньги она отдала, да и сама ушла. Когда бабушка ушла, то я тятю спросил: «Тятя, на какое ремесло тебе бабушка деньги дала?». Он говорит: «На масляну!»⁵

На этом житель деревни Катаевщина заканчивает свои «записи».

Из дневника видно, что его автор – умный, любознательный молодой человек, было бы интересно узнать его судьбу и судьбу членов его семьи.

В фонде Шепелевского волостного правления хранится гражданское дело по «иску крестьянина Алексея Михайловича Лалетина к родной матери его, Марии Алексеевне Лалетиной, об обязанности её выделить часть покоса». Из документа видно, что в семье нашего героя и спустя много лет после написания дневника не всегда было взаимопонимание.

Началось дело 23 июня 1908 г.

Заявление

В своём решении от 19 августа 1907 года Шепелевский Волостной Суд постановил: подворный покос отца моего Михаила Ефимовича разделить на семь равных частей по 1,12 десятин.

Подчиняясь упомянутому постановлению, отец мой Михаил Ефимович взял себе облобованную часть и в остальные покосы не вмешивается.

Что же касается родной моей матери Марии Алексеевны, то она равномерно по качеству делить покос не соглашается, и вопреки постановлению Суда от 19 августа 1907 года, даёт мне только самую худшую часть покоса по её усмотрению. Я лично со своей стороны согласен взять и самую худшую часть покоса, но только при том условии, если мать моя примет во внимание указанные мною на плане границы.

Заявляя о сём, я не хочу добиваться какой-либо корыстной цели, доказательством чего может служить то, что я предоставляю ей выбрать не один только, а все пять наделов, а мне оставить лишь только один надел якобы самый худший, но только по указанным мною границам. Указанные же матерью участки, если придерживаться справедливости, давать в надел кому-либо из нас братьев, ни в каком случае невозможно. В заключение сего прошу Волостной Суд обязать мою родную мать Марию Алексеевну Лалетину, дать мне в надел покос какой угодно по её усмотрению, но только по указанным мною на плане границам»⁶.

Ниже написано: «Истец и ответчик повестки (в суд) получили; но за состоявшейся мировой сделки о разделе покоса затруднять Волостной Суд своим присутствием считаем излишним и дело кончили миром. Истец А. М. Лалетин, свидетель брат истца Иван Михайлович Лалетин»⁷.

Из другого документа – сельскохозяйственной переписи 1917 г. видно, что оба дяди Алексея Константин (которому в 1917 г. исполнилось 64 г.) и Сергей Лалетины (59 лет в 1917 г.), помимо работы в сельском хозяйстве, занимались торговлей мясом. Отец Алексея Михаил Ефимович Лалетин, которому в 1917 г. исполнилось 70 лет, «живёт у Вахрушей», а «наделная земля и усадьба (отца) числятся за сыновьями, а покосом владеет он сам». Брат Алексея Иван Михайлович Лалетин стал милиционером «на Зонихе», вместе с ним жили ещё трое братьев автора дневника, один из которых, по-видимому, Павел Михайлович Лалетин, «почтовый чиновник, живёт в Вятке». Вместе с Иваном жила и мать Алексея, Мария Алексеевна Лалетина.

Сам Алексей жил отдельно от своих братьев. Он женился, его жене в 1917 г. исполнилось 38 лет, а ему 43, у них есть сын 9 лет, который учится грамоте, и дочь 15 лет (грамотная, жена тоже)⁸. Из документа видно, что автор дневника с 1901 г. служит в Вятской уездной земской управе, в Вятке⁹.

Примечания

1. Вятская губерния : список населённых мест по сведениям 1859–1873 гг. – СПб., 1876. С. 640.
2. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1783. Л. 8 об.
3. Перепись населения 1926 г. по Вятской губернии.– Вятка, 1926. Вып. 9. С. 39.
4. ГАКО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 14. Л. 356 об.–358 об.
5. ГАКО. Ф. Р. 128. Оп. 1 а. Д. 8.
6. ГАКО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 620. Л. 1–1 об.
7. Там же. Л. 2 об.
8. ГАКО. Ф. 574. Оп. 6. Д. 109 а. Л. 51.
9. ГАКО. Ф. 616. Оп. 10. Д. 2589. Л. 1 об. – 3.

ВОСЬМЫЕ САЛТЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (1996)

«Месяцеслов Салтыковых на 1828 год»
(Светлой памяти В. П. Саватеева)

Т. Мамедова

Летом нынешнего года [1996] музею М. Е. Салтыкова-Щедрина, родине писателя, исполнилось десять лет. Так уж вышло, что музей не имеет мемориальных вещевых источников. Зато располагает немалой коллекцией письменных, в частности, книг из библиотеки Евграфа Васильевича, отца сатирика.

Как первоисточники жизни салтыковской вотчины, интересны домашние календари-месяцесловы: 21 книга хранится в фондах Талдомского историко-литературного музея. Талдомский журналист, щедриновед Владимир Павлович Саватеев прочитал их с большим знанием родных мест, результаты находок, открытий опубликовал на страницах районной газеты «Заря», будучи её редактором. Так что месяцесловы Салтыковых известны землякам сатирика. К 150-летию писателя Пушкинский Дом издал сборник «Салтыков-Щедрин и русская литература» (Л., 1991). В нём – статья В. П. Саватеева «Жизнь Салтыковых по месяцесловам». На 20 листах рассказана жизнь усадьбы по записям трёх поколений Салтыковых.

Моя задача скромнее – показать жизнь Спасского 170 лет назад. Хорошо бы – в год рождения Михаила. Но месяцесловами на 1825, 1826 гг. мы не располагаем, как и сведениями, сохранились ли они вообще. А ближайший к интересующему нас времени – месяцеслов на 1818 г.

Прежде, однако, следует напомнить, что означает само слово «месяцеслов». В словаре Брокгауза и Ефрона читаем: «При самом основании Академии Наук (1724) ей представлено было исключительное право издавать календари. Впервые права эти АН осуществила в 1727 году, издав календарь на 1728 год, после чего академические календари выходили ежегодно до 1869 года. С 1770 года они носили название месяцеслов. Академические месяцесловы имели преимущественное просветительское значение, особенно в прошлом столетии, их справочная же часть совершенствовалась довольно медленно». «Это были своего рода домашние календари», – делает вывод В. Саватеев. И действительно это так – на

чистых листах-вкладках, коих было двенадцать (по числу месяцев), владелец месяцеслова делал записи дневникового характера, какие считал важными, существенными.

Самый ранний календарь, сохранившийся от Салтыковых, – месяцеслов на 1791 г., самый поздний датирован 1865 г. Своеобразная летопись воссоздаёт жизнь семьи на протяжении 85 лет. Год, указанный на книге, не всегда совпадал с записями именно этого года. Так, месяцеслов на 1828 г. содержит записи 1828–1834 гг. Первый летописец – бабушка писателя Надежда Ивановна, была достаточно образована. Записи шестидесятых XIX в. вносились, по-видимому, под диктовку Ольги Михайловны, матери писателя, и наследника Спас-Угла, брата Дмитрия. В начале века календари вёл отец писателя Евграф Васильевич – человек весьма образованный, письмо у него аккуратное и мелкое, почерк без наклона. Писали тогда чернилами, на листе укладывалось немало фактического материала. Месяцеслов на 1828 г. заполнен рукой коллежского советника Евграфа Салтыкова.

Размер книги в мягкой обложке 12х20, в ней 220 страниц. На титульном листе читаем: «Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1828, которое есть високосное, содержащее в себе 366 дней, сочинённый на знатнейшие места Российской Империи. Издано в С.-Петербурге, при Императорской Академии Наук». В конце книги – рукой летописца начертано: «Сей календарь куплен в Москве января 2 дня 1828 года».

Что находим в месяцеслове? Как и всех русских людей, Салтыковых интересовала погода. Интерес не праздный, если учесть, что результат хозяйствования вотчины за год определяли сельскохозяйственные дела. Находим записи о расширении вотчины, что вполне понятно. В усадьбе постоянно что-то перестраивалось, приобреталось, «присовокуплялось». Салтыковы много жаловали на храмы, строили или помогали их обустроить, делали дорогие вклады. О записях церковного характера Саватеев пишет так: «Таких хроникальных записей в совокупности насчитывается до тридцати, и они уступают по объёму, может быть, лишь “Подорожной”. В месяцеслове на 1828 г. мы находим записи о поездках в Заозерье, Ярославль, Москву. Именно в этом домашнем календаре находим первую запись о Мише, его первом большом путешествии. Мише в это время пять лет, а Евграфу Васильевичу – пятьдесят пять. И он часто болеет, лечится. Итак, погода, дороги, болезни, домашние и церковные хлопоты – вот чем живёт спасская вотчина.

С записей о погоде начинается рукописная часть календаря: «1828 года марта 6-го дня была стужа на десять градусов». Записи о погоде – и ничем не примечательные, и «чрезвычайные»: «1828 года апреля 8-го дня пополудни в 8-м часу был гром и молния, и весь снег стаял. <...> 1831 года августа 24-го дня при 1 градусе тепла шёл снег большой, коим покрыло всю

землю. <...>1831-го апреля 19-го дня в день светлаго Христова воскресения в 5 часу пополудни был гром, молния, радуга и дождь».

Всего в календаре семь записей о погоде (в раз записывали наблюдения дней за 15–20 и более (или больше, если считать, что перечисления дождя, града, снега перемежаются вставками житейского характера. Открываем страницу 12-ю и читаем подряд: «1831-го марта 29-го дня в 1 часу пополудни было тепло на 11 градусов.

1831 года марта 4-го дня продана рожь Станковскому мужику по 12, 25 р. за четверть.

1832 года марта 30-го дня пополудни в 4 часа Евграф Салтыков отворял себе в селе Спассе пиявочную кровь, для коей употреблено было шесть пиявок.

1831 года ноября 10-го дня Евграф и Ольга Салтыковы отправились в 1-м часу пополудни в Москву, а приехали во онаю 12-го числа ввечеру, из Москвы по получении купчей на село Заозерье с деревнями выехали они 1832 года марта 7-го дня в понедельник в 4 часа пополудни, а приехали в село Спасское того марта 9-го числа в 2 часа пополудни. Оное же село Заозерье с деревнями куплено Ольгою Михайловною Салтыковою в Московском Опекунском Совете с аукционного торга 1829-го марта в 14-й день, ...на оное имение, состоящее из 1062 ревизских душ, ...купчая крепость 1832-го года февраля в 24-й день, которая и выдана госпоже Салтыковой... 1828 года апреля 8-го дня пополудни в 8-м часу был гром и молния, и весь снег растаял». В месяцеслове пять раз упомянуто, что Евграф Салтыков «отворял пиявочную кровь», дважды – «присхал в Москву... и по совету доктора... употреблял искусственныя минеральныя воды теплая...»

Ну, а что в Спасском? Вотчина растёт. Вот уже закуплено крупное имение Заозерье в Ярославской губернии. Заметим попутно, что земли, кроме Тверской, закупились в Костромской, Вологодской, Тамбовской и Ярославской губерниях.

О хозяйственных делах находим пометы на странице 40: «1828-го года сентября 15-го дня окончена стройка грунтового сарая в селе Спасском и начата в оной садка деревьев фруктовых сентября 28-го числа». Какие саженцы покупались, какие прижились, какие – нет, всё считается, записывается тщательным образом. А в 1830-м году из Спасской оранжереи (с. 44) уже продаются фруктовые деревья. Указывается, кому, по какой цене.

Евграф Васильевич успевает посещать святые места. Есть в этом месяцеслове «Описание тех мест, в коих Евграф Салтыков был на освящении церквей». Время – 1820–1821, 1828–1829, 1831, 1837 гг. В большинстве храмы расположены окрест Спасского – сёла Хотча, Троицы на Нерли, Кропотки. Есть среди названных мест «монастырь близ города Углич», г. Кашин и другие, всего 16 храмов.

В этом «Описании...» есть запись об освящении приделов церкви в с. Спасском во имя Преображения Господня (ныне здесь расположен музей

писателя и совершаются религиозные отправления): «...Освящал Тверской Соборный Священноиерей Михаил Петрович Полубенский в 1820-м году сентября в 19-й день».

Находим немало и других сведений о благоустройстве этой церкви: «1832-го года... июля 3-го дня в воскресенье ставил кресты на колокольню и трапезную кровельщик Пётр Парамонов Угрюмов, который крыл железом колокольню и опаивал шпиль жезью за 100 монетою...»

1832-го года октября 18-го дня на совершенно оконченную каменную, штукатурную и кровельную работами села Спасского колокольню повешены колокола, из коих в самом большем колоколе весу 9 пудов 23 фунта».

О делах родительских. Мы знаем, что в семье родилось девять детей, рождение двоих из них указано в месяцеслове на 1828 г.: «1829 года декабря 22-го дня пополудни в половине второго часа разрешилась от бремени Ольга Михайловна сыном Сергеем, который и крещён был декабря 25-го дня священником села Спасского Иоанном Яковлевым».

«...В субботу июля же 21 дня 1834 года в половине 12-го часа Ольга Михайловна Салтыкова разрешилась от бремени сыном Илиёю, который и крещён того же июля 24-го дня в церкви св. Николая Чудотворца, что на Песках...» (в Москве).

В других календарях указаны рождения пяти детей – Надежды (1818), Дмитрия (1819), Николая (1821), Веры (1822), Любви (1823). Софья умерла в 1825-м, не прожив и года.

В этом календаре находим первую запись о Михаиле: «1831-го года августа 21 дня поутру в 8-м часу Ольга Михайловна с детьми своими Дмитрием и Михайлом Салтыковыми выехали из села Спасского, а приехали в Москву в дом батюшки Михаила Петровича Забелина августа 23-го дня в 9 часов утра, возвратились в село Спасское октября 3-го дня пополудни в 10 часов». Госпоже Салтыковой предстояло оформить купчую на Заозерье, Дмитрий после летних каникул возвращался в Московский дворянский институт, а для «Михайлы» это было первое в его жизни большое путешествие.

Прочитав только один домашний календарь Салтыковых, можно утверждать, что Михаил Евграфович хорошо запомнил детство, утверждая в «Пошехонской старине»: «Это были настоящие поместные дворяне, которые забились в самую глушь Пошехонья, без шума собирали дани с кабальных людей и скромно плодились...»

Выходит, для Салтыковых не существовало царя, России? Выходит, так. Впрочем, одна запись есть: «В 1830-го года марта 6-го дня подано прошение в Московский Опекунский Совет о выдаче купчей на село Заозерье, а того же марта 7-го числа прибыл император в Москву». О царе пишут мазком, после «купчей». Не могли тогда, в 1830-м, Салтыковы знать, что николаевская реакция обожжёт и их гнездо, затерянное «где-то в углу,

среди болот и лесов». Царский гнев падёт на начинающего литератора, и он узнает далёкую Вятку.

Примечания

1. Саватесв, В. Жизнь Салтыковых по месяцесловам // Салтыков-Щедрин и русская литература. – Л. : Наука, 1991.

2. Месяцеслов на 1828 год [из 6-ки Е. В. Салтыкова] // Фонды Талдомского ист.-лит. музея.

М. Е. Салтыков-Щедрин – теоретик литературы

Г. А. Шестопалова

Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина обладает столь яркой эстетической концепцией, что проблемы литературы, теоретически осознанные им, кажутся занимающими подчинённое значение. Однако они естественно взаимодействуют с художественными сюжетами и образами в каждом произведении. Весь объём наследия сатирика, от первых повестей 40-х годов до «Пошехонской старины», содержит теоретические экскурсы, отражающие взгляды писателя на развитие реализма. Отношение писателя к современной литературной науке и теоретические воззрения выкристаллизовываются из высказываний, ассимилированных в его произведениях. В творчестве 40-х годов они ещё сближены с традициями В. Г. Белинского, гоголевских авторских отступлений, но в 70-е годы становятся научной кафедрой, с которой провозглашаются закономерности развития литературы, имеющие принципиальное теоретическое значение.

Синтез эстетического, публицистического и научного в произведениях Салтыкова-Щедрина связан со специфическим и самобытным пониманием значения литературы, на что неоднократно указывал сатирик. Например, в цикле «Круглый год» мы читаем: «Литература одна из необходимых функций общественного и государственного организма»¹, а в статье «Уличная философия»: «Литература и пропаганда – одно и то же»². Литературная деятельность является для Салтыкова-Щедрина частью служения общественному прогрессу. В условиях борьбы направлений она, по мнению писателя, призвана объединять людей, как говорит он в цикле «Наша общественная жизнь», «грудыю стоять» за правильное понимание действительности. Связь литературы с «политическими горизонтами» эпохи³ подсказывает писателю необходимость активной борьбы за творчество, отражающее идеи эволюционного диалектизма.

Салтыков-Щедрин во всех своих исканиях чужд кабинетной замкнутости. Он видит огромную преобразующую силу литературы, позволяющую ей выступать действенным средством общественной борьбы.

Ему свойственен углублённый социально-философский подход в осознании особенностей предмета литературы. В борьбе за логический анализ фактов сатирик выступает как последовательный сторонник теории отражения действительности. Он утверждает: «Способность созерцать – способность синтетическая. Она даёт нам возможность усматривать строй и гармонию в разрозненных данных, добытых анализом, группировать их и вообще обращаться с ними, как с матерьялом, преисполненным жизни и значения»⁴.

Борьба за реализм, изучение его особенностей и возможностей составляет главный пафос теоретических исканий писателя. Он считает реалистическое направление «воплощением духовных сил страны», «действительно господствующим направлением в нашей литературе»⁵. Реалистическая концепция писателя связывается не только с понятием метода, но и общественного мировоззрения, социального сознания, коллективной психологии.

Творчество для Салтыкова-Щедрина – это целенаправленный процесс общения не только с действительностью, но и с читателем. Ориентация на читательские потребности, понимание огромных познавательных возможностей литературы, делающих её неотъемлемым фактом развития общества, свидетельствует о высокой гражданской позиции писателя-гуманиста. Заботой о читателе проникнуты теоретические выводы Салтыкова-Щедрина: «Ничто лучше не объяснит читателю известного явления, как представление его в живом образе. Был бы только образ не искажённый и верный действительности»⁶.

Концентрированность и компактность теоретических выводов Салтыкова-Щедрина говорит о целостности научной концепции, которой он владеет в совершенстве. Эстетика Салтыкова-Щедрина значительно обогащает и развивает исходную программу реалистического творчества, составившую главную заслугу Белинского – теоретика реализма. Реалистическая концепция Салтыкова-Щедрина реализуется в изучении всех проблем его методологической структуры. Писателем сделаны теоретические выводы о жизненной правде художественных образов, о тенденциозности, типизации, значении сатиры и особенностях форм сатирического письма, о новой жанровой специфике романа и драмы, им оцениваются возможности сюжетно-композиционных структур общественных тем, детализируются представления о художественной стилистике и возможностях эзоповского письма, конкретизируется представление о народности и национальных особенностях литературы.

По-новому, в единстве прошлого, настоящего и будущего, понят временной масштаб произведений: «Реализм не имеет права обойти молчанием ни его прошлое, ни отказаться от исследования... будущих судеб его, ибо это прошедшее и будущее хотя и закрыты для невооружённого глаза, но тем не менее, совершенно настолько же реальные, как и настоящие»⁷. Вопрос о художественной перспективе реалистического

образа впервые так осмыслен в литературоведении, здесь выражены новые представления о диапазоне художественного сознания и его отношения к прогрессу.

Утверждение реализма ведётся Салтыковым-Щедриным и непосредственно в полемике, которая развёртывается на страницах художественных произведений и художественно-публицистических циклов в авторских отступлениях и приобретает нередко остродраматические оттенки. При этом Салтыковым-Щедриным высказываются мысли удивительной проницательности и теоретической глубины. Едва ли не впервые в цикле «За рубежом» им ставится вопрос о национальной специфике реализма.

Национальной гордостью Салтыкова-Щедрина были определены критерии народности, за которые он боролся. Реалистическая литература, утверждает писатель, интересуется не частными подробностями, а общими закономерностями. Проблемы типизации подсказываются самой жизнью, а не искусственно создаются путём введения индивидуального факта в типический, утрируя его таким образом. «Никакая личная драма не может иметь места иначе, как в связи с драмою общею»⁸. Эти выводы писатель применяет и к сатире. Он пишет: «Сатира, замыкающая себя в кругу общественных курьёзов и странностей, ... едва ли может даже заслуживать названия сатиры»⁹. Прогрессивные идеалы общественного сознания, верно поняты и прочувствованные писателем, воплощаются в создании литературного произведения. «В самом деле, – отмечает Салтыков-Щедрин, – для того, чтобы сатира была действительно сатирою и достигала своей цели, надобно, во-первых, чтоб она давала почувствовать тот идеал, из которого отправляется её творец её, и, во-вторых, чтоб она вполне сознавала тот предмет, против которого направлено её жало»¹⁰.

Салтыков-Щедрин, сердце которого «переболело всеми болями того общества, в котором он действует», новаторскую тенденцию своей сатиры воплотил в художественных образах. Идеологическая сфера сатирических циклов, будь то «Губернские очерки», «Благонамеренные речи» или «Мелочи жизни», направлена на искоренение общественных аномалий, на распознавание сущности социального зла, на утверждение нравственных критериев человеческого общежития, на «выпрямление» человека. Его сатира обладает интенсивностью внутреннего роста, эволюцией художественных форм, воссоздающих летопись эпохи на большом историческом пространстве.

Весь фонд своих теоретических открытий и выводов Салтыков-Щедрин апробирует своим творчеством. Многие его теоретические наблюдения приобретают итоговое значение, они подсказаны большим писательским опытом.

Новаторски переосмысливает Салтыков-Щедрин устоявшиеся жанровые формы. Определение современного романа, данное им в

«Господах ташкентцах», отличается плотностью взаимодействия с действительностью, глубиной социологического анализа, точностью научных представлений. Это свидетельство обширной эрудиции писателя, способного не только создавать, но и теоретически обобщать свои эстетические открытия. Умение не только эстетикой образа выявить текучесть жанровых представлений, но и научно осознать процесс развития художественной формы выделяет Салтыкова-Щедрина среди писателей-современников.

Проблемы теории реализма, рассмотренные Салтыковым-Щедриным, при суммарном осмыслении выливаются в стройную и завершённую систему научных представлений, в которых подведены итоги творческим наблюдениям и раздумьям об этом методе на большом временном этапе от 40-х до 80-х годов XIX в.

Примечания

1. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. – М., 1972. Т. 13. С. 457.
2. Там же. Т. 9. С. 62.
3. Там же. Т. 6. С. 14.
4. Там же. Т. 5. С. 196, 8.
5. Там же. С. 196.
6. Щедрин, Н. [М. Е. Салтыков]. Полн. собр. соч. – М., 1941. Т. 5. С. 35.
7. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. – М., 1966. Т. 5. С. 197.
8. Там же. Т. 9. С. 323.
9. Там же. Т. 5.
10. Там же. С. 430.

Проблемы типизации и реалистически-сатирического изображения действительности в литературной теории Г. Каменьского

О. А. Полякова

В середине XIX столетия в Вятке пересеклись судьбы двух талантливых людей – русского писателя, только начинающего свой творческий путь, М. Е. Салтыкова-Щедрина и поляка Г. Каменьского, который пользовался большим авторитетом у себя на родине как идеолог национально-освободительного движения, философ, публицист и литературный критик. Если в российском щедриноведении имя Г. Каменьского практически не упоминается, то благодаря исследованиям вятских литературоведов и историков – Е. Д. Петряева, Н. П. Изергиной, В. М. Фоменковой и других – факт знакомства этих двух людей подтверждён документальными источниками¹.

Г. Каменьский и М. Е. Салтыков-Щедрин встречались в доме А. П. Тиховидова, преподавателя словесности Вятской гимназии, на литературных «четвергах», где велись разговоры о новинках литературы, обсуждались проблемы, связанные с художественным творчеством. Опираясь на ранние критические работы Г. Каменьского, можно определить, какие мысли высказывал в ходе этих бесед польский философ и публицист, который по праву считается одним из основоположников реалистического художественного метода в Польше.

Свои взгляды на явления литературной жизни Г. Каменьский излагал на страницах периодической печати, а также в форме теоретических трактатов. Этапной стала статья «Захолустье», опубликованная в журнале «Научное обозрение» в 1843 г. Она явилась откликом на первый том «Захолустья» Л. Дунина-Борковского, произведения, где эссе-фельетоны перемежались бытовыми сценками, диалогами, ситуациями, которые могли бы перерасти в роман.

Г. Каменьский рассматривает это произведение, посвящённое критике обычаев и нравов шляхты, как типичное. Из-за цензуры он не говорит подробно ни об авторе, ни о самом произведении, но использует проблематику романа как повод высказать свои мысли о реализме в литературе.

Критик выдвигает тезис о том, что литература оказывает очень важное воздействие на общественное сознание, пусть «не молниеносное, но медленное, постепенное и верное». Литературное произведение, описывающее быт и нравы, помогает познать жизнь, образовывает читателя, поэтому писатель должен в своих творениях затрагивать главные проблемы времени. Только тогда можно будет исправить «дурные привычки», «пороки и грех», только тогда произведение заинтересует публику, только тогда придёт к автору и литературная известность.

Современная польская бытовая повесть и драма, по мнению Г. Каменьского, не дают полного реалистического видения действительности, хотя и основаны на правдивых фактах. Посвящённые критике обывательства, они показывают вырождение тех, кто присвоил себе право управлять народом. «Если критика устоев общества вместо того, чтобы быть серьёзной и суровой, будет лёгкой и шутилой, не соскользнёт ли она на приятельские отношения, не выявляя зла в самом источнике порока?» – задаёт вопрос критик².

Г. Каменьский заостряет внимание на том, что предметом критики в литературном произведении должны выступать не конкретные личности, а пороки. Иначе оно превращается в жалкий пасквиль, а реализм в этом случае носит поверхностный, ограниченный характер, так как даётся не действительность, а её видимость. Таким образом, заключает Каменьский, писатель, избравший предметом своего творчества критику обывательства, должен прежде всего учитывать основные проблемы своей эпохи и через

создание типических образов раскрывать их в своём произведении. Пороки, которые весьма распространены в обществе, следует «представлять в смсшном виде» или показывать их так, чтобы «общество почувствовало необходимость изменения», а сами «люди с дурными привычками» невольно перевоспитывались бы под воздействием правды. Критик рассматривает смех как средство для лечения общества от собственных язв и пороков, причём средство приятное и полезное.

Писателю, сатирику-моралисту, следует стремиться прежде всего «в главную суть вещи попасть и наиважнейшее зло искоренить»³. Его критика должна быть «наукой жизни», должна исходить из понимания отечественных особенностей исторических процессов и специфики народной культуры.

Бытовые повесть и драма, метко освещающие пороки общества, не могут ограничиться лишь констатирующей критикой. Они обязаны проникнуть до глубинных причин этих пороков. Сам Каменьский не называет этих причин, но вынесенное в заглавие понятие «Захолустье» становится в его статье обобщением и свособразной метафорой. Захолустье – это не просто место действия, далёкое от культурных центров, глухая провинция. Это определённый образ жизни, присущий как высшему свету, так и низам, при котором ценятся пошлые идеалы, притворство, мишура, когда ложные критерии становятся основой суждения о людях, когда рутинёрство и обскурантизм царят в обществе. Именно захолустье порождает в человеческом характере «мелочность и пустячность, желание летать при отсутствии крыльев, стремление казаться чем-то большим, подобно жабе, пытающейся стать похожей на вола»⁴. Основа комического в этом случае лежит в «противопоставлении (контрасте) больших претензий и малой ценности»⁵.

В своей статье Г. Каменьский одним из первых среди польских критиков вводит понятие реалистической типизации, утверждает, что задача «современного романа» и «бытовой драмы» состоит в том, чтобы верно и всесторонне охватить действительность во всех её проявлениях с помощью изображения характеров, являющихся типами, и через их взаимоотношения представить картину взаимодействия доброго и злого начал в жизни: эта картина станет для общества актом самопознания⁶.

Заслуга Каменьского, как справедливо замечает Е. З. Цыбенко, состоит в том, что он различил понятия «характер» и «тип» и заострил проблему сочетания индивидуальных и типических черт в реалистическом литературном образе⁷.

Литературный образ имеет широкий «радиус действия», он общественно важен, поскольку выполняет роль «популяризатора и распространителя знаний о действительности». Но он правдиво отражает действительность только тогда, когда сам имеет «общественную обусловленность». Г. Каменьский предлагает свой критерий оценки

литературного творчества, в частности, реалистического изображения действительности – это правдивость, которая должна выражаться «всегда в добром и положительном», потому что «правда никогда не принесёт зла». Позднее в предисловии к своему роману «Пан Юзеф Бояльский» критик вновь вернётся к этому понятию. Ставя правдивость на первое место, он потребует отличать технику «фотографической» точности изображения явления от творческой деятельности писателя, который, показывая в художественных образах правдивые и действительные персонажи и ситуации, поднимается до обобщения, до «синтеза действительности во всей её полноте». Простое копирование природы напоминает, по Каменьскому, неудачное перерисование и склеивание, так как материал не обновляется при повторении. Автор обосновывает принцип отбора типичных деталей для того, чтобы добиться «обобщения единичных опытов».

Итогом размышлений Г. Каменьского о проблемах реалистического искусства станет позднее предисловие к роману «Пан Юзеф Бояльский», написанному уже после ссылки в 1854 г. Важно отметить, что к этому времени он хорошо знал критические статьи В. Г. Белинского, а также творчество Н. В. Гоголя, Ф. Одоевского, Б. Полевого и других русских «бытописующих» авторов, с произведениями которых познакомился в период пребывания в Вятке. Безусловно, это помогло Г. Каменьскому утвердиться в своих взглядах на литературу, расширило его творческий диапазон и, возможно, побудило к созданию собственного романа. Вполне вероятно также, что взгляды польского критика на проблемы типизации и реалистически-сатирического изображения действительности повлияли на дальнейшее становление творческого сознания М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Примечания

1. Петряев, Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. – Киров, 1988; Изергина, Н. П. Писатели в Вятке. – Киров, 1979; Фоменкова, В. М. Вятка 40-х годов XIX века в письмах Генрика Каменьского // Вопросы истории Кировской области. – Киров, 1974.
2. Kamiński, H. Parafiąnszczyzna. – Przegląd Naukowy, 1843. № 27. S. 339.
3. Там же. С. 341.
4. Там же. С. 350–351.
5. Там же. С. 352.
6. Там же. С. 46.
7. Цыбенко, Е. З. Польский социальный роман 40–70-х годов XIX века. – М. : Изд-во МГУ, 1971. С. 54.

В историческом очерке «Глазов» сказано, что М. Е. Салтыков-Щедрин бывал в городе в сентябре и декабре 1854 и феврале 1855 г., «проживая здесь по нескольку дней». «Знакомство с городом и его жителями, с уездными чиновниками, со многими из которых он встречался и в губернских учреждениях, дало писателю-сатирику материал для его произведений. После возвращения из ссылки он издал свои знаменитые «Губернские очерки», в которых описал и уездный город Глазов (Оков)»¹. Как видим, до сих пор не установлено точно время пребывания М. Е. Салтыкова в городе, а также его знакомства, места проживания, прототипы оковских героев очерков.

Вопрос о прототипах героев «Губернских очерков» крайне сложен потому, что число персонажей превышает пятисот. Нужна целенаправленная и систематическая работа по поиску и установлению прототипов героев, например, по главам. Кроме того, представляется важным собрать все возможные сведения о прототипах героев, материалы к их биографиям, установить годы жизни.

Базу для установления прототипов героев очерков заложили работы В. Кирпотина, П. Н. Лушова, Н. П. Изергиной, Д. Ф. Лучинской, К. В. Дрягина, Е. Д. Петряева, А. Н. Зиминой, С. А. Макашина, П. М. Софинова, В. Г. Шумихина, С. П. Кокуриной, М. С. Ольгинского и других.

По мнению Е. Д. Петряева, «более близкое знакомство с прототипами по документальным материалам показывает, что Салтыков давал в своих героях сатирическое обобщение, а вовсе не портреты конкретных людей»². Он смещал хронологию и места событий, служебные ранги и отношения. Например, Семёнов – прототип князя Чебылкина – не был в 55 лет расслабленным старцем, не имел перзрелой дочери Анны Львовны. Чиновник Техоцкий только созвучен «подлинному» Ивану Войцеховичу Тыкоцкому, далеко не «жениху», многодетному титулярному советнику в Сарапуле. Генерал Голубовицкий и его супруга Дарья Михайловна, Размановские, семья Шиллинга, Середы действуют у Щедрина уже после отъезда прототипов из Вятки. В Вятке не было ни князей, ни графов.

Естественно, М. Е. Салтыков давал «не портреты конкретных людей», «смещал хронологию и места событий, служебные ранги и отношения», но в нашу задачу входит определить круг возможных прототипов героев очерков и выяснить, что в них от действительно существовавших людей и что придумано, вымышлено сатириком.

О сильной похожести художественных портретов и реальных лиц говорит в своей статье Л. Н. Спасская. Она пишет: «Появление «Губернских очерков» сильно взволновало вятчан, узнавших в героях рассказов многие портреты. Так как очерки носили характер сатирический, то в них и попали

большую часть не те лица, которые пользовались уважением автора, а совсем противоположные, и как при том же нарисованы они были в самом непривлекательном виде, то естественно, что оригиналы портретов сильно оскорбились. Тем более, что в сущности Салтыков не рисовал верных с подлинником портретов, а брал какую-нибудь характеристическую черту известного лица, а остальное добавлял воображением. Но по этой-то характеристической все и узнавали, о ком идёт речь, и чем более такому лицу прибавлялось посторонних качеств, тем более оно чувствовало себя обиженным, так как прибавлялись качества, конечно, не похвальные.

Особенно оскорблялся советник питейного отделения Григорий Иванович Макаров, которого Салтыков изобразил в лице Порфирия Петровича Харченко. М. Е. Салтыков приписал ему происхождение от какого-то пьяного причётника и безнравственной жены его, чего Макаров, родители которого были люди весьма почтенные, не мог перенести и принял как жестокую личную обиду. Не знаю, писал ли об этом Михаилу Евграфовичу сам Макаров или кто-нибудь другой, но Михаил Евграфович сильно смутился и должен был даже просить моего отца постараться несколько оправдать его перед Макаровым, уверяя, что он и не думал изображать его, а только случайно придал Харченко некоторые его черты. Конечно, Макаров не удовлетворился таким объяснением.

Вообще Михайлом Евграфовичем были описаны люди, у которых он часто бывал в гостях, обедал, играл в карты; они, оказывая ему гостеприимство, никак не ожидали, что будут увековечены им в литературе, и притом показаны в таком непривлекательном виде, находили, что это со стороны его чрезвычайная коварность, хором поносили его и возмущались его чёрной неблагодарностью»³.

Как видим, мнение Е. Д. Петряева опровергается воспоминаниями Л. Н. Спасской, которая прямо указывает на то, что герои очерков восходят к реальным лицам. По воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева, и сам писатель признавался: «Вятка имела на меня и благотворное влияние: она меня сблизила с действительной жизнью и дала много материалов для «Губернских очерков», а ранее я писал вздор»⁴.

Действительно, «Губернские очерки» написаны М. Е. Салтыковым на широком фактическом материале: Вятка в них названа Крутогорском, Сарапул – Полорецком и Срывным, Слободской – Черноборском, Глазов – Оковым, Шарканская волость – Шарковской. Эти факты отмечены и самим Е. Д. Петряевым, им же названы прототипы героев «Губернских очерков».

Установлены прообразы щедринских персонажей:

князя Чебылкина с семьёй – губернатор Н. Н. Семёнов с женой Любовью Андреевной и домочадцами⁵,

генерала и генеральши Голубовицких – губернатор Аким Иванович и Наталья Николаевна Середы⁶,

Порфирия Петровича Харченко – советник питейного отделения казённой палаты, статский советник Григорий Иванович Макаров ⁷,
Размановских – семья прокурора Н. Б. Шиллинга ⁸,
«добротного начальника» Сергея Александровича – С. А. Костливец ⁹,
городничего Густава Карлыча Фейера – Густав Густавович фон Дрейер ¹⁰,

Линкина – учитель Томилов,
Живновского – исправник Живицкий,
Дернова – чиновник Резунов,
Загржембовича – чиновник Родзевич ¹¹,

Василия Николаевича Проймина – губернский врач палаты, надворный советник Николай Васильевич Ионин ¹²,

Жены Проймина Веры Готлибовны – Софья Карловна Ионина (урождённая фон Людеви́г),

Кранихгартена – вятский полицмейстер Баумгартен,
Несмильковской – жена чиновника Н. И. Циолковского,
Горехвастова – князь Енгальчев,
Гиршеля – мещанин Мармер,

Якова Астафьевича – старший советник, стат. советник Яков Никитич Алфеевский ¹³,

Буеракиных – отец и сын Батурины (Дмитрий Иванович и Ипполит Дмитриевич Батурины) ¹⁴,

Симеоновича – ассессор Вятской палаты гос. имуществ, надв. советник Ксаверий Осипович Микульский ¹⁵,

Песнопевцева – учитель Тянгинский,
Щелколёрова – чиновник Тиньков,

уездного лекаря Ивана Петровича – сарапульский уездный лекарь Христофор Иванович Чудновский (1803–1868) ¹⁶.

К сожалению, до сих пор не установлены имена и отчества многих других прототипов персонажей М. Е. Салтыкова, даты и подробности их жизни. Отметим также, что чаще всего сатирик полностью менял имя, отчество и фамилию героя. Но иногда оставлял в ней что-то знакомое, похожее, созвучное фамилии прототипа героя (так сказать, делал намёк). Например, Живновский – Живицкий, Кранихгартен – Баумгартен (как видим, микроэлементы фамилии – морфемы – сохранены: Жив-кий, –гартен). М. Е. Салтыков словно бы желал, чтобы его героев узнали. Иногда сатирик оставлял имена (Густав Карлович Фейер – Густав Густавович фон Дрейер), менял местами имя и отчество (Василий Николаевич Проймин – Николай Васильевич Ионин).

Можно сказать, что обозначения персонажей М. Е. Салтыкова не случайны, строго мотивированы, обоснованы. Эта система обозначений сатирика требует ещё расшифровки, декодирования.

Своеобразно преломились в «Губернских очерках» также глазовские впечатления сатирика. Но в очерках писатель не даёт такого развёрнутого и подробного описания Глазова и населяющих его обывателей, как это делает, например, В. Г. Короленко в очерке «Ненасостоящий город» или повести «Глушь». Герои из Окова – эпизодические лица, чаще всего даже безымянные. Однако несмотря на безымянность, оковские типы участвуют в «полноценных» сатирических эпизодах, обличающих все пороки клана чиновников. Так, в главе «Неприятное посещение» рассказывается о том, как принимает генерал Алексей Дмитрич городничего Черноборска Желвакова. Генерал предлагает гостю чай, но это составляет для того пытку. Так как приходится пить стоя, чай же оказывается самый горячий, а «продлить эту операцию, значило бы снежежничать перед его высококоридием...» Между тем, угощая своего посетителя чаем, генерал советует ему: «Да ты попробуй прежде, есть ли сахар, ... а то намеднись, в Окове, стряпчий у меня целых два стакана без сахару выпил... после уж Кшецынский мне это рассказал... Такой, право, чудак!.. А благодравный! Я, знаешь, не люблю этих вот, что звезды-то с неба хватают; у меня главное, чтоб был человек благодравен и предан... Да! Ты, братец, не торопись, однако ж, а не то ведь язык обожжешь!»¹⁷

Установлен прототип генерала. Вне сомнения, и герои из Окова имеют своих прототипов. В частности, в «Памятных книжках Вятской губернии» на 1854, 1855, 1857 гг. указано, что глазовским уездным стряпчим был Алексей Кузьмич Никитин¹⁸. Об этнографических трудах стряпчего Никитина упоминает в своей статье Л. Н. Спасская¹⁹.

О первом глазовском литераторе – А. К. Никитине, опубликовавшем в 1861 г. в «Сыне Отечества» интересные «Рассказы о вотяках», было известно немного. Совершенно отсутствовали сведения о его семье, приблизительно были установлены его годы службы и жизни в Глазове.

А. К. Никитин родился в семье «приказнослужителя», учился в Вятской гимназии, а с 1836 г. был копинстом губернского правления²⁰. Предполагают, что он знал А. И. Герцена, который в 1835–1837 гг. находился в ссылке в Вятке и служил также в губернном правлении.

В 1838–1847 гг. Никитин был учителем приходского училища в Глазове, затем стряпчим уголовных дел в уездном суде. Очевидно, это был человек сильной воли, глубокого ума, разносторонних способностей, необыкновенно настойчивый в достижениях своих целей. Если по «Табели о рангах» в 1853 г. он имел чин коллежского регистратора (XIV класс), то к 1865 – титулярного советника (IX класс). Между IX и VIII классами лежал рубеж, преодолеть который было чрезвычайно трудно. Чиновник VIII класса получал право личного дворянства. Чин титулярного советника оказывался пределом для многих, но не для А. К. Никитина. Он получает право личного дворянства, а потом и чин надворного советника. В отставку же выходит коллежским советником, прослужив до начала 70-х годов.

Умер А. К. Никитин 29 декабря 1879 г. в возрасте 62 лет. Возможно, он был знаком и с высланным в Глазов В. Г. Короленко. Тем более, что его брат Константин Кузьмич Никитин присутствовал в качестве свидетеля при обыске «каморки» В. Г. Короленко 25 октября 1879 г.

Кроме Константина в Глазове проживали ещё двое братьев А. К. Никитина, также чиновники – Павел и Иван. Удалось выяснить, что Павел был «крестным отцом» сына А. К. Никитина – Алексея, родившегося 30 июля 1865 г. Кроме того, Павел и Константин были поручителями на свадьбе дочери А. К. Никитина – Анны. Другая дочь Алексея Кузьмича – Александра – проживала вместе со своими детьми, как указано в «Исповедной росписи 1897 года», у отставного коллежского регистратора Ивана Кузьмича Никитина. Были в семье А. К. Никитина и ещё дети: Елизавета, Любовь, Николай.

Без сомнения, наряду с биографическими сведениями об А. К. Никитина и его семье, важное значение имеет и изучение литературных произведений первого глазовского писателя.

Наряду со стряпчим в «Губернских очерках» упоминаются исправник, Мокей зюздинский и оковский. Повествуется о странном покушении на убийство в Оковском уезде. Говорится о том, что один из героев очерков – Техоцкий – «рвётся» на вакансию станового пристава в Оковском уезде, другой же – Подгоняйчиков – переведён в земский суд на вакансию простого писца.

В «Памятной книжке Вятской губернии на 1857 год» сообщается, что по Глазову приставом 1-го стана был титулярный советник Иван Ильич Овчинников, 2-го – коллежский регистратор Сергей Александрович Иванов, 3-го – коллежский секретарь Емельян Ильич Матвеев²¹. Как видим, фамилии Техоцкого здесь нет. По мнению Е. Д. Петряева, фамилия «взята» у подлинного И. В. Тыкоцкого, многодетного титулярного советника в Сарапуле²².

Прототипом другого героя Алексея Дмитриевича Размановского явился исполняющий обязанности вятского прокурора Наркисс Богданович Шиллинг²³. На вопрос гостя о том, как собираются статистические данные на местах, Размановский отвечал, что «оковский исправник совсем одной статьи в своих сведениях не включил; ну я, разумеется, сейчас же запрос: «Почему нет статьи о шелководстве?» Он отвечает, что потому этой статьи не включил, что и шелководства нет. Но он всё-таки должен был в сведениях это объяснить»²⁴.

В «Памятных книжках Вятской губернии» на 1854 и 1855 годы отмечалось, что земским исправником был Фёдор Михайлович Ергин²⁵. В «Памятной книжке на 1857 год» указано, что должность глазовского исправника свободна. Только в примечаниях сказано, что глазовским исправником был назначен Игнатий Михайлович Анисимов²⁶. По-видимому, М. Е. Салтыков имел в виду всё-таки не его, а Ф. М. Ергина.

Прототипом же Подгоняйчиков, возможно, стал секретарь земского суда Глазовского уезда коллежский секретарь Николай Максимович Суслов²⁷.

Имеют своих прототипов и герои очерка «Старец», который построен на реальных фактах жизни старообрядца, бывшего мастерового Анания Ситникова. В восприятии «старца» дана сцена появления в скитах Мокея зюздинского с семьёй. Старец повествует: «Однажды приходит к нам в келью мужик – а привёл его Мартемьян.

– Откуда, мол, и зачем? – спрашивает наш старик.

– А вот, – говорит, – с Зюздина.

– Зачем же к нам пожаловал?

– Да поселиться бы здесь желательно, отец святой. Подати добре одолели, да вот и парнишку ноне в некрута тащат, а идти ему неохота, да и грех.

– Так ты семьянистый?

– Да, мол, семья есть; жена – старуха, две дочки – девки, да трое сынов»²⁸.

Прототипом «Мокея зюздинского с бабами», видимо, стал крестьянин Глазовского уезда Мокей Дементьевич, который вместе с семейством скрывался в скитах Чердынского уезда Пермской губернии²⁹.

Разумеется, открытием прототипа Мокея зюздинского не завершается весь список прообразов персонажей «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Более того, мнения о существовании прототипов расходятся, хотя имеются и явные доказательства того, что они (прототипы) были. Нами была предпринята попытка выявить глазовских прообразов произведения. Мы планируем также составление алфавитного списка фамилий и персонажей с указанием их прототипов, что позволило бы установить закономерности, принципы, которыми писатель руководствовался при обозначении своих героев. Решение вопроса о прототипах героев позволило бы уточнить характер типичности в «Губернских очерках» и уяснить природу художественного метода М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Примечания

1. Глазов : ист. очерк. – Ижевск, 1980. С. 34.

2. Петряев, Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. – Киров, 1988. С. 96.

3. Спасская, Л. Н. [М. Е. Салтыков-Щедрин и его вятские друзья Ионины] // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников : в 2 т. – М., 1975. Т. 1. С. 77–78.

4. Там же. С. 312.

5. ПКВГ на 1857 год. – Вятка, 1857. С. 11; Петряев, Е. Д. Указ. соч. С. 96–106.

6. Там же.

7. ПКВГ на 1857 год. С. 10, 12; Кирпотин, В. М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. – М., 1955. С. 79; М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 77.

8. Там же. С. 78.

9. Петряев, Е. Д. Указ. соч. С. 121.
 10. ПКВГ на 1857 год. С. 75.
 11. Там же. С. 37. Уточним: помощник окружного начальника М.Г.И., кол. секр.
- Донат Алоиз. Родзевич.
12. Там же. С. 14.
 13. Там же. С. 4, 24.
 14. Там же. С. 3; ПКВГ на 1855 год. – Вятка, 1855. С. 3.
 15. Там же. С. 14.
 16. Шумилов, Е. Под пером сатирика // Удмурт. правда, 1988. 10 сент. С. 3.
 17. Щедрин, Н. [М. Е. Салтыков]. Губернские очерки. – Л., 1937. С. 79.
 18. ПКВГ на 1857 год. С. 83.
 19. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 68.
 20. Гущин, Ю. Г. Первый глазовский литератор // Красное знамя. – Глазов, 1981. 3 февр. С. 3; Его же. Второй Искандер // Красное знамя. – Глазов, 1982. 10 авг. С. 3.
 21. ПКВГ на 1857 год. С. 82.
 22. Петряев, Е. Д. Указ. соч. С. 96.
 23. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. – М., 1977. Т. 20. С. 604.
 24. Салтыков-Щедрин, М. Е. Губернские очерки. – Устинов, 1985. С. 103.
 25. ПКВГ на 1854 год. – Вятка, 1854. С. 51; ПКВГ на 1855 год. С. 61.
 26. ПКВГ на 1857 год. С. 297.
 27. Там же. С. 82.
 28. Салтыков-Щедрин, М. Е. Губернские очерки. – Устинов, 1985. С. 402–403.
 29. Зими́на, А. Н. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятском крае // Об удмуртском фольклоре и литературе : сб. статей. – Ижевск, 1973. Вып. 1. С. 77.

К вопросу о пребывании М. Е. Салтыкова-Щедрина в городе Глазове Вятской губернии

Ю. Г. Гущин

Может показаться, что ответ на вопрос «Когда М. Е. Салтыков-Щедрин был в Глазове?» давно получен. Действительно, на представленной в Доме-музее М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Киров) карте поездок М. Е. Салтыкова по Вятской губернии указано, что писатель бывал в Глазове в сентябре и декабре 1854 и феврале 1855 гг. Как видим, точные даты пребывания сатирика в г. Глазове донныне неизвестны.

Наши многолетние поиски материалов о вятском периоде жизни и творчества писателя позволяют конкретизировать сроки пребывания его в Глазове и указать, что здесь он был четыре раза.

В «Вятских губернских ведомостях» за 1853 г. мы обнаружили интересную заметку, в которой сообщалось: «Выехали: 13 мая по Пермскому тракту Советник Салтыков и Лесничий Сушинский».

Как известно, Пермский тракт пролегал через Глазов. И. С. Сушинский же был глазовским лесничим. Вероятно, 14 мая 1853 г. М. Е. Салтыков со своим спутником были в Глазове. Заметим, что ссыльный писатель, видимо, хорошо знал семью глазовских Сушинских. В своём

письме от 28 июля 1852 г. он пишет брату Д. Е. Салтыкову: «...Ежели ты всё ещё продолжаешь служить в Лесном департаменте, то нельзя ли помочь глазовскому лесничему Сущинскому, на которого Брилевич (чиновник особых поручений Министерства государственных имуществ. – Ю. Г.) поднял гонение за дела давно минувшие не взяточнические, но состоящие в несоблюдении военной дисциплины. Слова нет, что Сущинский виноват, но уж если его гнать, то прочих остаётся только вешать, ибо, конечно, это один из немногих честных чиновников здешнего управления Гос[ударственных] Им[ушеств], не говоря уже об лесничих».

Письмо М. Е. Салтыкова даёт возможность не только определить круг его знакомых по Управлению государственных имуществ и лесничих, но и предположить, что во время приезда в Глазов сатирик не только бывал в гостях у Сущинских, но и останавливался у них в доме на некоторое время.

В указателе личных имён к 20-му тому собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина отмечается, что Илья Степанович Сущинский был глазовским лесничим в 1849–1853 гг. а затем служил чиновником вятского управления государственных имуществ. Однако в «Памятной книжке Вятской губернии на 1857 год» о нём вновь говорится как о глазовском лесничем, подпоручике корпуса лесничих. Очевидно, нужны дополнительные архивные разыскания об этом интересном человеке и его семье.

С кем из глазовчан мог быть знаком М. Е. Салтыков? Когда ещё он был в Глазове? На эти вопросы отчасти отвечает переписка писателя. В письме от 1 октября 1854 г. он сообщал родным (брату и его жене): «Извини меня, любезный друг и брат, что я до сих пор не успел тебя даже поздравить с прошедшим днём твоих именин. Я всё это время был в разъездах и только вчера воротился в Вятку из Глазова» (выделено мною. – Ю. Г.).

Ясно, что М. Е. Салтыков был в Глазове до сентября 1854 г. Но с какого времени и в связи с чем он был здесь?

В том же письме писатель указал, что «целых три недели не был в Вятке». По-видимому, с 10 по 30 сентября 1854 г. он находился в Глазове с ревизией уездных учреждений. Заметим, что 9 сентября он подписал протокол заседания комитета Вятской сельскохозяйственной выставки по распределению наград, то есть ранее этого дня он не мог быть в Глазове.

Итак, великий сатирик был в Глазове 14 мая 1853 г. и 10–30 сентября 1854 г. Однако вышедшая недавно в свет «Летопись жизни» вятской поры М. Е. Салтыкова-Щедрина даёт возможность назвать ещё две даты пребывания писателя в Глазове. На основании опубликованных архивных документов, мы считаем, что сатирик был в Глазове между 1–8 декабря 1854 г. и 10–14 февраля 1855 г. Его знакомыми по Глазову были педагог и этнограф Н. Ф. Бажин, исправник Ф. М. Ергин, городничий В. Ф. Торчилло, купец П. Н. Бородин (отец А. П. Бородина, в доме которого впоследствии проживал другой ссыльный – В. Г. Короленко), чиновник А. К. Денисюк

(один из прототипов короленковских героев), священник В. А. Катаев (дед писателя В. П. Катаева), чиновник А. К. Никитин (прообраз стряпчего в «Губернских очерках»).

Глазовские впечатления и лица нашли отражение в художественном творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, в его «Губернских очерках». Но рассмотрение этого вопроса является предметом уже специального исследования.

Проблемы изучения творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина в школе

Н. В. Черных

Произведения Салтыкова-Щедрина, в каком бы жанре они не были написаны, никак нельзя назвать чтением развлекающим, радующим и успокаивающим душу. Лучше всего о щедринской сатире сказал А. В. Луначарский: «Она такая злая, она звенит как натянутая струна, она готова оборваться. Она надрыгает вам сердце».

Я помню, какое отвращение на уроках литературы вызвал у моих сверстников Иудушка Головлёв. Только самые старательные из нас смогли осилить щедринский роман полностью. И это понятно: мрачный призрак из прошлого посягал на наше беззаботное и радостное мироощущение. Неприятные образы литературного героя невольно переходило на всё произведение, на самого автора.

Изменение отношения к творчеству Щедрина для меня лично произошло не в институте и даже не при подготовке к своим первым урокам по творчеству сатирика. Салтыков затронул за живое, стал интересным и покорила, когда я пришла работать в Дом-музей М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Немного истории.

Наш музей был открыт как литературный, и его основатель, Е. Д. Петряев, сделал всё возможное для того, чтобы его детище было настоящим центром местной культуры.

Волевым ограничением экспозиции одной темой «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке» обрекало музей на убогое существование: экспозиция плоскостная, подлинников почти нет, фондов нет, вятский период изучен только в общих чертах. Однако, вопреки всему и, не смотря ни на что, вятский музей великого сатирика в городе знали, любили и посещали достаточно часто.

Почему?

Да потому, что подавляющая часть экскурсий выполняла образовательные задачи школы. Творчество Салтыкова-Щедрина, писателя трудного как для учеников, так и для учителей, изучалось и изучается в седьмых и десятых классах. Обязательность изучения и трудность

восприятия стали главными причинами, побуждавшими учителей пользоваться услугами музея.

Научный сотрудник-экскурсовод в отличие от замotanного, заваленного тетрадами и озадаченного массой подготовок учителя, может посвятить изучению узкой темы столько времени, сколько на это требуется. И, без ложной скромности, я утверждаю, что в музее о Салтыкове-Щедрине мы не рассказывали, а пели, вкладывая в экскурсию любовь и благоговение перед великим гражданином и писателем.

Параллельно с подробнейшим изучением творческого наследия сатирика шло накопление знаний о вятском семилетии Щедрина. Основные направления краеведческих разысканий Е. Д. Петряев наметил в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке». Салтыковский период в истории Вятского края, что называется, разжевали и в рот положили местным щедриноведам Виктор Георгиевич Шумихин и Светлана Петровна Кокурина, опубликовав биобиблиографический указатель «М. Е. Салтыков-Щедрин и Вятка». В результате, за сравнительно небольшое время, была составлена летопись вятского периода жизни писателя; определён круг его чтения; сделана попытка нового осмысления вятского семилетия; досконально изучена деятельность Салтыкова – организатора двух сельскохозяйственных выставок; проанализированы губернские отчёты, составленные ссыльным писателем; сделана попытка нового осмысления вятского периода в его жизни. Всё это должно было привести и привело к созданию новой концепции экспозиции мемориального музея, а также к разработке уроков литературного краеведения, которые углубляли знания, предполагаемые обязательной школьной программой.

В седьмом классе учащиеся проходят «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Изученные в архиве материалы позволили сотрудникам музея утверждать, что при создании образа мужика, который в сказке проявляет чудеса изобретательности, Салтыков использовал вятские впечатления. Внимание ребят обращалось на то, что Щедрин не где-нибудь, а именно в Вятке при организации сельскохозяйственных выставок имел возможность теснейшим образом познакомиться с талантливыми самородками и народными умельцами. В книгах местных краеведов М. Н. Шатрова «Кировские кустари» и В. Г. Пленкова «Вятские умельцы» очень активно использованы материалы отчётов по салтыковским выставкам 1850 и 1855 годов. Поэтому учащимся совсем нетрудно с помощью учителя подготовить небольшие сообщения и о слепом мастере Амвросии Ковязине, каповую шкатулку которого М. Е. Салтыков отправил на выставку в Санкт-Петербург, и о слобожанине Василии Рысеве, башенные часы которого, установленные в салтыковский 1851 г., исправно идут и по сей день, и об уржумском крестьянине – экспериментаторе Макаре Максимовых, представившим на выставку 12 сортов зерна и получившим из рук Михаила Евграфовича большую золотую медаль.

Разговор о выставках, которые организовывал Салтыков в Вятке, неминуемо заставит преподавателя ответить на вопрос: почему 22-летний начинающий писатель оказался в ссылке и почему ссыльный Салтыков с такой энергией и личной заинтересованностью выполнял служебные поручения. Эти вопросы настолько важны и принципиальны для понимания облика Салтыкова, что мы видим смысл в предварительной подготовке к ним детей на предшествующих уроках. Представление о багаже знаний и высоком понимании долга выпускника Царскосельского лицея целесообразнее всего сформировать на уроках, посвящённых А. С. Пушкину. Создать же яркий образ николаевского лихолетья помогает книга А. И. Герцена «Былое и думы», а также стихи М. Ю. Лермонтова, А. И. Полежаева и Н. П. Огарёва. И всё-таки главная мысль салтыковского урока касается отношения писателя к народу. Талантливость, «сметливость», трудолюбие, с одной стороны, и полное бесправие, забитость и покорность с другой не могли не поразить Салтыкова.

Для художественного воплощения мучительной мысли о несправедливости, дикости, порочности существующих общественных порядков писатель-сатирик выбирает особые приёмы: контраст, преувеличение, гротеск. Первый шаг художника в этом направлении – написанная по вятским впечатлениям книга «Губернские очерки». Об этом произведении логичнее всего поговорить в восьмом классе, когда учащиеся познакомятся с пьесой Н. В. Гоголя «Ревизор». Привязкой здесь должны стать слова Т. Г. Шевченко, который после прочтения вятской книги Щедрина назвал её автора «гениальным учеником Гоголя». На уроке ребята вспоминают факты биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина, позволяющие утверждать, что к моменту написания первого сатирического произведения тридцатилетний Щедрин имел достаточно глубокие и разнообразные представления о жизни и нравах чиновничьего мира. Используя монолог Дерного об эквилибристике из очерка «Выгодная женитьба», очерки «Порфирий Петрович», «Первый рассказ подъячего», «Второй рассказ подъячего», можно показать, что нового о жизни чиновников узнал читатель в книге надворного советника Щедрина. Поиск ответа на вопрос, почему анекдотические истории о проделках весёлых чиновников приобрели в произведении сокрушительную обличительную силу, выводит нас на главную тему щедринского творчества. Тема народа раскрывается в «Губернских очерках» очень своеобразно. Ни в каком другом произведении Салтыков больше не позволяет себе признания подобного рода: «Я вообще чрезвычайно люблю наш прекрасный народ и с уважением смотрю на свежие и благородные типы, которыми кишит народная толпа», «Да, я люблю тебя, далёкий, никем не тронутый край! Мне мил твой простор и простодушие твоих обитателей!» Пожалуй, только в этом произведении с удивительной теплотой и этнографической точностью он описал конкретный народный, а если точнее, вятский религиозный народный

праздник Николая Великорецкого, привёл читателя в гущу народной толпы, заставил вслушаться в мелодику народной, – и опять уточним, – вятской народной речи. Но почему же тогда так взволновали современников «Губернские очерки»? Почему, прочитав щедринскую книгу, Тарас Григорьевич Шевченко обратился к писателям со страстным призывом: «Пишите, подайте голос за эту бедную оскуднённую чернь! За этого поруганного бессловесного смерда»? Опыт работы в Вятском попечительном о тюрьмах комитете дал Салтыкову такой материал, который буквально потряс читателя, вызвал невольное сострадание и сочувствие к простому человеку. Стоит обратить внимание учащихся и на то, что искренние признания героев «Очерков» о собственной судьбе и преступлении, которое привело их в острог, помогли доказать читателю полную несостоятельность судебной системы в России.

В десятом классе школьники изучают «Историю одного города» и «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. По мнению многих педагогов, интерес к этим произведениям резко возрастает после посещения Салтыковского музея или прослушивания подготовленной сотрудниками музея лекции. И это понятно – экскурсии по музею и уроки литературного краеведения способны очеловечить, то есть приблизить к пониманию учащихся личность и творчество этого сурового писателя-обличителя, писателя-гражданина.

Друг Салтыкова Александр Петрович Тиховидов и его филологические труды

В. А. Долгушев

Учитель логики и русской словесности Александр Петрович Тиховидов (18.08.1819 (ст. ст.) – 1865) был одним из самых близких людей к М. Е. Салтыкову-Щедрину в годы пребывания его в вятской ссылке. На протяжении всего жизненного пути Тиховидова сказывалось идейное влияние Салтыкова. И в конце жизни Тиховидов вновь встретился с Салтыковым-Щедриным на служебном поприще – в Твери. Очень вероятно, что они переписывались, хотя писем Салтыкова-Щедрина к Тиховидову пока не найдено. По мнению видного щедриноведа С. А. Макашина, «имя Тиховидова, несомненно, должно быть выделено среди вятского окружения Салтыкова. Это было одним из немногих знакомств, в какой-то мере отвечавшее его духовным запросам»¹.

Несомненно, такая незаурядная личность не могла остаться без внимания со стороны мемуаристов и краеведов. Однако, несмотря на имеющиеся мемуарные свидетельства современников (И. Михайлов, Л. Н. Спасская, Я. С. Степанов) и публикации о Тиховидове Е. Д. Петряева и Г. Ф. Чудовой, мы до сегодняшнего дня мало знаем об этом ярком человеке из ближайшего окружения Салтыкова. В настоящем сообщении используются

архивные данные, а также воспоминания польского ссыльного Г. Каменьского.

По окончании Казанского университета А. П. Тиховидов 3 марта 1843 г. был зачислен на должность младшего учителя русской грамматики Вятской мужской гимназии, а в 1845 г. был переведён на должность старшего учителя логики и русской словесности, сменив находившегося на ней с 1841–1845 гг. Алексея Филипповича Михайлова, который был знаком с Тиховидовым через профессора Казанского университета К. К. Фойгта.

Первые месяцы пребывания Тиховидова в Вятке из-за отсутствия привычного круга общения и всякого рода развлечений были безрадостными. Об этом свидетельствуют его письма к университетскому товарищу Ивану Петровичу Жукову, работавшему помощником надзирателя над студентами (должность, соответствующая нынешней должности воспитателя) в Казанском университете. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранятся четыре письма Тиховидова Жукову: первое от 8 марта 1843 г., второе – без даты, третье – от 14 мая 1843 г., четвёртое – от 29 августа 1843 г. В первом письме Тиховидов описывал свои впечатления от Вятки. «Помнишь ли, брат, то глупое время, – писал он, – когда мы, приятельски усевшись на казённой койке, дружно попевали и ругали всё, что только под язык попадётся? С приятностью вспоминаю я теперь о тех временах, потому что в настоящем быту и того удовольствия лишён. По приезде расскажу, как я приехал на место назначения. Первый день езды для меня и горек, и приятен. <...> Остановился в Вятке я – в номере, потому что прибыл часу во 2 ночи, след[овательно], не хотел беспокоить г. Михайлова. Номера эти очень походят на университ[етские] номера в весеннее время. Впрочем, за один день с меня стурели за квартиру и за обед 5 руб. Теперь живу у Михайлова на Спасской улице, в доме Царёвской церкви. Город довольно обширен и хорош. Но увы! Мечты, мечты, где ваша сладость? Помнишь, как мы предугадывали, как хорошо будет жить здесь! Разочарование! Здесь обыкновение всеобщее – сидеть дома. По вечерам в гости не ходят. Преферанса нет. С горя и отчаяния я выкуриваю в день до 40 трубок, ем 5 раз в сутки, сплю 3 раза. Директор и инспектор очень хорошие люди. О месте истор. и др. (?) Об этом я немало жалею. Пиши, что твоя участь? Да, если будешь отправлять послание к Девицыну, то спроси у него – не выходит ли Лебедев, об этом многие говорят: кланяйся ему. Здесь невольно должен упомянуть, что подарок М[арьи] Аф[иногеевой] (пассия Тиховидова в годы пребывания в Казанском университете. – В. Д.) я до сих пор бережно храню. ...Здесь уж, как видишь, нет такой лафы. Купил мебель – здесь дешёво. Кланяйся нашим, если будешь иметь случай. Я им послал самое глупое, сумасбродное и бестолковое письмо. Если будешь у нас и увидишь её, скажи ей, что я её помню. Кланяйся Вилли, Позерну, Торревскому, Кунавину, (а грoгoс Марье Алексеевне и Авдотье Васильевне),

Холмогорову, Ильину (?), Зайцеву (?) ...Изыумскому, Дьяконову, Трушниковскому...»

Однако мечтам Тиховидова о том, чтобы перебраться из Вятки в Казань или какой-либо другой город покрупнее, суждено было сбыться не скоро. Он остался в Вятской губернии на долгие двадцать лет: большая часть его практической деятельности прошла именно в пределах Вятской губернии. Вскоре появились и новые друзья: уже упомянутый выше Алексей Филиппович Михайлов, в доме которого первоначально поселился Тиховидов; исполнявший обязанности редактора неофициальной части газеты «Вятские губернские ведомости» Михаил Васильевич Блинов; преподаватель гимназии Фёдор Сергеевич Томилов, также окончивший Казанский университет; обрусевший немец, лесничий Карл Карлович фон Людвиг; врачи Николай Васильевич Ионин и Сильвестр Фёдорович Тучемский; заведующий губернской библиотекой А. А. Сидоров, окончивший Петербургский университет. К кругу ближайших знакомых Тиховидова в Вятке также относится поляк Генрих Каменьский, оставивший в своих письмах к сестре Лауре интересные описания тиховидовских «четвергов», на которые собиралась вся прогрессивно мыслящая часть вятского общества сороковых годов: «Сегодня же во время урока русского языка меня просил Тиховидов, чтобы я регулярно по четвергам приходил к нему на беседу, чай и трубку вечером, потому что он в эти дни думает собирать своих друзей. Там болтают о том и сём, более всего о новых изданиях, особенно французских, иллюстрации, картинки очень их занимают, и кончаются эти литературные беседы обменом какими-либо смешными эпизодами или просмотром красочно оформленных типографских изданий».

Каменьский брал у Тиховидова уроки русского языка и до 13 декабря 1846 г. взял 13 уроков, однако в дальнейшем уроки пришлось прекратить из-за экономических трудностей Каменьского, хотя Тиховидов брал с Каменьского самую умеренную плату – рубль серебром, или 15 руб. в месяц, тогда как обычно только за один урок Тиховидов брал плату от 9 до 15 руб. В письмах Каменьского содержится интересная характеристика жены Н. В. Иониной (матери Л. Н. Спасской): «Есть здесь губернский лесничий фон Людвиг, которого я нигде не встречал. Тиховидов в его доме желанный гость, я два-три раза видел его дочерей, все (они) с восточными, если не сказать с еврейскими чертами лица. Одна из них замужем, муж её – доктор Ионин, Тиховидов посоветовал мне пригласить её на танец и сказал, что она хорошо говорит по-французски, посоветовав обратиться к ней на этом языке. Я проделал это, и в знак ответа на моё приглашение на какой-либо контрдансов последовал решительный кивок головы, который я не умел истолковать себе. Это можно было понять так, что это так бы выглядело, если бы она хотела отогнать назойливую муху, либо, наконец, похоже было на то, что она удивлена и несколько напугана моим

приглашением, как арабский конь, о котором писал Ламартин, когда услышали вопедшего доложить о том, с ней он танцует или нет. Я получил известие, что все конгрдансы уже заказаны. Итак, тот знак означал отказ. Панны Людвиг часто бывают у губернаторши. Одна из них ежедневно приглашасма туда на обед. Впрочем, нигде больше она не показывается, исключая “Собрание”. О них подробно мне ничего не известно, что до их отца, то он нигде не бывает. О нём говорят разное: одни, что он умный человек, но немного грубиян. Тиховидов же, что он очень хорошо воспитанный (“образованный”) человек – чему верить, бог его знает. Посмотрим!»

По воспоминаниям Л. Н. Спасской, Тиховидов познакомился с Салтыковым-Щедриным именно в доме Иониных. По-видимому, по рекомендации Салтыкова-Щедрина, губернатор Н. М. Муравьёв перевёл Тиховидова из Яранска с должности уездного судьи на должность советника губернского правления, которую в своё время занимал сам Салтыков, а затем поставил во главе Вятского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян Вятской губернии. Выборы членов и кандидатов в члены этого комитета состоялись 12-14 января 1859 г. От дворян членами комитета стали помещики К. Л. Юшков, Н. А. Шабалин, М. А. Молдавский; кандидатами в члены – М. Г. Ишменецкий, Н. Н. Депрейс, В. Я. Чайковский. От правительства в члены комитета были назначены Тиховидов и председатель Вятской палаты уголовного и гражданского суда П. А. Zubов. Председателем комитета единогласно был избран Тиховидов, который имел лишь чин коллежского советника. Впоследствии Тиховидов был назначен на должность управляющего палатой государственных имуществ. До Муравьёва, обеспечившего перевод Тиховидова в Вятку, продвижение его по ступеням служебной лестницы шло крайне медленно. Как свидетельствуют архивные материалы, во время службы Тиховидова на должности уездного судьи в Яранске (с 27 августа 1850 г.) ему три раза откладывалось по разным причинам присвоение очередного звания.

Говоря о Тиховидове, нельзя не упомянуть ещё об одной стороне его деятельности – научной. Он был составителем первого достаточно полного вятского диалектного словаря. 7 июня 1848 г. в Академию наук поступила рукопись от старшего учителя русской словесности А. Тиховидова на 19 листах. Она содержала 595 слов, распределённых на две большие группы: 1) слова, употребляемые в Вятской губернии, но не принадлежащие собственно вятскому наречию (170 слов) и 2) слова, употребляемые в Вятской губернии, принадлежащие собственно вятскому наречию (425 слов). Как оговорено в примечании к словарю, в сборе словарных материалов приняли участие штатные смотрители уездных училищ – Котельничского (Н. Ф. Бажин) и Слободского – Кулёв. Несколько ранее, в 1847 г., словарь был опубликован на страницах газеты «Вятские губернские ведомости». Словарю была предпослана заметка «Об особенностях наречия,

в Вятской губернии употребляемого», в которой была предпринята первая попытка характеристики основных фонетических и морфологических особенностей вятских говоров. Диалектологии как науки о территориальных диалектах в то время ещё не существовало. Тиховидов был в известном смысле первопроходцем в изучении диалектной речи. 711 слов из словаря, составленного Тиховидовым, было использовано при подготовке первого областного словаря русских говоров «Опыт великорусского областного словаря» (1852). Часть словаря, кроме того (начиная с буквы «С», всего около 150 слов), была перепечатана в газете «Московский городской листок». Благодаря Тиховидову образованная часть русского общества смогла познакомиться с диалектизмами, употребляющимися в вятских говорах.

Личность А. П. Тиховидова настолько многогранна, его деятельность, общественная и научная, настолько значительна для нашего края, что всё, связанное с его пребыванием здесь, требует глубокого и тщательного исследования.

Примечания

1. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин : биография. Изд. 2-е. – М., 1951. Ч. 1. С. 380.

«...Впоследствии и люди нашлись» (Окружение М. Е. Салтыкова в Вятке)

И. Г. Максимова

«Новая жизнь со всех сторон обступила меня, сначала это было похоже на полное одиночество (тоже своего рода существование), но впоследствии и люди нашлись. Ведь живут люди, как справедливо гласит пословица», – писал Щедрин в этюде «Счастливец».

Конечно, люди нашлись и в Вятке, и притом такие, которые приобрели уважение и привязанность Салтыкова.

Вятские связи Михаила Евграфовича ещё недостаточно изучены. Наиболее обширную группу вятских знакомств писателя составляют те, которые неизбежно возникали на почве его служебных отношений и служебного творчества.

Из числа таких знакомств можно назвать лишь несколько, которые выходили за официальные рамки. Это был ряд семей в Вятке, которые привлекали его, с которыми Салтыков действительно сблизился, чьи дома постоянно посещал. Вероятно, сближение не выходило за чисто бытовые рамки обедов и пикников, а более всего игры в карты, привычка к которой сохранилась у писателя на всю жизнь.

В этом кругу вятских знакомых писателя следует выделить семьи управляющего Вятской палатой государственных имуществ В. Е. Круковского и его преемника на том же посту Константина Львовича Пашенко.

Первого из них Салтыков рекомендовал своему брату так: «...Мой добрейший знакомый, Василий Ефимович Круковский, которому я несказанно обязан тем ласковым и радушным приёмом, который он и его семейство мне постоянно оказывают». Сведения об этом человеке, завоевавшем дружеское отношение Салтыкова, очень незначительны, неизвестен был даже год его рождения (у Е. Д. Петряева, исследователя жизни служебной деятельности М. Е. Салтыкова в Вятке и его вятского окружения, указана дата рождения Круковского – около 1820 г.). Лишь недавно удалось установить некоторые неизвестные факты из жизни Василия Ефимовича.

Оказывается, не только «добрейшее знакомство», а, прежде всего, глубочайшее уважение и привязанность связывали двух этих людей, и во многом это объяснялось тем, что разница в возрасте между управляющим палатой имуществ Круковским и невольным вятским гостем составляла 24 года.

В. Е. Круковской родился в 1802 г. в Полтавской губернии, его отец, коллежский советник Ефим Семёнович Круковский, принадлежал к старинному дворянскому роду. Получив домашнее воспитание, Василий Ефимович в 1818 г. вступил на службу в Нарвский гусарский полк. Служил в Пскове, Москве, Нижнем Новгороде. В 1835 г. по домашним обстоятельствам уволился со службы в чине подполковника с мундиром. Более 10 лет Василий Ефимович служил в Нижегородской губернии: вначале окружным начальником, затем управляющим палатой государственных имуществ.

В формулярном списке Круковского, хранящемся в ГАКО, мы находим огромное количество благодарностей, «благовелений», «признательностей», которые были объявлены ему за службу в Нижегородской губернии; вот лишь некоторые формулировки этих поощрений: «за отличный внутренний порядок в Палате и успешное ведение дел», «за содействие к разведению картофеля в Нижегородской губернии», «за заботливость по взысканию сборов с государственных крестьян», «за совершённое окончание очередного набора» и прочие.

Круковский с 1849 г. состоял управляющим Вятской палатой государственных имуществ, с ним Михаилу Евграфовичу пришлось «усмирять» волнения крестьян Трушниковской волости. Салоны и «парадные» обеды в его доме он нередко посещал. И ещё в письмах Салтыкова о нём же: «Это весьма хороший человек, который принимает во мне участие и у которого я принят как нельзя лучше...»; «супруга его также весьма добра ко мне».

Жена Круковского Мария Евдокимовна родилась в Нижегородской губернии в семье генерал-майора Куприянова. У Марии Евдокимовны и Василия Ефимовича было большое семейство: пять сыновей – Николай, Василий, Сергей, Владимир и Пётр, дочь Аделаида.

21 августа 1854 г. В. Е. Круковский покинул Вятку, а через некоторое время в городе появился новый управляющий палатой Константин Львович Пащенко (1814 – после 1880).

В письме к брату Дмитрию 1 октября 1854 г. М. Е. Салтыков расспрашивал об этом чиновнике, намереваясь перейти к нему на службу и таким образом переменить ведомство: «К нам определён управляющим палатой государственных имуществ некто Пащенко, но до сих пор не бывал ещё. Не знаешь ли ты его, что это за человек? Я спрашиваю потому, что если он человек не дурной, то мне хотелось бы перейти в ведомство государственных имуществ».

Константин Львович Пащенко служил до переезда в Вятку чиновником особых поручений V класса при министре государственных имуществ генерал-адъютанте, графе П. Д. Киселёве.

Его отец, Лев Корнилиевич Пащенко, состоял на службе в должности командира Охтинского порохового завода, в 1812–1815 гг. был в походах французов, принимал участие в сражениях с ними и вышел в отставку в чине генерал-майора.

Сын же его – Константин Львович – родился в 1814 г., образование получил в Благородном пансионе при Санкт-Петербургском университете. По окончании курса в 1830 г. поступил на службу в Почтовый департамент, спустя пять лет вышел в отставку, а в 1836 г. поступил на службу в Государственный контроль, из которого перешёл в Штаб военных поселений. В 1846 г. Пащенко назначен управляющим палатой государственных имуществ Пензенской губернии. Там он рьяно принялся за взыскание платежей с государственных крестьян и этим навлек на себя местное неудовольствие, вследствие чего в 1848 г. был причислен к Министерству государственных имуществ без содержания. В 1853 г. на Пащенко было возложено весьма серьёзное поручение: расследование открытой в Ярославской губернии секты раскольников, называвшейся «Страннической или Сопенковскою». Дело по этому предмету разрослось в 22 томах с 25000 листами. По заявлению Министерства внутренних дел, существенная и большая часть в этом труде принадлежала К. Л. Пащенко. Таким образом, в 1854 г. он вновь был назначен управляющим палатой государственных имуществ, уже в Вятке.

Итак, это был типичный петербургский сановник, правда, с некоторой теорией чиновничьего служения (вероятно, внушённой самим министром), с которой он приступил к своему делу в провинции. В своём мышлении Пащенко выработал круг бюрократических идей, что позволило Салтыкову через полтора десятилетия иронически назвать его «пионером», то есть

чиновником того «реформаторского типа, которые расплодятся в России в следующее царствование».

На первых порах рассуждения Пащенко, по-видимому, привлекали Салтыкова. Уже потом в очерке «Тяжёлый год» (1874) он ядовитейше высмеял такие «пионерские разглагольствования о народе, народной жизни и отношения к ней идейного чиновничества», высмеял тогда, когда уже сам полностью освободился от бюрократических иллюзий и, конечно, в образе председателя палаты государственных имуществ Удодова воплотил тип «пионера», воспользовавшись некоторыми чертами К. Л. Пащенко.

В конце сентября 1855 г. для наблюдения за формированием ополчения в Вятку прибыл генерал-адъютант П. П. Ланской, двоюродный брат министра внутренних дел. Вместе с ним присхала его жена – Наталья Николаевна, в первом браке – жена Пушкина.

Находясь в Вятке, Ланские познакомились с семьёй управляющего палатой государственных имуществ Пащенко, состоящего в то время членом губернского комитета по созыву ополчения. С приездом П. П. Ланского комитет активизировал свою деятельность, по своим служебным обязанностям, а именно в решении хозяйственных вопросов, к работе этого комитета привлекался и М. Е. Салтыков, что и сблизило его с К. Л. Пащенко и генералом Ланским.

Набор в ополчение довольно серьёзно расстроил жизнь простого народа, да и малограмотное купечество тоже пострадало от таких чиновников, как Пащенко (Удодов).

В очерке «Тяжёлый год» Салтыков рассказал о «патриархе» – «старом, беззубом, безволосом и совсем простом», которого Удодов на «благородной экономии» ловко обвёл вокруг пальца. Именно так и поступил реальный Пащенко с губернатором Семёновым. Кроме своей основной должности, К. Л. Пащенко был утверждён директором Вятского тюремного комитета, а также членствовал в ряде губернских комиссий и комитетов: оспенном, рекрутском, статистическом, комитете о земских повинностях.

В 1854–1855 гг. Салтыков стал дружен с семейством Пащенко. Конечно, часто встречаться с ним он не имел возможности, так как в это время долго находился в разъездах.

Так получилось, что в скором повороте жизненного пути Михаила Евграфовича значительную роль сыграла жена К. Л. Пащенко, добрейшая женщина. Может быть, это редкое душевное качество супруги Константина Львовича и влекло Салтыкова в дом Пащенко, а не столько к пустым разглагольствованиям «пионера» о народе и к карточному столу, обычному развлечению в вятских домах. Эта добрая женщина с участием и заботой принимала одинокого Салтыкова. Возможно, в доме Пащенко и продолжилось знакомство его с П. П. Ланским и его супругой, которые приняли участие в его судьбе.

Жена Пащенко (к сожалению, нам неизвестно её имя) была, вероятно, знакома с Натальей Николаевной Гончаровой-Пушкиной. В ряде работ исследователей жизни и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, в особенности его вятского периода, приводятся сведения о том, что якобы супругой К. Л. Пащенко была М. Д. Новицкая-(Дюр)-Пащенко, артистка Императорских Санкт-Петербургских театров. Этот факт не имеет достаточного основания: в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1902) приведён такой факт, что М. Д. Дюр, выйдя в отставку в 1854 г., сочеталась браком со своим давним поклонником Александром Львовичем Пащенко (возможно, братом К. Л. Пащенко), получив фамилию мужа. В данном случае – К. Л. Пащенко и М. Д. Пащенко – однофамильцы, видимо, родственники.

Скорее всего, именно мадам Пащенко и рассказала Н. Н. Ланской о Салтыкове, человеке, столь не похожем на окружающих, мятущемся, бывшем лицеисте, подобно Пушкину, испытавшем на себе милости императора Николая. Л. Н. Спасская в своих воспоминаниях писала: «Среди вятского общества Ланские особенно сошлись с управляющим палатою государственных имуществ Пащенко... и его женою... и бывали у них совершенно запросто. Мадам Пащенко, женщина редкой доброты, придумала заинтересовать Наталью Николаевну в судьбе М. Е. Салтыкова, который очень уважал и любил её (мадам Пащенко) и был у неё в доме принят как родной. Она составила план воспользоваться большими связями Натальи Николаевны, чтобы выхлопотать Салтыкову прощения и позволения возвратиться в Петербург...»

Эти две добросердечные женщины, с которыми посчастливилось встретиться Салтыкову, и способствовали его освобождению. Наталье Николаевне, по-прежнему обаятельной, видимо, приятно было оказать услугу бывшему лицеисту. Как удивительно то, что здесь, в Вятке, сопркоснулась вновь судьба Салтыкова с Пушкиным.

По словам Салтыкова, Ланские приняли «живейшее участие» в его судьбе, отправив государю 13 октября 1855 г. ходатайство об его освобождении; возможно, были письма Ланских частного характера министру, тем самым ускорив продвижение посланного ранее прошения губернатора об освобождении ссыльного чиновника.

В начале 1856 г. К. Л. Пащенко оставил должность по расстроенному здоровью согласно прошению и был причислен к Министерству государственных имуществ с производством в действительные статские советники. 12 февраля супруги покинули Вятку и возвратились в Петербург.

В 1857 г., окончив ревизию Казанского, Нижегородского и Саратовского управлений государственных имуществ, К. Л. Пащенко перешёл на службу в Министерство внутренних дел и в 1861 г. вступил на должность директора финансового департамента главного управления наместника Кавказского.

В 1862 г. Пашенко был назначен Ставропольским гражданским губернатором, на этой должности и пробыл до мая 1866 г., когда выпел в отставку. Умер в 80-х годах XIX столетия.

Вот лишь некоторые факты из жизней двух управляющих Вятской палатой государственных имуществ, добрых знакомых Салтыкова – В. Е. Круковского и К. Л. Пашенко, их семейств, волею судеб оказавшихся вместе с М. Е. Салтыковым в далёкой провинциальной Вятке.

Библиография

1. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин : биография. Ч. 1. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1949. С. 321–322, 409–410.
2. Панаева, А. Я. Воспоминания. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1948. С. 42–44.
3. Петряев, Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. – Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. С. 87–88, 91.
4. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – М. : Худож. лит., 1975. С. 71, 75, 343.
5. Щедрин, Н. (М. Е. Салтыков) Полн. собр. соч. Т. 18, кн. 1. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1937. С. 112, 394, 401, 497.
6. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – М., 1957. С. 541, 545.
7. Спасская, Л. Н. Наталья Николаевна Пушкина (Ланская) в Вятке // Тр. ВУАК. – Вятка, 1905. Вып. 1. С. 21 (Отд. 3).
8. Спасская, Л. Н. Несколько слов по вопросу об-освобождении М. Е. Салтыкова из ссылки в Вятку // ПКВГ на 1908 год. – Вятка, 1908. С. 113–118 (Отд. 2).
9. Соколова, К. И. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин : кн. для учащихся ст. кл. – М. : Просвещение, 1933. С. 46, 50.
10. Тюнькин, К. И. Салтыков-Щедрин. – М. : Мол. гвардия, 1989. С. 190–193.
11. Русский биографический словарь. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. Т. 12. С. 447–449.
12. ВГВ. 1854. 11 сент. (№ 37).
13. Там же. 1855. 17 дек. (№ 51).
14. Там же. 1855. № 8 (Ч. неофиц.).
15. Там же. 1857. 26 янв. (№ 4).
16. Памятная книжка о лицах, состоящих в государственной и общественной службе по Вятской губернии на 1855 год. – Вятка, [1855].
17. Список лицам, состоящим в государственной и общественной службе по Вятской губернии в 1856 году. – Вятка, [1856]. С. 7.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1028. Л. 12–30.

Забвение – не его удел (О В. Н. Баскакове)

Н. С. Никитина

Год назад не стало Владимира Николаевича Баскакова. Он умер 11 апреля 1995 г. в С.-Петербурге – городе, где он, вятчанин по рождению, прожил постоянно более 45 лет из отпущенных ему судьбой неполных 65. А 21 марта 1996 г. земляки чтят его память, и происходило это вечером того дня, когда здесь, в Кирове, начались VIII Салтыковские чтения. И в том, что эти два события совершались в один день, заключён большой и справедливый смысл: учёный-литературовед В. Н. Баскаков снискал себе известность и признание прежде всего своими трудами, посвящёнными изучению биографии и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, а без составленной им библиографии литературы о великом сатирике сегодня не обойдётся ни один щедриновед. Будь он жив, он, несомненно, участвовал бы и в этих VIII Салтыковских чтениях, как участвовал в двух последних, предшествовавших им. Постоянством своих научных пристрастий В. Н. Баскаков, быть может, в первую очередь обязан городу своего детства, где никогда не забывали старую Вятку и тех, кто не по своей воле вписал свои имена в её историю.

К истории своего родного края Владимир Николаевич всегда относился с особым и едва ли не благоговейным вниманием, и никакие заботы и планы, связанные с его собственной научной и научно-организационной деятельностью, не заслоняли для него проблем кировских краеведов, разрешению которых он способствовал не однажды. А между тем, на протяжении четырёх десятилетий В. Н. Баскаков был сотрудником Института русской литературы Академии наук СССР, а позднее – России, известного всему миру как Пупкинский Дом. И здесь его, специалиста по русской литературе и русско-польским литературным связям, помнят ещё и как одного из организаторов всей научной работы Института. В разное время он был и учёным секретарём, и заместителем директора, и заведующим Рукописным отделом, а из жизни ушёл ведущим научным сотрудником и заведующим Отделом библиографии Пушкинского Дома. Но на каком бы посту ни оказывался этот самобытный и одарённый человек, он всегда оставался самим собой, скромным и сдержанным, принципиальным и честным, уверенным и целеустремлённым. Это был человек обширных знаний, глубоких и прочных симпатий, не способный на фальшь, а тем более – ложь или предательство. А потому и на вечер, посвящённый его памяти, пришли не только его родные и коллеги, но и его школьные друзья, чьи дороги, казалось бы, давно и далеко разошлись с той, по которой шёл он.

Много проникновенных и добрых слов было сказано в тот вечер об этом светлом человеке, – ведь все говорившие любили его, и в их памяти он

навсегда остался живым. В унисон с воспоминаниями звучала и музыка, – русские песни и романсы, и среди них – его любимые ...

Пройдут годы и десятилетия, придут новые времена, и новые поколения щедринистов и краеведов уже не будут знать живого В. Н. Баскакова. Но хочется верить, что сказанное сегодня о нём его родными и друзьями, они, никогда его не знавшие, скажут завтра о его книгах, потому что его труд, его душа, его жизнь – в них... Наверно, так оно и будет.

ДЕВЯТЫЕ САЛТЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (2001)

Неопубликованная статья М. Е. Салтыкова-Щедрина
«Первая частная выставка произведений сельского хозяйства
и ремёсел в Вятке»

Н. П. Изергина

В связи с награждением чином коллежского ассессора М. Е. Салтыков, находясь в Вятке, составил к марту 1850 г. отчёт, где перечислил дела, которые он вёл с момента прибытия в Вятку, с 1848 г.: «Со времени назначения моего старшим чиновником особых поручений занятия мои заключались в следующем. Ныне на поручении дела:

1. Об утрате векселя, данного купцом Аршауловым купцу Колотову.
 2. О неприличном поступке неперменного заседателя Вятского земского суда Крылова и секретаря того же суда Лукина.
 3. Об утрате секретарём Вятского уголовного суда Марьиным дела о раскольнике Федосимове.
 4. О притязательных действиях частного пристава Бобаюдова в отношении к мещанину Урванцеву.
 5. О неприличном поступке чиновника совестного суда Зубарева.
- Занимался ведением дел:

1. Присоединение Быковской и Ношульской пристаней к Вятской губернии и приложении к пристаням сим улучшенных путей.
2. О применении к всем натуральным повинностям правил, установленных без учёта отбывания повинности подводной.
3. Об изыскании средств к усилению приходских училищ в городах Вятской губернии.
4. О средствах к улучшению благосостояния города Малмыжа.
5. О назначении в города Вятской губернии городских архитекторов.

Независимо от того неоднократно занимался, по поручению Вашего превосходительства, – пишет он губернатору А. И. Серёде, – ведением других менее значащих дел, относящихся до улучшения городов, так, например, относительно облегчения жителей губернского города Вятки в отправлении постоянной повинности, о постройке гостиных дворов в гор. Котельниче и Царёво-Санчурске. Сверх того занимался составлением всеподданнейших годовых отчётов за 1848 и 1849 годы»¹.

Известно, что черновики отчётов М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся в ГАКО, а чистовые их варианты в РГИА (г. С.-Петербург). В отчёте за 1849 г. он описывает организованную при нём в Вятке выставку: «В конце августа 1849 г., во время Семёновской ярмарки открыта была в губернском городе Вятке первая частная выставка произведений сельского хозяйства и ремёсел исключительно для государственных крестьян. Так как вся масса населения Вятской губернии состоит из лиц сего последнего сословия, то можно предположить, что участие прочих сословий едва ли могло придать выставке этой характер большего разнообразия. Впрочем, недостаток этот устранён разрешением открытия в 1850 г. в мае месяце в губернском городе Вятке общей губернской выставки, в которой примут участие все вообще желающие без различия сословий...»².

Характеризуя подробно выставку, Салтыков указывает на 244 экземпляра, размещённые в шести отделениях. Что же они собой представляли?

«...Из всех отделений, – пишет Салтыков, – самое замечательное было отделение произведений земледелия. Некоторые из выставленных образцов хлеба в зерне заслужили всеобщее одобрение, в особенности же иностранные породы оного. Так, например, английский скороспелый ячмень, ячмень голый, американская ярица и канадская плодovitая рожь. Здесь же выставлены были образцы разного хлеба на корне; многие из них были особенно большого роста, а именно канадская рожь в сажень, смоленский овёс 2 аршина и рижский овёс 1 аршин 14 вершков. Затем довольно замечательно было отделение столярных произведений. Мебельное мастерство в Вятской губернии находится на довольно высокой степени развития, в особенности же в Вятском уезде. В этом отделении в особенности были замечательны пьяно-рояль крестьянина Кушева, дубовые колёса крестьянина Петухова и резная мебель крестьянина Першина...

Награды за представление произведений были трёх родов: во-первых – серебряные медали с надписью – за полезное, во-вторых – похвальные листы и в-третьих – денежные от 3 до 20 руб. сер. Медалью награждено 4, похвальными листами 6 и деньгами 22 человека. Сверх сего для поощрения девичьих школ выданы трём из них денежные пособия от 7 до 11 руб. сер. И похвальных отзывов удостоены четыре произведения»³.

Салтыков так глубоко изучил материалы этой выставки, что написал специальную статью, до сих пор хранящуюся в Рукописном отделе Пушкинского Дома под названием «Первая частная выставка произведений сельского хозяйства и ремёсел в Вятке»⁴. Все щедриноведы (С. А. Макашин, В. Я. Кирпотин, Я. Е. Эльсберг и другие) указывали только на две выставки 1850 и 1854 годов, к которым был причастен Салтыков-Щедрин в Вятке. В. Н. Баскаков в 1954 г. опубликовал в январском номере газеты «Комсомольское племя» небольшую заметку «Новые рукописи М. Е. Салтыкова-Щедрина», в которой первым указал на выставку 1849 г. в Вятке

и на рукописи Салтыкова, связанные с нею. Заявив о наличии в Пушкинском Доме многочисленных документов Салтыкова вятского периода, Баскаков заметил: «Недавно среди этих документов найдены две интересные рукописи Салтыкова-Щедрина. "Первая частная выставка произведений сельского хозяйства и ремёсел в Вятке" – так называется одна из рукописей. Она представляет собой отчёт о выставке 1849 года. На основании документа можно точно установить, что первая сельскохозяйственная выставка, организованная Салтыковым в Вятке, проходила не в 1850 году, как считали до сих пор, а в августе 1849 года (в 1850 году Салтыковым была организована другая выставка). Другая рукопись представляет собой отчёт о состоянии сельского хозяйства, промышленности и торговли в Вятской губернии. Новые материалы освещают деятельность Салтыкова-Щедрина как непосредственного инициатора и организатора сельскохозяйственных выставок в Вятке»⁵.

Внимательно изучив рукопись М. Е. Салтыкова-Щедрина «Первая частная выставка произведений сельского хозяйства и ремёсел в Вятке» и сравнив её с отчётом за 1849 г., хранящимся в РГИА, мы пришли к выводу, что перед нами не просто отчёт о выставке, а серьёзная статья, хотя отдельные выражения подчас дословно повторяются, статья с широкими обобщениями и выводами. Только 9 страниц текста занимают размышления о значении подобных выставок для развития народного хозяйства, ремёсел, «ознакомления производителей между собою, возбуждения между ними соревнования»⁶. Но для организации подобных выставок, по мнению Салтыкова, нужна «известная степень промышленного развития страны»⁷. После теоретического вступления он подробно характеризует вятскую выставку 1849 г. с её шестью отделами, много размышляет по поводу её содержания и организации. Рассмотрев первый отдел, в котором богато представлен хлеб «как главный и наиболее постоянный источник богатства здешнего края», мёд (крестьянина Рублёва) и прочее, Салтыков заключает: «В этом отделе заслуживает особенного одобрения голый ячмень крестьянина Русских, американская ярица крестьянина Попова и английский скороспелый ячмень крестьянина Мохова. Вообще эта часть выставки произвела наиболее выгодное впечатление на производителя, хотя по мнению моему (зачёркнуто «нашему». – Н. И.), едва ли могла показать настоящее состояние местного земледелия. Чтобы судить положительно о настоящей степени развития земледельческой промышленности, желательно было бы видеть в этом отделении не только образцы иностранных сортов хлеба, которых разведение составляет всё-таки весьма незначительную часть в общей массе земледелия, но и в особенности образцы общеупотребительных в земледелии сортов хлеба»⁸.

В статье чувствуется широкий государственный подход к рассматриваемому вопросу, озабоченность состоянием народного хозяйства, уважение к талантливым народным умельцам, талантливому вятскому

мужику. Писатель говорит о победителях выставки крестьянах Русских, Рублёве, Кушеве и Петухове, отмечает удивившую всех посетителей шкатулку с позолоченными ящиками работы крестьянина-слеппа Ковязина, «пьяно-рояль в 6 ½ октав Кушева», дубовые колёса крестьянина Петухова («чрезвычайно прочны и дешёвы»), «кресло орехового дерева работы крестьянина Першина, весьма чистой отделки», стул с резьбой крестьянина Андрея Кушева («тоже сделано весьма чисто и красиво»), механический самокат крестьянина Садакова, «плетёный из корня чемодан крестьянина Бабинцева», холстяные, кожаные, железные изделия и пр. Салтыкова удивила страсть вятских крестьян к «эксцентрическим ремёслам» (деревянные, стеклянные часы, цепочки и т. п.), свидетельствующим о даровитости.

И хотя, как установила по архивным данным⁹ краевед Н. В. Черных¹⁰, М. Е. Салтыков не был организатором, «распорядителем» выставки, и рукописный отчёт о выставке, хранящийся в ГАКО, был подписан председателем Вятской палаты государственных имуществ В. Е. Круковским (назначенным организатором этой выставки), «Салтыков к этому времени досконально изучил состояние хозяйства огромной губернии, и несомненная польза выставок его очень заинтересовала»¹¹. Поэтому в своём годовом отчёте он так детально охарактеризовал выставку 1849 г. и написал о ней статью, которая, к сожалению, до сих пор не опубликована. Музею М. Е. Салтыкова-Щедрина необходимо добиться публикации этой статьи в полном объёме.

Организатором проходившей в Вятке в 1850 г. очередной выставки сельских произведений для шести губерний: Вятской, Казанской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской губернатор поставил Салтыкова (хотя вначале назначил И. В. Селиванова, тоже известного писателя, бывшего в вятской ссылке в этом году). На выставку однако «были представлены только изделия Вятской губернии»¹².

Вятская сельскохозяйственная выставка 1850 г. была признана Министерством государственных имуществ «одною из наиболее изобильных, благоустроенных и поучительных во всей империи». Результаты этой выставки Салтыков отразил в большой и интересной статье, опубликованной в «Вятских губернских ведомостях» (1851. № 4–7) под названием «Вятская очередная выставка сельских произведений» и в «Журнале Министерства государственных имуществ» (1851. Т. 38, ч. II. С. 203–238). Он пишет, что выставка была открыта с 15 августа по 1 сентября и помещалась в доме почётного гражданина Гусева на торговой площади. Всего был представлен 1861 предмет от 1227 представителей, преимущественно от государственных крестьян. Статья опять-таки, как и статья о выставке 1849 г., свидетельствует о глубоком интересе писателя к народу, о его демократизме, о любви к мужику, извечном его желании «принести хоть частичку пользы». Салтыков отмечает активное участие в

выставке крестьян. Он пишет об успехе крестьянина Малмыжского уезда Макара Максимовых, который представил 12 сортов русского хлеба «с принадлежащей ему образцовой усадьбы», которая «служит прекрасным примером для крестьян», за что получил главную награду выставки – большую золотую медаль; отмечает успехи Лаврентия Власьева, вырастившего ананас и виноград, Петра Сунцова, вырастившего образцы хлеба и овощи. Особо выделяет получившего большую серебряную медаль крестьянина Сарапульского уезда Никиту Санина, который улучшил известную американскую веялку, от чего «устройство машины не потерпело, а между тем ценность (цена. – *Н. И.*) её уменьшилась», а также получившего малую серебряную медаль крестьянина Слободского уезда Ипполита Галицкого за его юфтевые кожи. Ещё одну малую серебряную медаль получил Пётр Шишкин за выделку железных изделий. Щедрин вновь восхищается «необыкновенной восприимчивостью простого народа в Вятской губернии, чрезвычайно быстро постигающего полезную сторону дела» и «горячо сочувствующего»¹³ всем добрым начинаниям. Говорит и о причинах отсталости сельского хозяйства Вятской губернии, главные из которых – раздробленность земли на мелкие участки, на которых невозможно применить передовые методы ведения сельского хозяйства; отсутствие у крестьян нужных орудий земледелия, для чего необходимо развитие «железодельной промышленности», низкий уровень обработки почвы, отсталость садоводства и огородничества.

М. Е. Салтыков был также организатором выставки сельских произведений 1854 г., на которой самым интересным для всех присутствующих предметом стала модель водяной мельницы с турбинным колоколом крестьянина Вятского уезда Семёна Кривошеина, высоко оценённая известным казанским профессором М. Я. Киттары¹⁴.

И самое замечательное, что было результатом этих выставок, – участие победителей в общероссийских и мировых смотрах, особенно по результатам выставок 1849 и 1850 гг. Например, крестьяне Слободского уезда Гаврила Максимович Назаров, Ипполит Иванович Галицкий, Николай Брофеевич и Василий Егорович Лагуновы направили 7 штук юфтевой кожи своего производства на Санкт-Петербургскую выставку, «предоставляя отправить их на Лондонскую, если заслужат одобрение на первой». Салтыков, посылая их в Петербург, писал: «Имею честь препроводить при сём <...> образцы кожаного, чугуно-литейного и канатного производства Вятской губернии по прилагаемому при сём списку»¹⁵ и далее перечислил 19 предметов.

Всё это говорит о большой работе Салтыкова и серьёзном внимании ко всем трём выставкам. Особенно ценной ему представлялась вторая выставка, о которой в отчёте за 1850 г. он писал: «Хотя в губернском городе Вятка 2 раза была выставка сельских произведений, в первый раз в 1837 (организатором которой был А. И. Герцен. – *Н. И.*) <...> и в другой раз в

1849 г. для одних государственных крестьян, но обе эти выставки не могут идти в сравнение с настоящей (выставка 1850) потому, что обе они были в весьма небольших размерах, и, наконец, обе были устроены на скорую руку, без всякой предварительной системы. Следовательно, выставка сельских произведений в том виде, как она была устроена в 1850 г., дала совершенно новое для Вятской губернии и потому надо было употребить все старания, чтобы привлечь крестьян, посеять в них сочувствие к благим начинаниям»¹⁶.

Выставка 1850 г. была так хорошо организована, что Салтыков получил за неё благодарность от Министерства государственных имуществ, занесённую в его формулярный список.

К сожалению, рукописи писателя, связанные с выставками 1849 и 1854 гг. (материалы о выставке 1854 г. находятся в ГАКО¹⁷), до сих пор не опубликованы, хотя они представляют большой интерес для исследователей. В них поднимается проблема исторических судеб русского крестьянства, которая займёт важное место во всём творчестве писателя. Они и сейчас очень современны, как и всё, что написал великий сатирик. Не случайно перед смертью он размышлял: «Писания мои до такой степени проникнуты современностью, что ежели и можно думать, что они будут иметь какую-нибудь ценность в будущем, то именно и единственно как иллюстрация этой современности». И хотя он здесь игнорировал себя как художника-сатирика, большого мастера гротеска, но выделил главное направление – современность всего им написанного. Поэтому все «писания» Салтыкова-Щедрина, даже связанные с вятскими выставками, весьма современны и нужны нам сегодня.

Примечания

1. ИРЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Д. 13. Л. 2–2 об. Описание служебных бумаг писателя вятского периода, хранящихся в ИРЛИ, дано В. Н. Баскаковым в работе «Бюллетень Рукописного отдела Пушкинского Дома. IX» (М. ; Л., 1961. С. 79–95). Конкретное разъяснение приведённых в очерке дел дано в докторской диссертации Б. В. Папковского «М. Е. Салтыков-Щедрин в эпоху 30–50-х годов» (Л., 1948. Гл. XII : Служебная деятельность в Вятке).

2. РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 50. Л. 425.

3. Там же. Л. 425–430.

4. ИРЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Д. 13. Л. 2–20. Рукопись статьи «Первая частная выставка произведений сельского хозяйства и ремёсел в Вятке».

5. Комс. племя. 1955. 25 янв. (№ 11). С. 4.

6. ИРЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Д. 13. Л. 3 об. Выдержки из статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Первая частная выставка произведений сельского хозяйства и ремёсел в Вятке» были опубликованы мною в сб. «Писатели и Вятский край» (Киров, 1976. С. 79–80).

7. Там же. Д. 8. Л. 6 об.

8. Там же. Л. 10–10 об.

9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 49. Д. 205. Л. 26.

10. Черных Н. В. «Принести хоть частичку пользы» // Урал. следопыт. 1989. № 5. С. 6.
11. Там же.
12. РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 44. Л. 262–263, 274–279. Материалы о результатах выставки.
13. ВГВ. 1851. № 5. С. 34.
14. Подробнее об этом см.: Черных, Н. В. «Как вятский мужик двух генералов прокормил» // Урал. следопыт. 1990. № 2. С. 55.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 49. Д. 375. Л. 125 об.
16. Там же. Л. 32–32об.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 179. Л. 1–31. Записи Салтыкова по организации сельскохозяйственной выставки в г. Вятке за 1854 г.

К вопросу о вятской избраннице

М. Е. Салтыкова-Щедрина – Елизавете Аполлоновне Болтиной
Н. П. Изергина

До сих пор о вятской избраннице М. Е. Салтыкова-Щедрина – Елизавете Аполлоновне, дочери вятского вице-губернатора А. П. Болтина, ставшей в 1856 г. женой писателя, существуют самые разные мнения, а в книгах ведущих щедриноведов в основном утвердились отрицательные оценки. Работая над книгой «Писатели в Вятке» (Киров, 1979), я детально изучала материалы ЦГАЛИ. В 1974 г. я нашла неопубликованные воспоминания детей друга Салтыкова – А. М. Унковского: «К чести Елизаветы Аполлоновны можно сказать, что она одна разбирала его ужасный почерк, говорила, что почерк Мишеля никто не может разобрать, кроме неё, и переписывала сама все его сочинения»¹. В книге сына писателя К. М. Салтыкова «Интимный Щедрин» я нашла подтверждение этим мыслям.

В 1980 г., будучи на стажировке в МГУ, я жила в зоне «Ж», где комендантом была жена Константина – Лариса Семёновна Салтыкова-Макаренко, которая каждую последнюю субботу месяца устраивала в своей комендантской «щедринские вечера», или «чаепития», куда приглашала тех, кто мог выступить с «находками» о сатирике. Она и сама выступала с чтением отрывков из книги мужа, читала письма к ней А. С. Бушмина, которого особенно выделяла, критиковала распространённый взгляд на жену Салтыкова. Кроме того, в беседах со мной (я жила через комнату от комендантской) она рассказала об их с мужем трёхмесячной поездке в Париж к дочери сатирика Лизе; о том, что перед отъездом Н. К. Крупская и М. И. Калинин просили её вернуть Константина в Россию, обещали квартиру в Ленинграде, дачу, что и сделали; говорила о своей помощи музеям в Твери и Спас-Угле, сетовала, что до сих пор не посетила музей Салтыкова в Кирове; критиковала многих щедриноведов, в книгах которых нашла отрицательные оценки Елизаветы Аполлоновны.

Приведём отдельные высказывания в критике. Так, Я. Е. Эльсберг в книге «Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество» (М., 1953) пишет: «В последние годы пребывания в Вятке Салтыков горячо полюбил шестнадцатилетнюю девушку (он полюбил её, когда ей было ещё 14 лет) Лизу Болтину, ставшую скоро его женой (их брак состоялся в 1856 г.). Она принадлежала к семейству, в котором умение поддерживать внешне беззаботную и «изящную» жизнь сочеталось с внутренней опустошённостью, отсутствием каких бы то ни было твёрдых устоев и полной безалаберностью в материальных делах. Все попытки Салтыкова повлиять на духовное развитие своей невесты оказались тщетными. Много позднее в 80-х годах Щедрин в одном из своих писем так обосновывает весьма требовательный идеал своей жены: “Часть дня (большую) в магазинах просидеть, потом домой с гостями придти, чтоб дома в одной комнате было много-много конфет, в другой комнате много-много ягод, в третьей много-много изюма, в четвёртой чай и кофе. И она ходит по комнатам и переодевается”².

Я. Е. Эльсберг заключает: «Из Елизаветы Аполлоновны выработалась мило “журчащая”, окружённая поклонниками, но по сути бесчеловечная и жестокая светская “куколка”. С самого начала брака Салтыкову пришлось напряжённо и изнурительно работать для того, чтобы удовлетворить неуклонно возрастающие претензии и прихоти жены. Он оказывался вынужденным использовать оба источника заработка – литературу и службу»³.

Примерно в том же духе отзывается о жене писателя В. Я. Кирпотин в книге о Щедрине: «13 ноября 1855 года Салтыкову было разрешено жить и служить, где он пожелает, а 28 ноября он уже писал брату Дмитрию: “Тебе, вероятно, уже известно, любезный друг и брат, что я уже свободен. Я подал в отпуск и 15 числа окончательно отправляюсь из Вятки в деревню к мамсеньке, а оттуда во Владимир. К 18-му января надеюсь быть в Твери, чтобы уже никогда с Вами не разлучаться. Всем этим я обязан генералу Ланскому, который так добр, что даже даёт мне письмо к нашему министру”. Вскоре после возвращения из ссылки Салтыков женился (в 1856 г.). Брак его не был счастлив. Жена была намного моложе его, а главное, не понимала и не разделяла его интересов. Духовная и идейная разобщённость между ними принесла ему впоследствии много огорчений. Почти восьмилетняя ссылка <...> объясняла запас знаний Салтыкова о России и русских людях. К началу 60-х годов, пожалуй, ни один из писателей того времени, за исключением, может быть, Некрасова, не обладал таким конкретным знанием русской действительности, как Салтыков»⁴.

Один из самых больших знатоков Щедрина С. А. Макашин во вступительной статье к сборнику «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников» заявляет: «Салтыков очень скоро оставил

просветительские надежды на возможность “перевоспитания” своей жены, которую полюбил, когда она была ещё девочка-подросток, и которая очень скоро развилась в красивую светскую женщину, весьма ограниченную с вечной заботой о празднике жизни, даже отдалённо не причастную к тому кругу умственных интересов, которыми жил её муж. В конце концов, Салтыков принял её такой, какой она была, – “куколкой”, воспитанной в аристократических традициях Смольного института»⁵.

Правда, в одной из своих книг о М. Е. Салтыкове-Щедрине С. А. Макашин признаётся, что в течение первых пятнадцати лет до рождения детей в 1872 г. (Константина), в 1873 г. (Елизаветы) их «жизнь в провинции и в Петербурге протекала без каких-либо потрясений»⁶.

В книге «Последние годы: 1875–1889», в главе «Жена и дети. Ад семейной жизни...» С. А. Макашин говорит, что мы мало знаем о детстве и юности Елизаветы Аполлоновны; сравнивает горе жизни Салтыкова с нею с чижиковым горем в одноимённой сказке: «В образе легкомысленной и бездушной красавицы-канарейки присутствуют черты всё тех же куколок салтыковской сатиры, присущих характеру и поведению Елизаветы Аполлоновны». Автор сравнивает «историю сближения и свадьбы» писателя и Елизаветы Аполлоновны со свадьбой чижики и канарейки. Говорит о «горьком окончании сказки»: «И живут они с тех пор друг подле друга в одном дупле, молчат и всё о чём-то думают. Он: “Ах, разбила ты мою жизнь, кукла бесчувственная”. – Она: “Ах, заел ты мою молодость, распыстальный майор!” Таково было горькое осознание их семейной жизни в финале»⁷.

Эти традиционные оценки проникли и в художественную литературу, в т. ч. и в повесть А. М. Туркова «Ваш суровый друг», где автор называет Елизавету Аполлоновну «пустой и суетной женщиной»⁸.

Думается, что причина подобных высказываний ведущих щедриноведов кроется в воспоминаниях о Елизавете Аполлоновне некоторых современников, например, доктора Н. А. Белоголового, называвшего её в письме к П. Л. Лаврову в 1856 г. «куколкой», В. А. Оболенского, Н. Е. Энгельгардта и т. д. С. А. Макашин не раз подчёркивал, что «среди авторов воспоминаний почти нет имён крупных писателей или других великих людей. Воспоминания принадлежат, за малыми исключениями, второстепенным деятелям. Естественно, что эти люди не обладали той, пользуясь определением Горького, “высотой точки наблюдения”, которая присуща выдающимся умам и которая необходима для масштабного отражения такого явления, как Щедрин»⁹.

Но среди оценок встречаются и иные характеристики, например, брата композитора С. И. Танеева Владимира Ивановича, друга писателя А. М. Унковского, приятельницы Е. И. Жуковской и других.

В. И. Танеев, удивляясь самообладанию Елизаветы Аполлоновны, писал: «Когда она выходила замуж, мать её, Екатерина Ивановна, говорила

ей: “Что ты делаешь, Лиза?! Подумай, разве ты не знаешь, какой у него характер?” – “Знаю, – отвечала она, – и никогда и никто не услышит от меня ни раскаяния, ни сожаления”. И в самом деле, более двадцати лет она выносила всё с невероятным спокойствием. Когда его крики и брань доходили до последних пределов, она говорила тоном сожаления: “Ах, Мишель, ах, Мишель”»¹⁰.

А. М. Унковский считает, что «увлечься своей Лизой и сохранить это увлечение надолго Салтыков мог, нужно думать, исключительно благодаря её привлекательной наружности, отменному изяществу, положительной художественности как её движений, так и всех её внешних проявлений – своим словам, сохранившимся без особых изменений в Елизавете Аполлоновне до последних лет жизни... Михаил Евграфович горячо любил свою жену в течение всей своей жизни»¹¹. О том, что он никогда не изменял своей жене, говорит и Е. И. Жуковская в книге «Записки. Воспоминания», где пишет: «Живя в провинции, он выучился игре на фортепиано под руководством своей жены, хорошей музыкантши»¹².

Надо заметить, что Лиза и её сестра Анна действительно хорошо играли на фортепиано – учились у ссыльного Станислава Яворского, который жил тоже на Спасской, через три дома от Болтиных.

Справедливости ради следует привести слова из книги К. М. Салтыкова: «Переходя к отношениям, существовавшим между отцом и его женой, моей матерью, я должен отметить, что многие совершенно неправильно утверждали, что эти отношения были плохи. Некоторые лица утверждали также, что моя мать – холодная кокетка, не интересующаяся литературным трудом своего мужа, что она только нарядами интересуется. Были инсинуации и похуже. Всё это – выдумки досужих людей. Брак между отцом и матерью, дочерью вице-губернатора А. П. Болтина, был заключён по любви. Это видно хотя бы из очерка отца «Скука», в котором мама фигурирует под именем «Бетси», и каждый из нас, читавший этот очерк, конечно, заметил, с какой любовной страстностью описывает писатель свою маленькую Бетси. И в дальнейшем отец относился к матери с той же любовью. В посмертной записке, оставленной мне, он завещал и мне любить мать. Из этого видно, что даже в последние минуты жизни он думал о той, что когда-то была его маленькой Бетси в коротеньком платьице. И уж из могилы напоминал мне о том, что я должен прежде всего любить ту, которая была его верной подругой в течение его многострадальной, скитальческой жизни. И моя мать была достойна его любви. Правда, будучи замечательно красивой женщиной, она любила хорошо приодеться, причесаться по-модному, любила также разные дорогие украшения, но не требовала от мужа того, чего он дать ей не мог. Безропотно следовала она за ним из Вятки в Тулу, из Тулы в Рязань и т. д., не имея нигде постоянной оседлости, безропотно сносила все его капризы, зная, что они являются

результатом его болезненного состояния. А когда он падал духом, ободряла и утешала его. И он бодрился и с новыми силами принимался за свой труд.

Да, много было ею сделано, чтобы сохранить России великого писателя, не раз с отчаяния решавшего навсегда покончить с литературой.

Затем, мало кто знает, какой старательной сотрудницей она являлась в его литературных трудах. Дело в том, что отец писал какими-то иероглифами, совершенно непонятными для большинства не только малограмотных наборщиков того времени, но и для интеллигентных людей. Кроме того, он беспрерывно делал выноски на полях листа бумаги, связь которых с текстом было найти довольно замысловато. Вообще, рукописи его для человека, не освоившегося с его рукой, с его методом писания, представляли нечто крайне неразборчивое. И вот мама терпеливо занималась перепиской мужниных рукописей, которые в переделанном ею виде и попадали в наборные типографии. Этот труд стоил ей почти полной потери зрения.

Добавлю, что, будучи женихом, мой отец не только ухаживал за моей матерью, но, вместе с тем, взял на себя обязанности пополнить её и её сестры, Анны, знания как в русской словесности, так и в истории. Он, между прочим, составил для них курс истории, до сего времени никем не напечатанный, в котором он высказал весьма оригинальные взгляды на исторический ход развития России. Рукопись была в руках моей сестры, ныне находящейся за границей, а почему она не опубликовала её – мне неизвестно. Факт, мною приводимый, лучше всего доказывает, какие глубокие чувства питал отец к моей матери, когда собирался сделать её своей женой и подругой всей жизни»¹³.

А Елизавета Аполлоновна за свой мягкий характер (о нём говорят буквально все), за свою заботу о рукописях мужа, за свою красоту и изящество заслужила большую любовь супруга. К тому же они вместе в четыре руки играли Бетховена и Гайдна. Когда Михаил Евграфович впервые увидел Лизу Болтину, она вместе с Анной играла на фортепиано.

Вполне вероятно, что не всё и не всегда было хорошо в их отношениях, также и в характере Елизаветы Аполлоновны. Но нельзя оценку характера верной жены и помощницы Салтыкова давать без оценки их сына и близких им людей.

Считаю, что необходимо в г. Кирове сохранить дом невесты на ул. Дрелевского, 26 (бывш. Спасской), ведь в этот дом Михаил Евграфович приходил часто, ибо он «привязался к семейству Лизы, как к родному», а Лиза была для него «радостью и упоением» в годы вятской ссылки 1848–1855 гг.

Нам следует также заняться разысканиями о семействе Болтиных, ознакомиться с послужным списком А. П. Болтина в ГАКО и его дневником в Нижегородском областном архиве. Известно, что Болтин занимался спиритизмом, участвовал в журнале «Радуга», печатал брошюры в С.-

Петербурге, например, «Замечания на статью “Рефлексы головного мозга”» М. Сеченова. А семья Болгиных была довольно интеллигентной семьёй. Дочь Анна впоследствии стала правой рукой известного публициста Гацисского в Н. Новгороде.

Думается, что ещё исмало следует потрудиться, чтобы до конца прояснить облик жены великого сатирика.

Примечания

1. РГАЛИ. Ф. 44 б. Оп. 1. Д. 157. Л. 10.
2. Эльсберг, Я. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. – Л., 1953. С. 98–99.
3. Там же. С. 99.
4. Кириотин, В. Я. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. – М. : Сов. писатель, 1955. С. 99.
5. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – М., 1957. С. 22–23.
6. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути : 1860–1870 годы : биография. – М., 1984. С. 483.
7. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы : 1875–1889 : биография. – М., 1989. С. 409–410.
8. Турков, А. М. Ваш суровый друг. – М. : Книга, 1988. С. 77.
9. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. С. 35.
10. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – Изд. 2-е. – М., 1975. Т. 2. С. 218.
11. Там же. С. 120.
12. Жуковская, Е. И. Записки. Воспоминания. – М. : Аграф, 2001. С. 309.
13. Салтыков, К. М. Интимный Щедрин. – М. ; Пгт., 1922. С. 61–63.

Искусство сатирического повествования в романах «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Господа Помпалинские» Э. Ожешко

О. А. Полякова

Сатирический принцип изображения действительности являлся ведущим и определяющим в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, полагавшего, что цель писателя состоит в том, чтобы содействовать изменению «несовершенных общественных обстоятельств». Польская писательница Э. Ожешко, выдвинувшая концепцию «тенденциозного» романа, призванного служить интересам общества и бороться с его пороками и предрассудками, создала ряд произведений, в которых проявился её сатирический талант. К ним относится роман «Господа Помпалинские» (1876), написанный в одно время с романом русского сатирика «Господа Головлёвы» (1875–1880). В них представлены связанные узами родства герои, судьбы и характеры которых с большой художественной силой воплощают противоречия эпохи. В том и другом

произведении внимание авторов предельно сконцентрировано на социальной проблематике. Много общего обнаруживается и при сопоставлении средств и приёмов сатирического повествования. В обоих романах сатира не покидает бытовой почвы; авторы фиксируют распад семейно-родственных отношений, причины которого видят, прежде всего, в пагубном воздействии на человека общественного уклада, основанного на социальном неравенстве и ложных нравственных ценностях, поэтому карают в своих героях вовсе не личное, индивидуальное «злодейство». Это приводит к тому, что сатирические образы – Арины Петровны, Иудушки в «Господах Головлёвых» и генеральши Орчинской, графа Святослава в «Господах Помпалинских» – приобретают трагическое звучание.

Родственные узлы в обоих семействах становятся фикцией под влиянием различных причин: у Головлёвых – «болезненной жажды стяжательства», «праздности, непригодности какому бы то ни было делу и запоя», у Помпалинских – стремления «во что бы то ни стало сохранить своё положение» и превратно понятыми «интересами семьи». Помимо фамильных, родовых качеств, каждый из героев обладает индивидуальной характеристикой, представленной в сатирическом ключе, например, стихийных и неуправляемый Стёпка-балбес, «никакой» Павел, цинично-либеральный Порфирий Головлёвы или вульгарный прожигатель жизни Август и тщеславная ханжа Виктория Помпалинские. При этом в системе образов обоих произведений выделяется крупный оригинальный художественный тип, в котором максимально проявляется основное идейное содержание, а также демонстрируется умение писателей «выставлять не только одну смешную, пошлую сторону жизни, но и обнаруживать в этой пошлой стороне потрясающий трагизм» (А. Скабичевский). Так, образ Иудушки, организуемый мотивом лицемерного пустословия, строится на глубокой психологической гиперболе. Именно в этом герое доведены до предела общие черты и тенденции всего семейства. В романе Э. Ожешко жертвой морали Помпалинских становится Цецилия Орчинская, которая пытается отомстить за погубленное счастье и в этом стремлении предстаёт как фигура трагическая и фарсовая одновременно. Сатирический портрет героини, «старухи», при виде которой становилось «и смешно, и страшно», основан на эстетике гротеска: «Наряд был так пёстр и нелеп, что издали казалось, будто на софе просто свален ворох кружев, лоскутьев, лерьев, золотых и бриллиантовых бус и украшений».

Особое значение приобретает в романах ироническая тональность, смыкающая в едином стилистическом ключе изображение героев и среды. Мир вещей, предметов вовлечён в сферу человеческих отношений. М. Е. Салтыков-Щедрин и Э. Ожешко используют ёмкие детали, вырастающие до глубоких символов. В «Господах Головлёвых» это знаменитый тарантас, ставший предметом имущественного спора между Порфирием и Ариной Петровной, или киот, из которого большинство икон было вынута и

присвоено Иудушкой, в результате чего «образовавшиеся пустые места смотрели, словно выколотые глаза». В «Господах Помпалинских» бездетная, ненавидящая жаждущих получить огромное наследство дальних родственников, генеральша выкладывает из бриллиантов огромного фантастического паука. Вершиной сатирического мастерства писательницы считается сцена званого обседа в доме Орчинской, на котором наследники стремятся перещеголять друг друга в лицемерии, хотя и подвергаются изощрённым унижениям со стороны хозяйки.

Таким образом, М. Е. Салтыков-Щедрин и Э. Ожешко, разрабатывая в своих произведениях тему семьи и рода, внесли свой весомый вклад в развитие психологической сатиры.

Старинный вятский польский род

Т. А. Дворецкая

Окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина в вятской ссылке – одна из малоизученных страниц его биографии. Сам писатель очень скуп на имена в письмах вятского периода и воспоминаниях. Гораздо «разговорчивее» в этом отношении оказался его современник и товарищ по несчастью, ссыльный поляк Генрих Каменьский. В письмах к сестре Лауре из «вятского плена» он буквально сыплет именами, и не только сыплет, но даёт характеристики упомянутым лицам. Среди них и Салтыков, с которым Каменьский подписался пополам на газеты и журналы на 1849 г. Это упоминание не случайно. Круг Салтыкова и Каменьского – один круг. Это образованное вятское чиновничество, с которым Салтыков-Щедрин был знаком по службе, Каменьский же по другой причине. Дело в том, что довольно значительную часть этого чиновничества составляли поляки, и Каменьский, плохо знавший русский язык, сблизился прежде всего с ними, а через них и со всеми остальными.

Среди первых, с кем он познакомился и подружился, было семейство Дравертов. Хотя Салтыков-Щедрин нигде не называет Дравертов, местные щедриноведы Е. Д. Петряев и Н. П. Изергина относят их к числу ближайшего окружения писателя.

Братья Станислав, Игнатий и Александр Драверты были сослуживцами Салтыкова по канцелярии губернатора и губернскому правлению. Это лишь три представителя многочисленного семейства. Глава семьи Иван Гаврилович (Ян-Габриэль) Драверт, некогда храбрый улан, раненый в сражении при Аустерлице, приехал в Вятскую губернию в 1825 г. Он служил в Уржумском и Яранском судах, а в 1840 г. переехал к служившему в Вятке сыну Станиславу. Всего же у Ивана Гавриловича было пять сыновей и одна дочь – Эмилия.

Ко времени появления Каменьского и Салтыкова в Вятке главой семьи после смерти отца стал Станислав Иванович Драверт, женившийся на польке Анеле Токарской, дочери глазовского чиновника. В их доме устраивались званые вечера. Вот как пишет об этом Каменьский: «Вчерашний вечер провёл у Дравертов <...> с незапамятных времён добровольно осевший здесь польский род. Из трёх взрослых братьев женат только старший. <...> Всех родственников шесть человек: ещё двое студентов и девушка около двадцати лет. Между собой все достаточно чисто говорят по-польски, хотя немного чувствуется русский акцент. Есть ещё и пожилая мать, но я её не видел. Они придерживаются русского обычая принимать гостей в двух совершенно пустых гостиных, где абсолютно ничего нет, кроме симметрично расставленных стульев и диванов, столиков, на которых ничего не лежит, и вазонов с растениями»¹.

Впоследствии Каменьский более близко познакомился с Дравертами: «Госпожа Драверт очень похожа на полную русскую матрону, девица Драверт <...> бледная, с желтизной, длинная, тщедушная, худущая, но насмешливая, неглупая, даже остроумная, не цедит слова сквозь зубы. <...> Старушка Драверт – добродушная женщина»².

Особенно близок оказался Каменьскому Александр Драверт, чиновник канцелярии губернатора: «Из трёх братьев Дравертов Александр нравится мне больше всего: сообразительный, живой, открытый, добродушный. Воспитанием его особо никто не занимался, по-польски двух рядков не напишет, хотя говорит по-польски лучше <...> многих других. Он родился и воспитывался в Вятской губернии, очень хочет посетить западные губернии, а может, и насовсем туда перебраться, но у него нет денег»³. Удалось ли Александру Драверту перебраться в западные губернии – неизвестно. Известно лишь, что в 1857 г. он был исправником в Малмыжском суде; тогда же написал «Очерк промыслов в Малмыжском уезде», который редактор «Вятских губернских ведомостей» оценил как «добросовестный и усердный труд»⁴. В дальнейшем среди чиновников Вятской губернии его имени нет. Есть лишь Иван Александрович Драверт, судейский чиновник в 1890–1904 гг.

Как же сложилась судьба остальных Дравертов «салтыковского» периода?

Эмилия Драверт вышла замуж за губернского секретаря Поровского; овдовев, жила у старшего брата Станислава.

Братья Станислав и Игнатий Драверты всю жизнь служили чиновниками в Вятке. Как и во времена Каменьского и Салтыкова, они не боялись поддерживать связи с вятскими ссыльными. Когда в 1860-х гг. сюда начали прибывать участники Польского восстания, полиция не раз отмечала контакты с ними Игнатия и Станислава Дравертов, а также сына последнего Людвиг, выпускника юридического факультета Московского университета, судебного следователя. Станислав и Людвиг Драверты были в числе

постоянных посетителей дома ссыльного вилениского епископа Адама Станислава Красинского⁵. Людвиг Драверт был частным поверенным А. В. Марниц, владелицы Талицкого винокуренного завода. Вероятно, этим объясняется большое число служивших там ссыльных поляков, которые благодаря его протекции получили работу и средства к существованию. Его дети Ксения и Пётр участвовали в событиях Первой русской революции, сын Петра Леонид был членом партии левых эсеров. Как и его отец, он подвергся сталинским репрессиям и после неоднократных арестов был расстрелян в 1938 г.

С именем Дравертов связано и имя А. С. Пушкина. Об этом писал Е. Д. Петряев: «Старожилы рассказывали, что Н. Н. Ланская оставила на память семье вятского чиновника Драверта свой веер, будто бы подарок Пушкина. Через много лет поэтом и учёным П. Л. Дравертом веер был передан в Омский краеведческий музей⁶, где тогда работал Пётр Людвигович».

Имена Дравертов найдём мы и в истории Вятской публичной библиотеки и музея. В 1860-е годы членом Попечительного комитета библиотеки был Станислав Иванович Драверт. Игнатий Иванович Драверт в эти же годы преподнёс в дар музею при библиотеке редкий экспонат – «цветок из берёзовой коры»⁷, а в дар библиотеке ещё более ценную вещь – «подлинный экземпляр “Истории вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества”, сочинение Александра Вештомова 1807–1808 гг.»⁸. Это первый основополагающий труд по истории Вятки, без которого не обходится ни одно современное серьёзное исследование вопроса. Людвиг Драверт, видный судебский чиновник, долгие годы (1904–1917) также состоял членом Попечительного комитета и подарил библиотеке несколько десятков книг. Внук Станислава Ивановича – Станислав Адольфович Драверт, заслуженный врач России – имел богатую домашнюю библиотеку на польском языке, которая после его смерти в 1965 г. поступила в библиотеку им. А. И. Герцена. Собрание его книг пополнялось в течение XIX–XX веков⁹.

Одним из украшений нашего города, его архитектурным памятником является Александровский костёл. Среди инициаторов его строительства был опять же С. И. Драверт – активный член общества католиков Вятки¹⁰. Правда, увидеть костёл ему не довелось – он не дожил до его открытия.

Как видим, история старинного польского рода тесно переплелась с историей культурного прошлого Вятского края.

Примечания

1. Каменьский, Г. Письма из ссылки. – Киров, 1989. С. 62–63. Машинопись.
2. Там же. С. 71.
3. Там же. С. 174.
4. ВГВ. 1857. № 47. С. 305.

5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 594. Л. 34–35.
 6. Петряев, Е. Д. Литературные находки. – Киров, 1981. С. 251.
 7. Отчёт о состоянии Вятской публичной библиотеки за 1865 год. – Вятка, 1866.
- С. 6.
8. ВГВ. 1871. № 18. С. 4.
 9. Мальшева, Е. А. Имена владельцев в собрании кабинета-музея западноевропейской книги // Петряевские чтения – 2001. – Киров, 2001. С. 58.
 10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 228. Л. 8.

Русские писатели и вятские «нигилисты»

В. Д. Сергеев

Во второй половине XIX в. по части «книжного дела» Вятка немногим уступала более крупным провинциальным городам. К книгам тянулась разночинная интеллигенция, учащаяся молодёжь. Труднее, конечно, приходилось тем, кто жил в уездной глуши. В обзаведении книгами немаловажную роль играли личные контакты вятчан или их знакомых, живущих в Петербурге или Москве, чаще всего тоже вятских, с книгопродавцами и с редакциями журналов.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится письмо петербургского студента, старшего брата вятского семинариста Сократа Мышкина, который в 1874 г. помог учащейся молодёжи в Вятке подписаться на демократический журнал «Дело». Кроме того, старший Мышкин сообщал: «Ходил к редактору “О. З.” Некрасову. Некрасов принял на свой счёт подписную цену, приказал высылать “Отечественные записки”... Собирайте скорее денег и шлите нам... Мы вам на эти деньги очень хороших книг добудем...»

В 1883 г. М. Е. Салтыков-Щедрин обговаривал с земским служащим из Котельнича И. Н. Кошурниковым высылку пятнадцати своих книг для открываемой им библиотеки. (Ивана Николаевича писатель знал ещё по времени вятской ссылки, когда тот служил чиновником при губернском правлении). О многообразных связях Салтыкова-Щедрина с вятчанами подробно рассказал в своих книгах Е. Д. Петряев. Плодотворно работал в этом направлении и библиограф В. Г. Шумихин. Но тема обширна...

В 4-м томе многолетнего труда литературоведа С. А. Макашина «Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889» рассказано о том, что квартиру писателя на Литейной, 62 посещала в 1879 г. народоволка Анна Якимова. Этот факт известен давно из записей революционера Николая Клеточникова, проникшего в тайны III отделения и доставлявшего землевозцам, а позднее народовольцам, секретные сведения о том, что знают и замышляют против них в «здании у Цепного моста».

В донесениях агентов, тщательно зафиксированных Клеточниковым, сообщалось и о посещении Якимовой квартиры Салтыкова-Щедрина.

Конечно, агенты не пренебрегали и фантастическими измышлениями вроде того, что писатель-сатирик входит в... «революционный центр» тайного общества вместе с Г. В. Плехановым и даже сотрудничает в «Листке “Народной воли”». С учётом этого может возникнуть закономерный вопрос: не были ли досужей выдумкой агентов сообщения о визитах Якимовой к писателю?

Однако С. А. Макашин рассказал, что в 1932 г., собирая у ветеранов освободительного движения материалы для анкеты о Салтыкове-Щедрине, он получил и письменный ответ от Якимовой (из вятчан тогда же на анкету откликнулся Н. А. Чарушин). Анна Васильевна написала так: «Молодёжь революционная ценила и любила Щедрина как несравненного социально-политического сатирика... Молодёжь не искала у Щедрина выяснения теоретических вопросов, её волновавших. Она приветствовала в нём сильного литературного бойца, боровшегося за общие с ней идеалы тем оружием, которое дал ему его мощный сатирический талант».

А. В. Якимова подтвердила в анкете, что она «действительно два-три раза приходила к Салтыкову-Щедрину с просьбой о “подарочной” посылке его книг и льготной подписке на журнал “Отечественные записки” для ссыльнопоселенцев» и что частично её просьбы были удовлетворены. Было бы интересно разыскать следы посылки этих книг или подписки, узнать, кому они были адресованы. Скорее всего, в Вятскую губернию – вполне возможно. Ведь общительная Анна Васильевна была хорошо знакома со многими народниками и политическими ссыльными в самой Вятке и уездах и в то время, когда она жила на родине, и позднее.

Примечателен эпизод из воспоминаний священника-просветителя Н. Н. Блинова, связанного с разночинно-демократической интеллигенцией Вятки, несмотря на его духовное звание. Однажды на редакционном собрании сотрудников «Отечественных записок» философ В. В. Лесевич сказал о Блинове, что он живёт в Петербурге в крайней нужде, назвав его «провинциальным писателем». Присутствовавший в редакции М. Е. Салтыков-Щедрин порекомендовал Лесевичу обратиться к А. С. Суворину. Вскоре он спросил, получил ли Блинов работу в «Новом времени». В ответ на слова Лесевича, что у Суворина и так много ищущих работу, Салтыков сказал: «Пусть он скажет Суворину, что я прошу». Сотрудник Суворина (самого издателя тогда не было в Петербурге) дал обещание Блинову, что редакция намерена помещать его статьи в газете «Новое время». После состоялось знакомство Блинова с Сувориным. Связи с ним Блинов сохранял некоторое время и по возвращении в Вятскую губернию.

Казалось бы, какая связь существовала между Достоевским и вятчанами? С Вяткой Фёдор Михайлович связан не был, вятских реалий в его творчестве как будто бы нет. И тем не менее...

В глухой части парка Петровской земледельческой академии в Москве произошло жуткое преступление. Наутро в пруду нашли труп, к ногам

которого была привязана верёвка с кирпичом, вблизи нашли ещё один кирпич, обмотанный верёвкой, со следами крови.

Убийство это 21 ноября 1869 г. совершили участники революционной организации под суровым названием «Народная расправа», которой предводительствовал Сергей Нечаев. Жертвой преступления оказался студент Иванов, безосновательно заподозренный Нечаевым в доносительстве. Жестокая расправа последовала незамедлительно. Заманив Иванова в тёмный грот, Нечаев накинулся на него с шайкой поделщиков. Несчастного начали душить. Потом Нечаев выстрелил ему в голову. Убитого оттащили к пруду, привязали к ногам груз и бросили в прорубь. После обнаружения трупа началось следствие, аресты. Хватали не только участников убийства, но и всех причастных к нечаевской организации. Сам Сергей Геннадьевич благополучно сбежал за границу, оставив на произвол судьбы сотоварищей.

Среди слушателей академии, завлечённых Нечаевым и его ближайшими помощниками, оказались Иван и Владимир Рязанцевы, «почётные потомственные граждане», из известной и уважаемой в Вятке купеческой династии.

Ивана заманил в общество в конце сентября или начале октября 1869 г. близкий к Нечаеву Алексей Кузнецов. Владимир попал в общество в середине ноября. Кузнецов числился в кружке «первой ступени», в одном из которых, кузнецовском, оказались и Рязанцевы. Нсофиты нечаевского общества читали на заседаниях программу «Интернационала», революционные прокламации. Собирались они раз в неделю, потом реже. Переписывали составленные Нечаевым прокламации, а затем рассылали их по другим городам.

Рязанцевых арестовали в декабре 1869 г. На следствии оба признали себя виновными в принадлежности к тайному обществу. Иван рассказал, как на собраниях читали заграничные издания Искандера (А. И. Герцена), князя П. В. Долгорукова. Ему пришлось отдать на дело общества десять рублей. О целях «Народной расправы» Иван знал не очень много, так как «подобные подробности передавались ему очень скупно». Владимир показал примерно то же самое. Он-де вначале отказывался вступать в общество, потом согласился на уговоры и, как Иван, тоже пожертвовал десять рублей. Рязанцевы прошли на суде по «второй группе обвиняемых». Судебная палата признала обоих в соучастии в противозаконном обществе. Приговор оказался мягким – всего два месяца тюремного заключения и высылка под полицейский надзор на родину. Так выглядело участие Рязанцевых в следственных и судебных материалах. Однако А. К. Кузнецов, доживший до советских времён, вспоминал, что Иван заведовал нелегальной библиотекой слушателей земледельческой академии, а оба Рязанцевых, как и другие из кружка «второй степени», основали, каждый около себя, ещё и по кружку

«третьей степени», то есть были их верховодами. Следовательно, они ещё легко отделались.

В той или иной степени причастными к нечаевскому делу были вятчане-студенты Аркадий и Валериан Спасские, Сергей Фёдоров – все выпускники Вятской гимназии. За ними в Вятке тоже установили полицейский надзор. Помимо вятчан, по этому же делу в Вятскую губернию, сначала в Орлов, потом в Котельнич, выслали уроженца города Шуши Елизаветпольской губернии (современная территория Нагорного Карабаха) Джавада Ишханова. В 1875 г. он совершил побег из ссылки, был пойман, но отправлен не в Вятскую губернию, а на свою родину под надзор полиции.

Рязанцевы и Спасские могли многое рассказывать вятской учащейся молодёжи о нечаевском деле. Валериана Спасского в 1874 г. арестовывали за причастие к революционной пропаганде, когда он служил земским врачом в Уржумском уезде. Позднее, находясь в Сибири на каторге и поселении, с двумя нечаевцами Алексеем Кузнецовым и Петром Успенским встречался «чайковец» Николай Аполлонович Чарушин, о чём он рассказал в своих воспоминаниях. Кстати, именно Кузнецов обучил Чарушина фотографировать.

Под впечатлением нечаевского дела Ф. М. Достоевский написал роман «Бесы», которому, к великому сожалению, не вняли участники революционного движения. Они настойчиво утверждали, что Неचाев исключение среди честных и порядочных революционеров. Достоевский же, понимая сложность психологии людей, вступивших на революционную стезю (он и сам «переболел» в молодости социализмом, как никто, сочувствуя «униженным и оскорбленным»), говорил, что трагедия «чистейших и простодушных» заключается в следующем: будучи втянутыми в нечаевскую круговорот, они вынуждены вершить «явную и бесспорную мерзость».

Роман Достоевского читали в Вятке. Среди полицейских бумаг периода преследования участников «хождения в народ» сохранилось свидетельство, что у одного из воспитанников земского училища по распространению сельскохозяйственных и технических знаний Филиппа Кудрявцева были обнаружены выписки из «Бесов». Но неизвестно, какие именно строки он выписывал.

Читал в Вятке Достоевского и Степан Халтурин. В записях выдачи книг в Вятской публичной библиотеке за 1874–1875 гг. на его имя отмечены «Село Степанчиково и его обитатели», а также «Преступление и наказание». Думал ли «пропагандист с динамитом» о схожести собственной судьбы с судьбой вымышленного Достоевским Родиона Раскольникова? Тот порешил всего-то двух не существовавших в жизни старушек, а Халтурин устроил взрыв в Зимнем дворце, в результате которого погибли одиннадцать ни в чём не повинных человек и около шестидесяти получили ранения.

В связи с этим примечателен разговор Достоевского с издателем А. С. Сувориным, происшедший вскоре после взрыва во дворце. «Представьте себе, – говорил Фёдор Михайлович, – что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждёт и всё оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: “Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завёл машину”. Представьте себе, что мы это слышим, что люди так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городоному, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы? – Нет, не пошел бы... – И я не пошел бы. Почему? Ведь это ужас. Это преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить». Достоевский сказал, что он перебрал все причины, которые заставили бы его это сделать, «причины основательные, солидные». А затем причины, которые не позволяли бы предупредить о готовящемся взрыве. «Эти причины – прямо ничтожные. Просто боязнь прослыть доносчиком. Разве это моё дело? Это дело полиции. Она на это назначена, она за это деньги получает. Мне бы либералы не простили. Они бы измучили меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? У нас всё ненормально, от того всё это происходит, и никто не знает, как ему поступить не только в самых трудных обстоятельствах, но и в самых простых». В записных книжках Достоевский размышлял: «Помилуйте, если я хочу по убеждению, неужели я человек нравственный. Взрываю Зимний дворец, разве это нравственно».

Казалось бы, всё предсказано Фёдором Михайловичем. Но история, оказывается, ничему не учит. Вот как писал об одном из творений Нечаева в 1920-х годах историк-марксист А. Гамбаров: «Если отбросить... терминологию “Катехизиса”, то под его параграфами может подписаться каждый профессиональный революционер-большевик». Вряд ли автор решился высказывать столь рискованные суждения без санкции выпестованных единомышленников.

А о Халтурине суждения и по сей день различны, как различны и люди... Вот что писала «Кировская правда» о праздновании 79-й годовщины Октябрьской революции в областном центре: «...Подходили и подходили кировчане, глядя на устремлённую фигуру Степана Халтурина на высоком постаменте, имя которого, как и всех бесстрашных борцов за счастье народа, клятнут прислужники нынешней системы...»

О том, как в Вятке отмечали 100-летие М. Е. Салтыкова-Щедрина А. А. Хохлов

О днях 80-летней давности рассказывают газета «Вятская правда» и документы ГАКО. 26 января 1926 г. в зале школы им. Тургенева (совр. Дрелевского, 12) состоялось торжественное собрание, где присутствовали представители секции народного образования горсовета, научных и культурных организаций города, учащиеся учебных заведений. В президиуме собрания были председатель секции народного образования города С. Н. Брагин, заведующий архивным бюро И. П. Миров, Баранов – заведующий школой им. Тургенева. С докладом о М. Е. Салтыкове-Щедрине выступил педагог и литератор П. К. Малюгин. Он представил биографию и творческий путь писателя, не забыв упомянуть о том, что несколько лет жизни Михаила Евграфовича связаны с Вяткой. Докладчик ответил на многочисленные вопросы из зала. В резолюции собрания было записано: «Просить Президиум Горсовета и Губоно присвоить одной из школ города Вятки имя М. Е. Салтыкова-Щедрина». Заведующий архивным бюро И. П. Миров рассказал о значении писателя как сатирика. Он сообщил присутствующим, что Президиум горсовета 26 января 1926 г. принял решение об открытии на доме № 96 по ул. Ленина (совр. № 93) мемориальной доски. Миров пригласил участников собрания пройти к дому, где некогда жил писатель, на церемонию открытия памятной доски. В присутствии всех собравшихся на здании была прибита медная доска с текстом: «Здесь жил находившийся в ссылке писатель М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). 1848–1856 гг.». После этого слово было предоставлено председателю секции народного образования Вятского горсовета С. Н. Брагину, который указал на важность этого события и предложил послать телеграмму сыну писателя К. М. Салтыкову, работающему в журнале «Красная нива». Все единогласно поддержали это предложение¹.

Через день в газете «Вятская правда» появилась статья И. Мирова «М. Е. Салтыков (Н. Щедрин)», где он называет писателя одним из тех, кто считал русскую общину основой развития России и не мирился с приверженцами самодержавия. Миров писал, что вятское общество любезно встретило и приняло писателя. М. Е. Салтыков не любил это общество и обличал его в своих произведениях за чопорность, бюрократизм².

Таким образом, найденные в архиве документы убедительно подтвердили, что первая мемориальная доска на здании, где жил, отбывая ссылку, М. Е. Салтыков-Щедрин, была открыта в день 100-летия со дня рождения писателя 26 января 1926 г. Вероятнее всего, это самая первая мемориальная доска, открытая в городе в годы Советской власти.

Примечания

1. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 216. Л. 28–29.
2. Вятская правда. 1926. 28 янв. (№ 22).

Пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина на сцене Вятского (Кировского) драматического театра

Т. К. Николаева

Этот вопрос освещать легко – он вполне обозрим и во времени, и в пространстве. Но небольшой объём материала не означает его малой значительности. Оригинальные спектакли по пьесам М. Е. Салтыкова-Щедрина ставились в Вятке редко, но это всегда (или почти всегда) становилось событием не только театральным, но и общественным.

Сегодня говорить об этих постановках как бы предрешиено – ибо первый спектакль, поставленный в 1885 г., и последний по времени – 2000 г. – созданы на одной и той же основе: инсценировки знаменитого романа Салтыкова «Господа Головлёвы».

Первый салтыковский спектакль прошёл в Вятке 8 января 1885 г. Тогда пресса не баловала артистов подробными и искренними рецензиями. Нужно было уж какое-то особое событие, чтобы появился восторженный отзыв о спектакле, да не в местной вятской газете, а в региональной (как мы сейчас говорим) и гораздо более авторитетной – «Волжском вестнике». Правда, потом этот отзыв перепечатали и «Вятские губернские ведомости».

Корреспондент подробно рассказывает о том, как он с приятелями ждал начала действия чуть не полчаса в полупустом зале, как спектакль начался при нескольких десятках зрителей. И сокрушённо отмечает трагизм положения актёров, «вынужденных, согласно контракту, в определённые дни недели играть, несмотря ни на что, играть почти перед пустым пространством».

В это время вятский театр существовал в двух ипостасях. Были сезоны, когда играли местные любители, иногда к ним присоединялись профессиональные артисты поодиночке или семейными дуэтами. В другие сезоны театр сдавался антрепренёрам, гастролировавшим по городам России. В сезон первой постановки инсценировки романа Салтыкова на вятской сцене работала труппа Соколовского. Корреспондент «Волжского вестника» высоко оценивает творчество ведущих артистов труппы. Старуху Головлёву играла Орловская, которая, начиная спектакль, сразу завладела вниманием немногочисленных зрителей. «Мы совершенно позабыли, что сидим в полупустом зале, что актёры играют в страшный убыток себе, одним словом, всё забыли, кроме того, что видели на сцене». И далее он восторженно оценивает игру двух главных в той постановке персонажей:

Павла Головлёва – его играл Колосовский-Соколовский, и Порфирия Головлёва в исполнении самого руководителя труппы Соколовского. «Представительный и слейный, как и следует, с вечной проповедью всяческого благочестия, и в то же время такой низкий омерзительный Порфирий Головлёв встал перед нами, как живой человек». Но и другие исполнители не портили ансамбля, что редко бывало в труппах провинциальных, часто собранных наскоро, не сыгранных, не имевших умелого режиссёра. «Староста, Любинька, Аннинька были именно такие, каким им быть надлежит», – писал рецензент.

Из этой недлинной и скорее эмоциональной, чем театроведческой, заметки мы можем уяснить основной конфликт, выявленный, видимо, в самой инсценировке и убедительно разыгранный артистами. Конфликт между братьями Павлом и Порфирием. «Хотя все наши симпатии принадлежали Павлу Головлёву, особенно в сцене смерти (сцену эту, исполненную глубокой жизненной правды, не описываю за невозможностью передать всё потрясающее её впечатление), но справедливость требует сказать, что и Иудушка был живым воплощением типа – ни одного движения, ни одной нотки, которая была бы неверной или лишней, – напротив, с первого слова и до последнего это была блестящая иллюстрация к характеру, созданному великим сатириком».

И заканчивает рецензент довольно пафосно. Но такова уж природа театра – удачный спектакль, даже показывающий не весьма приглядные картины жизни, рождает душевный подъём, который ищет воплощения в повышенных тонах оценок. «Велик должен быть талант, несокрушима воля и ясное сознание долга у людей, способных при самых невозможных обстоятельствах играть таким удивительным образом».

Но тут следует вернуться к зрителям этого знаменательного спектакля. Вернее, к тому факту, что зрителей было очень мало. Вятские жители (в то время, вероятно, ещё были живы те, кто помнил Салтыкова, служившего в Вятке) не заинтересовались творением своего бывшего знакомого. А между тем, 1885 г. – это время наивысшего взлёта щедринской популярности. Им восторгаются не только поклонники и последователи, но и люди гораздо более молодые, которые пришли в мир и по-иному жить, и создавать иное искусство. Восторженно принимал каждое новое произведение Салтыкова В. Г. Короленко. Он хорошо знал и его произведения, написанные на вятском материале, и не раз обращался именно к вятским мотивам великого писателя. Молодой А. П. Чехов, которого сегодня мы не без оснований подозреваем в родоначальии символизма, писал в самом начале 1886 г. Лейкину: «Прочтите в субботнем (15 февр.) № «Русских вед.» сказку Щедрина... Получите удовольствие и руками разведёте от удивления: по смелости эта сказка совсем анахронизм». Речь шла о сказке «Праздничный разговор». Вообще Чехов насыщал свои заметки и письма щедринскими выражениями: то называл себя

Подхалимовым, то укорял брата в желании установить урядническое чтение в сердцах», любимое Мелихово часто называл «моё Монрепо» и т. п. Что уж говорить о писателях, деятелях народнического движения и иных протестующих направлений! Для них Салтыков был знаменем. А в Вятке поставили чуть ли не впервые в России пьесу по одному из талантливейших произведений столь знаменитого писателя, но вятские жители не пришли посмотреть. Короленко гораздо позднее писал в письме к Улановской: «...Живая сила измеряется массой, приведённой в движение – всё равно, в какое время. Посчитайте ту огромную массу новых мыслей и чувств (нового отношения человека к миру), которую в своё время привёл в движение Щедрин...» Консерватизм вятского населения известен был уже в те времена, по-видимому, он не уменьшился и до нашего времени. Но это не отнимает у нас возможности гордиться тем, что именно в Вятке состоялась премьера инсценировки «Господ Головлёвых» и что сыграна пьеса была вполне удовлетворительно.

Второй салтыковский спектакль состоялся в переломное для России время – в годы Первой мировой войны, накануне Октября – в 1916 г. В Вятском театре прошла «Смерть Пазухина». К сожалению, об этом спектакле пока мы ничего не узнали. К этому времени горожане уже привыкли к театру. Выросли собственные талантливые артисты и приезжали в Вятку уже знаменитостями – Падарин, Зубов. Накануне войны, да и в самые годы войны, в Вятке гастролировали известные, хорошо сыгранные труппы, например, П. П. Гайдебурова, приезжал театр Корша. Труппа одарённой вятской любительницы Ольги Павловны Прозоровой ставит серьёзные, значительные пьесы, например, «Дядю Ваню» Чехова, «Горе от ума» Грибоедова. В это же время в Вятке пели и Вяльцева, и Вера Панина, с театром Корша приезжал К. А. Зубов. А летом 1912 г. гастролировал В. Н. Давыдов. Одним словом, театральная жизнь кипела. И было бы важно узнать, как же поставили «Смерть Пазухина». Но не знаем...

Если «Смерть Пазухина» – пьеса известная, то следующее драматическое произведение Салтыкова, поставленное на сцене нашего, уже Кировского драматического театра, ставится значительно реже, и широкому зрителю известно меньше.

В январе 1976 г. к 150-летию со дня рождения писателя состоялась премьера спектакля по пьесе «Тени». Поставил его московский режиссёр Ф. С. Берман. В день премьеры он дал интервью корреспонденту газеты «Кировская правда». Сказав юбилейные слова о том, что обращение к произведению великого сатирика для него – событие, что главное в нём – «любовь к человеку, проблема человеческого достоинства, которая здесь является главенствующей», режиссёр определил основу образного решения спектакля – это гипербола, преувеличение, гротеск. «Ставили мы перед собой и задачу изменить хрестоматийное представление о сатирике, по которому он для некоторых представляется тягучим и холодным

моралистом. Вот почему важно было открыть его весёлость, которая прорывается сквозь боль, сделать его живым и постижимым для сегодняшнего зрителя». Задача была поставлена определённая, достойная задача. Ибо, действительно, мы как-то ушли от того понимания Щедрина, которое было присуще его современникам. Ещё Короленко чуть не сто лет писал: «Щедрин всё смеётся» – приходится слышать в виде упрёка. Да, «почти» всё смеялся; под конец жизни ему было слишком тяжело смеяться, и у него прорывались крики глубокой тоски. Но, к счастью для среднего русского человека, в самые мрачные минуты нашей недавней истории мы слышали этот смех. Я говорю – к счастью. Представьте только, в самом деле, что в то время, когда и без того было так жутко, ещё Щедрин затянул бы унылую заупокойную песню».

Может быть, режиссёру Берману увиделась необходимость воскресить весёлого Щедрина именно потому, что и 70-е годы прошлого века были временем жутким?

Гротескность решения была воплощена во всём и, в первую очередь, – в оформлении. Сегодня, по прошествии 25 лет со дня премьеры, именно сценография «Теней» вспоминается как самое яркое и впечатляющее в том спектакле (художник – Татьяна Сельвинская). Да ещё, пожалуй, работа главного исполнителя роли Бобырева – Юрия Машкина. Остальное как-то стёрлось и подзабылось. Но невозможно забыть грандиозный, чуть не во всю сцену письменный стол – такая арена деятельности высокопоставленного чиновника. И в то же время арена столкновения бездушной государственной машины и маленького человека с его мечтами, страстями, желаниями и неудачами. С первого же взгляда становилось ясно, за кем будет победа. К тому же стол был окружён, как опутан, толстыми золотыми цепями, рядом стояли грандиозные канделябры, всё это охранялось могучими бронзовыми львами. Человек в этом мире раздутого чиновничьего антуража был маленьким не в переносном, а в самом прямом смысле слова. Это было совсем не смешно и абсолютно не весело. В актёрской игре почти всех персонажей гротеск присутствовал в речи, в пластике. Это были не то чтобы совсем люди, как бы нечто механизированное. Видимо, по мысли режиссёра, это и были те самые «тени», которые наполняли российскую жизнь, выдавливая из неё всё истинное, человеческое, одухотворённое. И единственными по-настоящему тёплыми, человеческими оказывались два провинциала из Семиозерска – Бобырев и его жена (арт. Н. Кислицына). Конфликт между Бобыревыми и хорошо налаженным столичным канцелярским миром был скорее изображён, чем прожит. Он задавался с самого первого слова, и развитие происходило только у Бобырева, который появлялся в ярком розовом фраке, весёлый, живой, обаятельный. А к концу спектакля становился забитым, серым, согбенным и почти безликим. Но этот финал, заданный с самого начала, никак не мог способствовать возрождению весёлого Салтыкова.

Рецензент спектакля Г. А. Охотина в начале своего отзыва, опубликованного в «Кировской правде» через месяц после премьеры, тоже сказала все принятые слова о гуманизме Салтыкова, о том, что он бичует официально-чиновничьи сферы, идеологию и мораль правящих групп царской России. Затем она подробно и квалифицированно растолковала замысел режиссёра и его воплощение. Её оценка была не просто положительной, а, пожалуй, 5+. Сегодня, отрешившись от юбилейного фимиама, мы можем спокойнее оценивать тот спектакль четвертьвековой давности. Увы... И тогда зритель не валит валом на это грандиозное зрелище, и сегодня спектакль не вспоминается как истинное достижение театрального искусства. Не удалось Берману поколебать устоявшуюся в советское время оценку Салтыкова как писателя бичующего, разоблачающего, ненавидящего и т. п. Пожалуй, только Машкин сумел сохранить в своём Бобыреве человечность и помог оценщикам спектакля говорить о гуманизме драматурга и режиссёра.

И вот четвёртый, последний вятский спектакль по произведениям Салтыкова-Щедрина. И снова, как в начале – «Иудушка». Режиссёр Е. К. Степанцев поставил совсем другого Салтыкова, точно не тяготела над ним наизусть вызубренная школьная хрестоматийная характеристика. Об этом спектакле писали совсем немного, а мне он представляется важным явлением в театральной жизни города, и явлением в прочтении классика глазами человека, вступающего в новое тысячелетие. Поэтому позволю себе поговорить об этом спектакле поподробнее.

Вспомним, что писал Салтыков об истоках своего знаменитого романа «Господа Головлёвы» в 1869 г.: «Хотя крепостное право в своих прежних, осязательных формах, не существует с 19 февраля 1861 года, тем не менее, оно и сегодня остаётся единственным живым местом в нашем организме. Оно живёт в нашем темпераменте, в нашем образе мыслей, в наших обычаях, в наших поступках... Говорят, нет крепостного права! Нет, оно есть; но имя ему – хищничество». Прошло почти полтора века. Но если мы сегодня глубоко и вдумчиво взглянем в себя, то легко определим, что и поныне наследие того длиннейшего рабского периода не умерло в душах русских людей. И хищничество, воровство, разбой, цинизм и низкая брань – что это, как не наследие крепостничества. Быть свободными людьми трудно, этому надо учиться долго, терпеливо и настойчиво. А учиться мы не умеем в силу того же нетленного наследия. Не потому ли Салтыков в своё время обратился к самому завуалированному проявлению рабства, к самому трудно изживаемому – к отношениям в семье? И не потому ли сегодня возникла потребность вновь говорить об этой же семье, что со времён Салтыкова мало изменилось именно в этих отношениях, которые чрезвычайно важны для каждого?

Режиссёр, заслуженный деятель искусств России Евгений Кузьмич Степанцев, не давал широкоэвентельных интервью, не обещал

пересмотреть отношения к великому сатирику. Но, в сущности, новый спектакль драматического театра, может быть, впервые сделал шаг к этому пересмотру, к приближению общественного обличителя к рядовому человеку, к его не всегда государственным проблемам. Именно семья, именно материнские, сыновние, братские чувства становятся главными для исполнителей. А уже из них, из сплетения семейных страстей, из высоких и низких чувств и поступков возникает более обширная картина общества и государства. Когда-то говорили, что семья – ячейка общества. Исследуя семью, мы можем получить и вернуть картину жизни общества.

Спектакль разыгрывается на довольно обширном пространстве, которое изображает собой и комнаты в доме Порфирия Головлёва, и некие ростаны, и чисто условное пространство жизни самых молодых членов этой семьи. Художник Людмила Синицына как будто точно воспроизвела описание Иудушки Головлёва в последней его стадии: «Он значительно постарел, вылинял и потускнел... Густая атмосфера невежественности, предрассудков и кропотливого переливания из пустого в порожнее царила кругом него». И в самом начале, когда в усадьбе царствует ещё Арина Петровна, такое оформление вызывает всё же вопросы, во всяком случае, возникновению должного впечатления власти, порядка и сытости оно не способствует. Следует, видимо, делать скидку на чрезвычайную бедность сегодняшнего театра, но всё же человек большого таланта Л. Синицына не могла бы сделать более впечатляющие декорации.

Когда же появляется на сцене сама Арина Петровна, то невольно вспоминается спектакль прошлого века. И сегодня мы способны точно так же забыть обо всём и совершенно погрузиться в ту жизнь, которая создана руками Арины Петровны, в её проблемы, в её заботы. Народная артистка России Галина Малышева создаёт образ живой, полнокровный, объёмный. Она не отвратительна, как было привычно трактовать этот образ в прежние времена, не кровопивец, не эксплуататор. Она вся в заботах о своём обширном и разнообразном хозяйстве, о своих непутёвых сыновьях. Ей скорее хочется сочувствовать. Вот когда начинают проявляться плоды её трудов и забот, тогда уже зритель начинает сомневаться в доблестном служении этой матроны своему близкому и дальнему окружению. И актриса точно и беспощадно показывает тщету заботы о материальном, плоскую убогую душу этой мощной и властной женщины. И когда в середине спектакля взращённый её бездуховной заботой сынок и её саму прибирает к рукам, то становится искренне жаль человека, так бездарно употребившего свои недожинные способности. Работа в этом спектакле – одна из лучших в репертуаре Галины Малышевой. Жаль, что сегодня практически нет возможности в широкой прессе публиковать настоящие театроведческие разборы спектаклей, актёрская работа Г. Малышевой достойна самого тщательного изучения в подробностях её сценического проживания.

Конфликта между Головлёвыми-сыновьями в нашем современном спектакле режиссёр не выстраивает. Все три роли сыграны достаточно убедительно. Павел Владимирович в старательном исполнении А. Тетерина – самая жалкая из жертв Иудушки, он даже не пожил как следует и ушёл из жизни, придавленный нагромождением пустяков, мелкого ханжества, ничтожного скопидомства. Степан Владимирович (засл. арт. России В. Смирнов) – человек более интересный, со своей особенкой, обаятельный, как многие русские пьяницы, одарённый способностью увлекаться и любить, тем не менее тоже человек некрупный, пустяковый, разменявший жизнь на невеликие поступки. Порфирий Владимирович – единственный, кто приближается по масштабам к матери. Заслуженный артист России Павел Исайкин играет как бы оборотную сторону одного и того же, типичного для России, явления. Там, где у матери сила и мощь, у сына – смирение и податливость. А когда мать, не понимая происходящего вокруг неё, сама становится слабой и уходит только в заботы о выживании, сын обретает власть, правда, эта власть другого качества, научья, оплетающая и душная всё, что пытается развиваться. В спектакле выявлена, скорее, не борьба нового со старым, а как бы постоянное перетекание властителя в раба, в результате чего происходит полное вырождение всей этой системы. Но ведь и сегодня мы наблюдаем разве не то же самое? Та самая отрывка крепостничества – властолюбие, стремление к власти любыми средствами, подавление всего живого, нового, светлого. И самое постоянное – превращение недавних рабов в беспощадных властителей и, наоборот, – лёгкое и быстрое превращение властителей в жестоких и циничных рабов. И всё это только по одной причине: у общества, состоящего из властителей и рабов, нет в душе бога, нет совести, нет любви. Отчётливее всего это видно на примере семьи. Сегодня мы об этом почти не говорим, не думаем. Салтыков-Щедрин знал эту истину; он верил в то, что преобразование общества из рабского в свободное должно начинаться в семье. «Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличии этого уже ничего нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, кто ими пользуется».

Спектакль Кировского областного драматического театра «Иудушка» мне представляется этапным не только в современном прочтении Салтыкова-Щедрина, но и в развитии самого театра. Не раз уже отмечалось, что наш театр обладает редкой для провинции труппой – сильной, талантливой, разнообразной. Без таких спектаклей, как «Иудушка», зрители не сумели бы увидеть этого с такой убедительностью. Было бы важно во всех смыслах запечатлеть этот спектакль для потомков, ибо мы можем им по достоинству гордиться.

СПИСОК АВТОРОВ

Ботев Андрей Геннадьевич — студент 4 курса исторического факультета Вятского государственного гуманитарного университета.

Вдовин Алексей Владимирович — студент 5 курса филологического факультета Вятского государственного гуманитарного университета.

Глазкова Татьяна Александровна — аспирантка Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Глушаков Павел Сергеевич — преподаватель отделения славистики Латвийского университета (г. Рига).

Гущин Юрий Геннадьевич — кандидат филологических наук (г. Глазов).

Данилова Оксана Леонидовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Елабужского государственного педагогического университета (Республика Татарстан).

Дворецкая Татьяна Алексеевна — заведующая сектором учёта отдела фондов Кировского областного краеведческого музея.

Долгушев Вадим Григорьевич — доктор филологических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета.

Евстифеева Рива Арсеновна — лаборант-исследователь Института русского языка им. В. В. Виноградова (г. Москва).

Изергина Нина Петровна — профессор Вятского государственного педагогического университета.

Коробейников Алексей Владимирович — соискатель Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

Максимова Ирина Генриховна — старший научный сотрудник Дома-музея М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Мамедова Татьяна Константиновна — научный сотрудник музея М. Е. Салтыкова-Щедрина (с. Спас-Угол Тверской области).

Марков Андрей Алексеевич — главный библиограф Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

Мусихин Алексей Леонидович — системный инженер, краевед (г. Нижний Новгород).

Никитина Нина Серафимовна — старший научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом, г. С.-Петербург).

Николаева Тамара Константиновна — член Союза журналистов, краевед, заслуженный работник культуры РФ.

Подлевских Леонтий Геннадьевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Кировского филиала Академии Министерства юстиции РФ.

Полякова Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент Вятского государственного педагогического университета.

Рычкова Елена Дмитриевна — ведущий библиотекарь сектора редких книг Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

Семибратов Владимир Константинович — кандидат культурологии, доцент Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

Сергеев Валентин Дмитриевич — кандидат исторических наук, профессор Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

Хохлов Анатолий Александрович — кандидат педагогических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета.

Черных Наталья Викторовна — педагог дополнительного образования Кировского областного центра детско-юношеского туризма и экскурсий.

Шестопалова Галина Алексеевна — доцент Московского педагогического университета.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГВ	Вятские губернские ведомости
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ПКВГ	Памятная книжка и календарь Вятской губернии
ПСС	Полное собрание сочинений
РАН	Российская Академия наук
РГИА	Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Тр. ВУАК	Труды Вятской учёной архивной комиссии
УИИЯЛ УрО РАН	Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
ЦГАЛИ	Центральный государственный архив литературы и искусства
ЭЗВ	Энциклопедия земли Вятской

СОДЕРЖАНИЕ

Вдовин А. В. Общество как адская пирамида: к интерпретации сна Мичулина в «Запуганном деле» М. Е. Салтыкова.....	3
Черных Н. В. Перспективы развития русского общества в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	10
Глазкова Т. А. Феномен демифологизации в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	20
Данилова О. Л. Изображение мира природы Вятской губернии в ранних произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Стахеева.....	24
Коробейников А. В. Автограф М. Е. Салтыкова – источник по истории удмуртов.....	31
Николаева Т. К. Салтыковские мотивы в эпистолярном наследии Ивана Аксакова.....	42
Евстифеева Р. А. «Начальствовал, не делая, по крайней мере, никому зла»: статья в якутской Памятной книжке как один из источников «Истории одного города».....	50
Подлевских Л. Г. «Наша общественная жизнь»: восприятие населением российской провинции известий о польском восстании 1863–1864 гг. в оценке М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	54
Дворецкая Т. А. Пленники Вятки (М. Е. Салтыков-Щедрин и ссыльные поляки).....	60
Марков А. А. Свободное времяпрепровождение молодого провинциала в середине XIX века (По письмам Г. Каменского из вятской ссылки).....	66
Рычкова Е. Д. Прижизненные издания современников М. Е. Салтыкова-Щедрина в фондах Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (вторая половина XIX в.).....	73
Глушаков П. С. М. Е. Салтыков-Щедрин в сознании русской эмиграции.....	78
Айхенвальд Ю. Сердитый и сердечный. Памяти Салтыкова-Щедрина 1826 – 27/л - 1926.....	83
Шалфеев Б. Последние дни М. Е. Салтыкова-Щедрина (По рассказу очевидицы).....	85

Семибратов В. К. «Травил предшественнику гитлеризма»
(Об издании произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина в 1941 г.).....91

Мусихин А. И. Семантика эпитета «великий» по отношению к рекам в вятских исторических источниках XVII–XVIII веков.....94

Ботев А. Г. Дневник жителя деревни Катаевщина
Алексея Михайловича Лалетина.....98

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Восьмые Салтыковские чтения (1996)

Мамедова Т. К. «Месяцеслов Салтыковых на 1828 год»
(Светлой памяти В. П. Саватеева).....106

Шестопалова Г. А. М. Е. Салтыков-Щедрин – теоретик литературы.....110

Полякова О. А. Проблемы типизации и реалистически-сатирического изображения действительности в литературной теории Г. Каменьского.....113

Гуцин Ю. Г. Сатирическим пером о «ненстоящем» городе.....117

Гуцин Ю. Г. К вопросу о пребывании М. Е. Салтыкова-Щедрина
в городе Глазове Вятской губернии.....123

Черных Н. В. Проблемы изучения творчества
М. Е. Салтыкова-Щедрина в школе.....125

Долгушев В. А. Друг Салтыкова Александр Петрович Тиховидов
и его филологические труды.....128

Максимова И. Г. «...Впоследствии и люди нашлись»
(Окружение М. Е. Салтыкова в Вятке).....132

Никитина Н. С. Забвение – не его удел (О В. Н. Баскакове).....138

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Девятые Салтыковские чтения (2001)

Изергина Н. П. Неопубликованная статья М. Е. Салтыкова-Щедрина
«Первая частная выставка произведений сельского хозяйства
и ремёсел в Вятке».....140

Изергина Н. П. К вопросу о вятской избраннице
М. Е. Салтыкова-Щедрина – Елизавете Аполлоновне Болтиной.....146

<i>Полякова О. А.</i> Искусство сатирического повествования в романах «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Господа Помпалинские» Э. Ожешко.....	151
<i>Дворецкая Т. А.</i> Старинный вятский польский род.....	153
<i>Сергеев В. Д.</i> Русские писатели и вятские «нигилисты».....	156
<i>Хохлов А. А.</i> О том, как в Вятке отмечали 100-летие М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	161
<i>Николаева Т. К.</i> Пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина на сцене Вятского (Кировского) драматического театра.....	162
СПИСОК АВТОРОВ	169
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	171

Научное издание

Десятые Салтыковские чтения [Текст] : материалы науч. конф. – Киров, 2006. – 174 с.

Редактор Г. А. Симонова
Технический редактор В. И. Курилова
Корректор Т. Л. Гудей

Подписано в печать 10.11.2006 г. Формат 60x841/16.
Бумага офсетная. Гарнитура журнальная. Печать офсетная.
Тираж 150 экз. Заказ 408.
Отпечатано с электронной версии
в типографии ООО «Лобань», г. Киров, ул. Ленина, 198.